

ТАТЬЯНА НИЛОВА

ПОПУТЧИКИ

Рассказы. Повести

TATYANA NILOVA

POPUTCHIKI

РЕДАКТОР-СОСТАВИТЕЛЬ
А.В. ФИНКЕЛЬШТЕЙН

Филадельфия
2020

Выражаем благодарность Международному сообществу фотографов PEXELS за возможность использования фотографий для оформления книги.

Нилова Т.А. «Попутчики»: рассказы, повести. Филадельфия; 2020.

Т.А. Нилова – писательница, автор рассказов, очерков и повестей, (печатается также под литературным псевдонимом Мария Москвина). Автор книг «Громила и Рыжик» (Россия, Москва), «Лесной страж» (США, Филадельфия), «Казино» (США, Филадельфия).

В первый раздел книги «Попутчики» под названием «Недетские рассказы о детях» включены истории столкновения детей с темными сторонами жизни: сталинскими репрессиями и связанными с ними лишениями и невзгодами, жестокостью, аномальным поведением взрослых, и о встречах с людьми, не позволившими зародиться в душе ребенка ненависти и злу.

В коротких повестях: «Не скучай», «Жасминовый карнавал», «Крымская история» «Летние каникулы» отражены проблемы взросления, зарождение первой любви, стремление следовать первичным понятиям добра и зла, неизбежность разлук и потерь.

Заключительная история – «Сказка об алой и белой розе» - рассказ о встрече ребенка с замечательным человеком, впечатления от которой остались в его памяти на всю жизнь.

Copyright 2020 by Tatyana Nilova

СОДЕРЖАНИЕ

НЕДЕТСКИЕ РАССКАЗЫ О ДЕТЯХ

ПОПУТЧИКИ	6
ПРАЗДНИЧНЫЙ ЗАВТРАК	15
ОКНО	26
КУКЛА	34
ЖАРКОЕ ЛЕТО	41
ТРЕВОЖНАЯ ЗИМА	47
«БЕРЛИН – МОСКВА»	56
ЗВЕЗДА ЭКРАНА	62
ЗИМНИЙ ТРАМВАЙ	75
НОВОГОДНЯЯ ЗВЕЗДА	83
НЕДЕТСКИЕ СТИХИ	92
КАРУСЕЛЬ	99
ФАТИМА	103
ГРИБНОЙ ЦАРЬ	113
НАВАЖДЕНИЕ	124
АЛЕКСАНДРА	140
ПРОСТАЯ КОШКА	152

ПОВЕСТИ

НЕ СКУЧАЙ!	160
ЖАСМИНОВЫЙ КАРНАВАЛ	183
КРЫМСКАЯ ИСТОРИЯ	210
ЛЕТНИЕ КАНИКУЛЫ	239
СКАЗКА ОБ АЛОЙ И БЕЛОЙ РОЗЕ	273

**НЕДЕТСКИЕ
РАССКАЗЫ
О ДЕТЯХ**

ПОПУТЧИКИ

Приближались летние каникулы. И вдруг выяснилось, что везти Катю в деревню некому. Отца посылали на Урал в долгосрочную командировку. Мать получила важный заказ на работе. А Нине, Катиной тете, с которой она проводила в деревне каждое лето, неожиданно дали бесплатную путевку в Сочи. Против Сочи Нина устоять не могла. Но и оставлять в городе любимую племянницу, проболевшую всю зиму разными простудами, тоже было неприятно.

Нина, принимавшая в воспитании Кати не меньшее участие, чем родители, подумала и решила – Катя поедет в деревню сама. «Кате одиннадцать лет – уже большая. Мы ее посадим в поезд, попросим попутчиков помочь, а дядя Миша встретит ночью на станции. Обратно я ее привезу – у меня неделя от отпуска останется» - объявила Нина отцу с матерью. «Что ты, Ниночка, Катюша еще совсем ребенок! Страшно ее одну отправлять!» – запрочитала мать. «Страшно ребенка в Москве оставлять без свежего воздуха и парного молока!». Перечить Нине было бесполезно, и мать, скрипя сердцем, согласилась.

Нина послала телеграмму в деревню дяде Мише. Получила подтверждение, что он встретит Катю в условленное время, и «все будет путем». За неделю до окончания учебного года мать взволнованным голосом сообщила Кате, что ей придется ехать в деревню одной и провести в поезде почти целую ночь. Кате на секунду стало жутко, на сердце похолодало, но она не показала вида, а только сказала тихо: «Хорошо, мама». Ей было страшно и весело одновременно, как на качелях,

взлетающих высоко в небо. Одна в поезде! С чужими людьми! Ночью!

Катя любила поезда. Любила особую, ни на что не похожую жизнь на колесах. Когда волею судьбы, случайные люди оказались на время вместе в тесном пространстве купе, вокруг крошечного столика. Они ели и спали рядом друг с другом, привнося в новый маленький мирок частичку своей жизни. Делились едой, сладостями, угощали вином. Рассказывали, порой, временным попутчикам, совершенно чужим людям, о себе то, что никогда бы не поведали ни друзьям, ни близким. И вот Кате предстояло быть не наблюдателем, как раньше, а участником короткого, но увлекательного путешествия.

Пришло время, билеты были куплены, чемоданы набиты гостинцами, консервами, конфетами, пачками чая – всем необходимыми для долгого пребывания в деревни, где, кроме маленькой, редко открывающей свои покосившиеся ставни лавчонки, никаких магазинов в ближайшей округе не было.

По дороге на вокзал Катя сильно волновалась. Она избегала заглядывать в полные тревоги глаза матери, но часто посматривала на Нину. Миловидное лицо тети выражало спокойствие и уверенность, на губах мелькала легкая улыбка, карие глаза светились ласковым блеском. «Не волнуйся, Катюша, все будет хорошо!» - как будто угадав Катини мысли, проговорила Нина.

Поезд уже стоял на путях и ждал своих пассажиров. Они поднялись по ступеням вагона, затащили тяжеленные чемоданы. В купе Нина зорким взглядом оглядела Катиних попутчиков и осталась довольна. Все трое были на месте. Сидели на скамейках и смотрели в окно. Нина, приветливо улыбаясь, познакомилась с пассажирами купе. Иван Фомич, рабочий из Новосибирска ехал

к брату в Белоруссию. Молоденький солдатик, Алеша, направлялся на побывку к матери в Смоленск. Третьим пассажиром была женщина средних лет, с бледным лицом и напряженным взглядом больших темных глаз. «Вера» - представилась она.

«Вот что, дорогие мои, у нас к вам огромная просьба! – обратилась Нина к Катиным попутчикам. - Уж не откажите, пожалуйста! Позаботьтесь о нашей Катюше!» Нина обстоятельно все объяснила. Лица пассажиров потеплели. «Вы не беспокойтесь, – сказала Вера. - Мы сделаем все, как надо». «Да, да! – густым басом уверил Петр Фомич. - Не сомневайтесь! Передадим Катюшу из рук в руки вместе с чемоданами!» Алеша достал из кармана гимнастерки блокнот и записал название станции и время прибытия поезда.

В дверях купе появилась проводница, объявила о скором отправлении и предложила провожающим покинуть вагон. Мать нервно сжимала руки, тщетно пытаясь скрыть тревогу. Она обняла Катю и крепко прижала к себе: «Как приедешь, Катюша, попроси дядю Мишу тут же телеграмму отбить». Катя молча покинула головой. «Пойдем, пойдем! - потянула Нина мать за рукав. – А то пропадут мои Сочи!». «Спасибо вам заранее! - сказала мать. - Уж вы присмотрите за дочкой!». «Конечно! Конечно!» - хором ответили попутчики. Нина и мать спустились на перрон. Поезд тронулся, и они пошли за медленно удаляющимся вагоном. Катя махала рукой из окна. Поезд набирал скорость. Ниточка, связывающая Катю с прежней жизнью, становилась все тоньше. Вот вокзал остался позади, и ниточка оборвалась.

Катя села за столик, положила на колени свою детскую сумочку. Вера сидела напротив и внимательно смотрела на девочку. «Катя, хочешь на верхнюю пол-

ку?» - спросил Петр Фомич. - «Нет, спасибо! Я здесь за столиком посижу». «Ну, тогда я сосну немного на верхотуре! У меня дорога длинная была, с пересадками. А твою остановку я не просплю. У меня, знаешь, будильник внутри тикает! Разбудит точно в срок!». «Я тоже прилягу - сказал Алеша и ловко вспрыгнул на верхнюю полку. - С Мурманска еду. Вы меня разбудите, Петр Фомич! Я на подъем легкий!» Вскоре сверху раздался разноголосый храп.

Вера улыбнулась:

- Хочешь вздремнуть, Катюша? Я тебя посторожу.

- Нет, нет! Я не хочу спать! - помотала головой Катя.

- Понимаю! Волнуешься? Ну что ж, посидим вместе.

- Вера порылась в пакете и достала большое, румяное яблоко.

- Угощайся Катюша!

Катя взяла яблоко, откусила кусочек и стала жевать, поглядывая в окно, за которым прятался непроглядный ночной мрак.

- Так ты с мамой живешь? - спросила Вера

- И с папой. Только так не всегда было. Я папу до пяти лет не видела.

- А где же он был?

- Далеко – в северном Казахстане. Работал там. А потом в Москву приехал. Он разрешение получил. «В правах восстановили», - сказала мама.

Вера понимающе покивала головой.

- А муж мой, Артем, так и не дождался разрешения, – тихо сказала Вера. Она опустила голову и стала похожа на нахохлившуюся птицу.

- Жалко! - взглянув на погрустневшую женщину, проговорила Катя. - Ну, может, еще получит. Папа часто говорит: «Времена меняются».

Вера промолчала. Катя раскрыла сумочку и достала

куколку-голыша. И вдруг из сумочки на столик выпал красный собачий ошейник.

- А это чей ошейник? - спросила Вера.

- Это я подарок везу для Куся.

- Кто такой Куся?

- Дяди Мишина охотничья собака, выжлец называется.

Лицо Веры, и без того бледное, помертвело.

- Выжлец, говоришь? – она замолчала и стала смотреть в темноту ночи, словно пытаясь что-то разглядеть за ее черной непроглядностью.

Не отводя взгляда от окна, Вера начала негромко говорить:

- У нас тоже выжлец был. Перед войной мы с Артемом жили в рабочем поселке на окраине Москвы. Снимали комнату в старом доме у Прокопьяча – вдовца и горького пьяницы. Он все искал невесту и пропадал неделями. Так что дом был целиком на нас. Мы оба учились. Артем – на инженера, я - на учительницу. На скудную стипендию прожить было трудно. Артем ночами подрабатывал в железнодорожном депо. А мне не разрешал. «На то и другое тебя не хватит», - говорил. Сам он коренной сибиряк – крепкий, сильный, умелый. У хозяина была собака, дворняжка, по кличке Волчок. Бегал Волчок днями по поселку, только кормился дома. Черный, лохматый, а глаза разные – один карий, другой голубой. Волчок всегда прибежал на задворки – там его миска стояла. Как-то вечером я слышу – собака лает у переднего крыльца. Удивилась я, выглянула в окно. Смотрю – Волчок, а с ним какая-то чужая собака – чудная, цвета песочно-рыжего, гладкая, поджарая. Видно, что породистая. Я дверь открыла и впустила их. Пригляделась – рыжая собака вся дрожит, и лапы у нее в кровь сбиты. Видно, издалека прибежала. Я плеснула

в миску остатки супа, хлеба накрошила. Собака набросилась на еду, а Волчок, вечно голодный, рядом стоит, смотрит на миску жадными глазами, но не подходит. Съела рыжая собака все дочиста и миску вылизала. Вышла в сени и рухнула в углу. Волчок посмотрел на нее, дескать, теперь все в порядке, и убежал куда-то по своим делам. Вернулся Артем, и я ему рассказала, как наш Волчок другую собаку привел. Артем вышел в прихожую, посмотрел на собаку и ахнул: «Да это же – выжлец, старинная порода русских гончих, непревзойденная на охоте!». У Артема и отец и дед были заядлыми охотниками и его мальчишкой часто на охоту с собой брали. Знали толк в собаках. Оставили мы приبلудившуюся собаку. Артем имя ей дал – Найда. Привязалась Найда к нему – ни на шаг не отходила. Охотника почуяла, должно быть. На работу провожала, с работы встречала. Если он где-нибудь запропастился, я крикну: «Найда, где Артем? Ищи!». Она нос к земле опустит и бежит по следу, и приводит Артема ко мне. «Настоящая гончая!» - восхищался Артем.

Вера бросила мимолетный взгляд на притихшую девочку и замолчала, как бы сомневаясь, стоит ли рассказывать дальше. Склонила низко голову и, потирая руками виски, продолжила совсем уже едва слышно:

- Однокурсники наши жили в Москве, только мы с Артемом за городом... Как-то вечером вдруг явился к нам Борис, друг Артема. Запыхался, видно, от станции бегом бежал. «Пойдем выйдем на минутку», - и тянет Артема за руку. Вышли они в прихожую. «Профессора Буковского арестовали и Пашу Лепина из нашего семинара», – услышала я из-за двери взволнованный голос Бориса. Потом они на шепот перешли. Через какое-то время входят в комнату. «Понимаете, ребята! – говорит Борис. - Каникулы начались, а у меня мать приболела.

Поэтому, сами понимаете... Ну, прощайте!». Обнял Артема, потом меня, схватил вещевой мешок и скрылся в ночи. Артем бросился ко мне: «Собирайся, Вера! Через час поезд на Урал проходит. Я тебя посажу». «Нет!» – сказала я. - Без тебя - ни за что!». - «Я после обязательно приеду, не волнуйся! Надо на время под воду уйти! А я завтра до своего друга, сибиряка, попробую добраться. Вместе на гражданке воевали. А сегодня в сторожке лесной переночую». Я не стала больше спорить. Покидала вещи в чемодан. Артем собрал дорожный мешок – и бегом на станцию. Вовремя успели. Артем билет купил и в поезд посадил. Я ни словечка не говорила, только слезы текли из глаз ручьями. Поезд тронулся. «Береги себя!» - слышала я сквозь грохот колес.

Вера замолчала.

- А Найда? - спросила тихо Катя. - Что с ней?

- Найда? Очень преданная собака оказалась!

Вера опять уставилась в окно. Она вспомнила, как всего два дня назад разыскала Прокопьяча. Он жил все в том же ветхом домишке. Постарел сильно, но Веру сразу узнал. «На всю жизнь я из-за вас с Артемом покой потерял – сказал он. - Совесть всю душу, как моль, изъела.»

Прокопьяч поставил на стол бутылку водки, налил себе в стакан и выпил залпом. Взял другой стакан, вытер нечистым полотенцем, плеснул водки, подвинул Вере: «Глотни, девка, - легче будет!». Выпил еще, обсушил ладонью рот, откашлялся:

- Слушай, как дело было. В ту ночь я пьяный пришел и спать завалился. Вдруг слышу, в дверь кто-то грохочет. Кого, думаю, нелегкая несет. Стучат, дверь вот-вот выбьют. Пошел открывать, а сам матерюсь по страшному. Открыл, а там двое мужиков в чем-то темном,

да в фуражках с околышами. Вошли, оглядываются. «Нам, - говорят, - дед, Артем Петрович нужен». «Нет его – говорю, - На работе, должно быть - в депо, или паровоз перегоняет». «А жена его, Вера Семеновна, где?» – спрашивают. - «А должно быть, в институте задержалась. Они в институтах учатся - образование получают». «Очень нам нужен Артем Петрович, – говорят мужики.- Мы из московского депо. Локомотив у нас сломался. Починить надо срочно. А он специалист по этому делу. Он нам уже помогал. Подумай, дед, как нам его найти». А тут Найда ко мне шмыг, к ногам прижалась и хвост поджала. «Что ты, - говорю, - Найдушка, испугалась? Это свои люди, тоже на дороге железной работают. Да вот, - говорю, - товарищи железнодорожники, вам собака эта вмиг Артема найдет. Собачка эта – непростая, породы редкой - выжлец. Она своего хозяина, где хочешь найдет, живого или мертвого, почище царских ищеек». Эти двое переглянулись. Я и говорю, старый дурак: «Найда, где Артем? Ищи!». Открыл дверь. Найда в темноте исчезла, а те двое за ней. Прибежала Найда домой только утром. Целую неделю потом бегала где-то, все Артема искала. И в депо ее видели, и у леса. А потом как-то под вечер вернулась, легла в свой угол и не вставала больше. Не пила, не ела. Тоска на собаку напала. Шерсть у нее скоро дыбом поднялась, и как будто мокрая стала. Я уж что ни делал - молоко насильно в пасть вливал и воду. Все обратно. Даже кусок мяса купил. Так она и не дотронулась. Прихожу как-то с работы – нет Найды. Я туда-сюда по всему дому. Как сквозь землю провалилась! Догадался во двор выйти. А она там под кустом лежит – уж и закоченела. Не хотела, видно, дома помирать...».

Вера очнулась от тяжелых воспоминаний, вздохнула, и слезинки блеснули в уголках глаз.

Катя взяла куколку и протянула женщине:

- Тетя Вера, вот, возьмите куклу! Насовсем! Ее Дашей зовут. Она послушная, не капризничает. Даже кашу манную ест, правда, понарошку! – Катя улыбнулась.

Вера оторвала взгляд от окна, ласково посмотрела на Катю:

- Спасибо, Катюша! Ты куколку себе оставь. Она к тебе привыкла, а я буду вспоминать и тебя, и куколку твою.

В это время дверь купе открылась и появилась проводница:

- Скоро твоя станция, девочка, собирайся!

Не успела она договорить, как с верхних полок спрыгнули Петр Фомич и Алеша: «А вот и мы!»! Подхватили Катины чемоданы и понесли в тамбур. Поезд замедлил ход и остановился. Проводница открыла двери. Катя сразу разглядела в темноте дядю Мишу, бегущего к вагону.

Алеша спрыгнул на платформу и помог Кате спуститься. Петр Фомич начал передавать ему чемоданы. Дядя Миша был уже рядом. Он принял последнюю сумку, и в это время раздался пронзительный гудок. Поезд вздрогнул и тронулся с места. «Прощай, сестричка!» - крикнул Алеша и вскочил на ступени вагона. Из-за его спины выглянула Вера: «Прощай, маленькая попутчица!», – расслышала Катя.

Вагоны, тяжело грохоча, мчались мимо. Катя обернулась и вдруг увидела стремительно несущуюся к ней собаку. «Куся!» - крикнула Катя. Куся с разбега прыгнула к ней на грудь и лизнула теплым языком в щеку.

ПРАЗДНИЧНЫЙ ЗАВТРАК

Старый деревянный дом стоял на самом берегу Краснопресненского пруда. Он был построен давно, еще до революции умелыми руками неизвестных мастеров из крепких толстых бревен - настоящий деревенский сруб в центре рабочего района Красной Пресни. Бревна уже потемнели, дом слегка осел, но это было добротное, прочное строение, готовое еще долгие годы служить людям, давать им тепло и крышу над головой.

Длинный, одноэтажный, с виду дом был похож на барак, однако каждая комната имела отдельный вход с улицы и даже небольшую холодную пристройку – прихожую. Жили в нем несколько семей рабочих завода который находился рядом с домом за высокой кирпичной стеной. Удобств в доме почти никаких не было. Воду носили ведрами из колонки, и в каждой комнате была маленькая печка. Но люди притерпелись к неудобствам и в своих повседневных трудах часто даже не замечали их. Они были рады, что в тяжелые времена у них есть свой угол, и что во время войны их дом уцелел от пожаров и бомбежек, хотя, однажды, немецкая бомба упала совсем рядом - в пруд, но, к счастью, в дом не попала. Люди жили с надеждой на будущую лучшую жизнь для себя и своих детей, которых они растили здесь, под крышей их общего дома.

Седая старушка сидела в кресле у окна. Из грубой серой шерсти она вязала теплый шарф, который спускался с ее колен почти до пола. Временами она поглядывала в окно, наблюдая за маленькой девочкой, играющей в песке у старой заводской стены.

На девочке было одето красное суконное пальтишко и белая вязаная шапочка. Она совком насыпала песок в круглую зеленую формочку, переворачивала ее, стучала по дну совком и, осторожно сняв формочку, любовалась крепким, аккуратным куличиком. Недавно прошел дождь, и песок был еще влажный, куличики хорошо держали форму, не разваливались и не обсыпались по краям.

Сделав несколько куличиков, девочка подобрала у забора упавшие с деревьев ветки и листики и украсила ими куличики. Получилось что-то вроде клумбы. В центре клумбы девочка посадила деревце, отыскав сбитую дождем ветку, покрытую нежно зеленой весенней листвой. Она смотрела на свой садик, придумывая, чем бы еще его украсить.

Появился мальчик. По виду он был ровесник девочки или чуть постарше. Он подошел поближе, увидел клумбу и вдруг стал топтать ногами круглые куличи. Вырвал из земли зеленую ветку и бросил ее в кусты.

Девочка пыталась защитить свой садик, но мальчик толкнул ее, и она чуть не упала. Он улыбался, глядя на свою разрушительную работу, и каблуком раздавил еще оставшиеся целыми куличики. Девочка стояла рядом, крепко сжав губы, стараясь не расплакаться.

Старушка с трудом поднялась с кресла, открыла форточку и позвала:

- Катя, подойди сюда!

Девочка подбежала к окну.

- Заходи ко мне в гости. Хочешь?

- Хочу, - ответила девочка.

- Тогда беги к маме и скажи, что ты будешь у Софьи Андреевны – тети Сони, и приходи, я тебя жду.

Катя убежала и быстро вернулась. Старушка открыла дверь ипустила девочку. Она вошла и с любопытством

оглядывала комнату. Катя еще никогда не заходила к старушке, и все здесь для нее было ново и интересно.

Пузатый комод у стены и матово поблескивающие фарфоровые статуэтки. Большие деревянные часы с маятником, висящие над комодом. Резной столик, на котором были расставлены фотографии в потемневших рамках. Но больше всего Кате понравилось стоящее у окна красное бархатное кресло. Бархат уже сильно потерся, но широкие подлокотники украшали блестящие шелковые кисти, а высокая спинка была обита гвоздиками с золотыми выпуклыми шляпками.

Старушка расстегнула и сняла с девочки пальтишко. Развязала шапочку и увидела, что под шапкой повязан платок. «Мать ее слишком кутает, - подумала старушка. - Она перегревается, потом охлаждается и, в итоге, простуживается. Надо будет сказать Ольге, что кутать ребенка нехорошо». Старушка знала, что Катя часто болеет, и мать, боясь простуд, одевает ее тепло, кутая сверх меры.

- С чего же мы начнем, Катюша? - спросила старушка.

- Тетя Соня! А можно я в кресле посижу?

- Конечно! - сказала старушка и подняла девочку на руки.

«Какая же худенькая! Легкая, словно перышко!» - подумала она. Посадила Катю в кресло, взялась за спинку и качнула кресло, потом еще и еще. Девочка весело смеялась. Она никогда не видела кресел, которые качались, как качели. Катя слезла с кресла и подошла к столику с фотографиями.

- Кто это? - спросила она, показав на фотографию молодой девушки с толстой косой, перекинутой через плечо. На девушке было темное форменное платье и белый фартук с широкими мягкими крылышками, спускавшимися на плечи.

- Это я, - ответила старушка. - Еще школьница.

- А вы учились в школе? - спросила девочка, недоверчиво посмотрев на старушку и, особенно, на ее тонкую седую косичку, заколотую в пучок на затылке.

- Да. Только эта школа называлась гимназия. У меня даже был черный кожаный портфель с блестящими замочками, - продолжала старушка. - Тебе мама тоже такой купит, когда ты в школу пойдешь.

- Мне еще два года ждать надо, - сказала Катя и вздохнула.

- А ты буквы знаешь? - спросила Софья Андреевна.

- Знаю.

- А читать умеешь?

- Умею.

- А писать?

- И писать умею.

- А что же ты пишешь?

- Я сказки пишу. Мне мама вот такую большую тетрадь сделала, - девочка широко развела руки в сторону. - Я и картинки рисую тоже.

- Молодец! - похвалила старушка девочку, про себя думая: «Как удивительно! Мать - простая работница, а девочка в пять лет уже грамоту знает. Часто одна дома остается. Надо же ей чем-то себя занять. И все-таки поразительно!» - А ты мне покажешь свои сказки?

- Покажу.

- В следующий раз придешь ко мне в гости, обязательно принеси свою тетрадь. Хорошо?

- Хорошо.

- А это кто? - Девочка показала на фотографию бравого мужчины в военной форме, в фуражке и саблей на боку.

- Это Володя.

- А сабля настоящая?

- Настоящая, - ответила старушка.

- Кто это? - спросила Катя, осторожно взяв в руки фотографию.

На снимке девочка в белом кружевном платье стояла на стуле, крепко держась за высокую спинку. Темные локоны спускались на плечи, а на голове был завязан большой бант.

- Это моя дочка, Сашенька.

- А где она?

- Ее нет, - ответила старушка.

- Она уехала?

Софья Андреевна ничего не ответила. Она подошла к комоду и из нижнего ящика достала куклу. Это была совершенно необыкновенная кукла. Розовое кисейное платье, похожее на то, что было на девочке на фотографии, украшал белый атласный корсаж. Настоящие светлые волосы, перевязанные голубой шелковой лентой, завивались кольцами. Ножки плотно облегалы кружевные чулочки. Но больше всего Катю поразили глаза куклы: синие - синие, блестящие, с длинными, черными ресницами.

- А как ее зовут? - не сводя восхищенных глаз с куклы, спросила Катя.

- Ее зовут Маша, - ответила Софья Андреевна, улыбаясь.

- А можно я с ней поиграю?

- Играй, - разрешила старушка.

Катя взяла куклу на руки и, покачивая, стала носить вокруг стола. Потом посадила в кресло и спросила:

- Тетя Соня, а у вас нет какой-нибудь еще игрушки? А то Маше скучно.

- Подожди, подожди, кажется, у меня что-то есть.

Софья Андреевна подошла к комоду и взяла маленькую лошадку, серую, в яблоках, с черными глазами и расписным красным седлом.

- Какая красивая лошадка! - восхитилась Катя и положила ее кукле на колени. - Вот теперь хорошо! - сказала она.

- Ты знаешь, что я придумала, Катюша! - сказала Софья Андреевна.-Почему бы нам с тобой не устроить праздничный обед?

- Обедать еще рано. Еще только утро, - возразила Катя.

- Это верно, - согласилась Софья Андреевна. - Тогда пусть это будет праздничный завтрак! Согласна?

- Согласна! - сказала Катя. - А какой сегодня праздник? - спросила она.

- Сегодня... - старушка задумалась. - Сегодня у куклы Маши день рождения!

- А сколько ей лет? - спросила Катя.

- Много! - ответила Софья Андреевна. - Но это не важно. В любом возрасте день рождения - это праздник! Правда?

- Правда, - неуверенно проговорила Катя, взглянув на старушку.

- Вот и хорошо! Ты мне поможешь накрыть на стол, Катюша?

- Помогу!

Софья Андреевна сняла с круглого стола клеенку и достала из комода белоснежную, накрахмаленную скатерть, вышитую по краям розами и незабудками. Встряхнула ее высоко под потолок, так что скатерть вздулась, как парус, и расстелила аккуратно на столе. Вынула из ящика маленькие, блестящие чайные ложки с витыми ручками и дала Кате. Девочка положила их на стол - одну для Софьи Андреевны, другую - для себя.

Старушка открыла стеклянные матовые дверцы серванта и извлекла чайные чашки с золотыми ободками, разрисованные мелкими цветочками, при-

чем, к удивлению Кати, не только снаружи, но и внутри, и тоненькие тарелочки и поручила Кате поставить их рядом с чашками. Одна тарелочка у края немного треснула, и Софья Андреевна, сокрушенно покачав головой, сказала:

- Ничто не вечно!

Но Кате тарелочки очень понравились. На них были нарисованы разодетые дамы, танцующие с нарядными кавалерами в шляпах с перьями.

Софья Андреевна, тем временем, поставила на плитку чайник и достала из серванта ярко раскрашенную деревянную кубышку.

- А вот и сам господин чай пожаловал! - сказала она.

- А почему он господин? - спросила Катя.

- Потому что он очень важная персона. От него зависит, насколько вкусный получится напиток, - объяснила Софья Андреевна. - Пора подумать и об угощении, - сказала она и направилась к кухонному столику, стоящему в глубине комнаты.

- А что вы будете делать? - с любопытством спрашивала Катя.

- Я, пожалуй, к праздничному завтраку приготовлю праздничный бутерброд.

Софья Андреевна нарезала толстыми, широкими ломтями свежий батон белого хлеба. Достала из банки с холодной водой хранившееся там сливочное масло и намазала на хлеб. Развернула что-то, упакованное в вощеную бумагу. Сладко запахло ванилью. Это была сырковая масса, желтоватая, крупенчатая, смешанная с изюмом и цукатами. Софья Андреевна густо покрыла сырковой массой каждый ломоть хлеба и выложила бутерброды на широкую пирожковую тарелку.

Полюбовавшись своей работой, торжественно сказала:

- Ну вот, Катюша! Все готово! Прошу к столу!

- А как же Маша? Ее ведь тоже надо посадить за стол!
- обратилась Катя к Софье Андреевне.

- Обязательно! - сказала Софья Андреевна.

Она отодвинула стул. Катя усадила куклу и расправила ей платье. Вид у Маши был очень довольный. Софья Андреевна налила Кате чай и положила на тарелочку бутерброд. С материнским удовольствием она смотрела, как Катя уплетала его за обе щеки.

- Хочешь еще? - спросила она с тайной надеждой.

Катя кивнула. Софья Андреевна протянула ей еще один бутерброд.

«Надо будет Ольге сказать, - думала Софья Андреевна.

- Она, бедная, мучается, не знает, чем кормить эту маленькую малоежку. А вот, оказывается, что она любит!»

После чая Катя спросила:

- А что мы еще будем делать?

Софья Андреевна лукаво взглянула на нее и сказала:

- А сейчас мы будем танцевать!

- Как дяди и тети на тарелочках?

- Даже лучше! - ответила Софья Андреевна. - Мы будем танцевать полонез!

Она сняла со стула куклу Машу, они с Катей взяли ее с обеих сторон за руки и стали важно ходить вокруг стола, приседая и вытягивая носочки.

На следующий день вечером Софья Андреевна встретила Ольгу, возвращавшуюся с работы. Лицо молодой женщины было усталое, осунувшееся, но на щеках еще сохранился деревенский румянец, а небольшие карие глаза смотрели ласково, приветливо.

- Здравствуйте, Софья Андреевна! Спасибо, что вчера Катю в гости позвали. Ей так понравилось у вас!

- Не за что. Вы знаете, Ольга, что я хочу вам сказать. Катя вчера с аппетитом съела у меня бутерброд с сырной массой.

- Правда? - удивилась Ольга. - А мне она ничего не говорила!

- Так вот! - и Софья Андреевна подробно рассказала о бутерброде – какой был хлеб, масло, какого сорта сыровая масса.

Ольга внимательно слушала.

- Спасибо большое, Софья Андреевна! Я завтра же пойду в магазин и куплю все, что вы сказали.

Весна все чаще заглядывала в окна старого дома. Ласковое солнце прогревало потемневшие бревна. Порой, казалось, что дом даже побряхтывает от удовольствия, вспоминая давно ушедшее время, и любителю белой черемухой, которая каждой весной расцветала у его стен.

Берега Краснопресненских прудов покрылись молодой нежной травой. Прилетели утки и плавали около берега. Софья Андреевна спустилась к воде и стала бросать уткам корочки хлеба. Она увидела Ольгу, несущую в обеих руках сумки с покупками.

- Здравствуйте, Софья Андреевна!

- Здравствуйте, Ольга!

- Получилось что-нибудь с бутербродами? - спросила Софья Андреевна.

- Ничего не получилось! - огорченно ответила Ольга. - Все сделала, как вы сказали. Но Катюша их есть отказалась!

- Странно! - задумчиво проговорила Софья Андреевна и добавила: - Знаете что, Ольга. Пускай Катя снова ко мне в гости придет в воскресенье.

- Спасибо! А она вам не мешает?

- Она мне совершенно не мешает! Скажите, чтобы она тетрадь со сказками принесла. Она мне обещала.

В воскресенье Софья Андреевна увидела из окна

Катю, открыла дверь и впустила в комнату. Раздевая, заметила, что под шапочкой уже нет платочка. «Тепло уже! А, может быть, Ольга моего совета послушалась», - с удовлетворением подумала она.

- Давай, Катюша, посмотрим твою тетрадь! - Софья Андреевна усадила Катю рядом с собой на стул.

Это был, скорее, большой альбом из грубой, сероватой, оберточной бумаги, сшитый суровыми нитками. Софья Андреевна поняла, что Ольга приносила бумагу с работы. Проработав много лет вахтершей на заводе, старушка знала, что в такую бумагу заворачивают гвозди и шурупы перед тем, как запаковать их в фанерные ящики. Софья Андреевна тяжело вздохнула, подумав о нелегкой Ольгиной жизни, и открыла тетрадь.

На первой странице кривыми печатными буквами было написано:

ЖИЛ БЫЛ ЗАИЦ.

И БЫЛА У НЕГО МАМА.

А ПАПЫ У НЕГО НЕ БЫЛО.

ПАПА УЕХАЛ ЗА ДРАВАМИ В КАРАГАНДУ.

Софья Андреевна очень удивилась.

- Почему, Катюша, ты написала здесь - Караганда. Откуда ты знаешь это слово?

- Мама часто письма туда пишет, и я прочитала на конверте - Караганда.

«Ах, вот где муж Ольги в лагере сидит - в северном Казахстане! - догадалась Софья Андреевна. - Да, климат там тяжелый», - и, вздохнув, она продолжала читать:

А ПОТОМ ПАПА ПРИЕХАЛ

И ПРИВЕС ЗАЙЦУ КАНФЕТЫ МИШКА

И ЦВЕТНЫЕ КАРАНДАШИ.

На каждой странице были нарисованы картинки: избушка с трубой, из которой валил черный дым, оранжевое солнце и синее небо, птица, сидящая на ветке дерева.

Прочитав все сказки, Софья Андреевна похвалила Катю:

- Молодец! - и погладила по мягким, светлым волосам. - Так! – сказала она. - Что же мы будем делать дальше?

- А пусть у нас снова будет праздничный завтрак! - сказала Катя.

- Прекрасная мысль! - обрадовалась Софья Андреевна. - А какой же у нас сегодня праздник?

- Мама говорит, что, когда гости приходят - это всегда праздник.

- И твоя мама совершенно права, Катюша! Ты пришла ко мне в гости, и у меня сегодня замечательный праздник!

Она накрыла на стол и сделала бутерброды с сырковой массой, точно такие, как в прошлый раз. Софья Андреевна и Катя уселись друг против друга.

- А после чая, я расскажу тебе про девочку Сашу.

- Вашу дочку?

- Да. Только это будет наш большой секрет, и ты, пожалуйста, Катюша, никому об этом не рассказывай. Хорошо?

- Хорошо, - сказала девочка.

Старушка и ребенок заговорщицки улыбнулись друг другу и с аппетитом принялись за праздничные бутерброды с сырковой массой.

ОКНО

Ребенок был дома был один. Он сидел на маленьком стульчике посреди комнаты. В руках он держал игрушечного плюшевого мишку. Мишка был старый, потертый. Его когда-то блестящий черный нос потускнел, один глаз - пуговица оторвался и куда-то пропал. Но уши и лапы были целы, и неунывающий Мишка одним оставшимся глазом весело смотрел на малыша.

Немного поделав с Мишкой утреннюю зарядку: лапы вверх, в стороны, вместе, и еще раз: вверх, в стороны, вместе, ребенок подумал, что, наверное, Мишка проголодался и пора его покормить.

Он посадил Мишку на диван, вынул из коробки игрушечную алюминиевую мисочку и старую чайную ложку с погнутой ручкой и стал кормить Мишку воображаемой кашей.

Мишка с аппетитом, бодро глотал кашу, а ребенок про себя удивлялся, как это Мишка не плачет, не отворачивается от ложки и не упирается ногами в стол, выгибая спину и запрокидывая голову подальше от тарелки.

Мишка съел все до последней капли и даже облизал ложку. После этого, малыш налил в синюю кукольную чашку молока и напоил Мишку. Мишка выпил все молоко и, как показалось ребенку, пузо его стало еще более круглым и толстым.

Малыш нащупал пальцами твердую кнопку на Мишкином животе и тихонько нажал на нее. Мишка довольно заурчал. Ребенок улыбнулся. Ему стало радостно, что не только он один может нарушить тишину пустой комнаты. Малыш нажал на кнопку еще раз, и Мишка, не капризничая, повторил свое довольное урчание.

Ребенок решил, что пора укладывать Мишку спать. Нашел на диване розовое кукольное одеяло и принялся старательно заворачивать в него Мишку. Взял на руки, сел на стульчик и стал качать, напевая:

- А – а – а! А – а – а!

Но медвежонок и не собирался засыпать. Он таращился единственным веселым глазом, и ребенку даже показалось, что медвежонок пытается вытащить лапы из-под одеяла. Тогда малыш встал со стульчика и начал ходить по комнате, покачивая Мишку на руках. Постепенно он подходил всё ближе и ближе к окну, но, не дойдя нескольких шагов, остановился.

Он не чувствовал себя в безопасности вблизи окна. Ребенку казалось, что он вот-вот покинет знакомые стены и выйдет в этот незнакомый, чужой и опасный мир. Может быть, мать когда-то наказывала ему не подходить к окну. Он не помнил. Малыш стоял и смотрел.

Из окна была видна глухая кирпичная стена завода, узкая полоска хмурого осеннего неба и ветка дерева, с ещё державшимися на ней осенними ржавыми листьями.

Прилетели воробьи и сели, нахохлившись, на ветку. Временами они устраивали драки - распушив крылья, задиристо насакивали друг на друга.

Ребенок засмотрелся на драчунов, сильно качнул Мишку, тот выскочил из одеяла и с размаху упал на пол. Малыш наклонился, чтобы поднять игрушку.

Когда ребенок выпрямился, сердце его сжалось от ужаса. Страшное чудовище смотрело на него из окна. На лысом черепе тускло блестели круглые, слепые глаза. Между ними отвратительно болтался длинный нос, похожий на огромного мертвого червя.

Отчаяние и ужас охватили ребенка. Он чувствовал себя совсем беззащитным. Один в пустой комнате, в целом мире. Слезы градом покатались из глаз. Малыш

плакал всё громче и громче, надеясь, что, может быть, чудовище испугается его рева и исчезнет, или мать услышит, придет и спасет его.

Но чудовище не уходило. Оно медленно двигалось от одной стороны окна до другой, не сводя с ребенка пустых, мутных глаз.

Еще сильнее испугавшись, малыш попятился назад. Наткнулся на Мишку, лежащего на полу и шлепнулся на холодные деревянные половицы. Мишка жалобно пискнул. Ребенок схватил игрушку в охапку и побежал к дивану. Уткнулся лицом в толстый и упругий Мишкин живот, горькими слезами увлажнив потертую медвежью шкурку. Он больше ни разу не взглянул в окно.

Малыш не знал, сколько прошло времени, когда вдруг услышал, как хлопнула входная дверь. Приподняв лицо, с опаской посмотрел на того, кто вошел. Это была мать. Она пришла в обеденный перерыв, чтобы покормить ребенка и самой наскоро перекусить чего-нибудь.

Увидев заплаканное лицо малыша, мать бросилась к нему, на ходу повторяя:

- Доченька! Что с тобой? Что случилось? Ты не ушиблась?

Мать принялась в тревоге ощупывать ножки и ручки дочки. Не найдя никаких повреждений, снова спросила:

- Что же ты плачешь, Катенька?

Девочка вспомнила чудовище за окном и свой страх, и одиночество и ещё сильнее закатилась отчаянным рёвом. Мать усадила дочку на колени и стала гладить светлые, мягкие волосы. Девочка была слабенькая, часто болела. Мать потрогала губами детский лобик. Лоб был прохладный, но Катя продолжала плакать.

- Ну скажи мне, маленькая моя, что случилось? Что с тобой? – просящим голосом обратилась к дочке мать.

Девочка на мгновение отстранилась от материнского плеча и показала пальчиком в окно. Решив, что Катя хочет выйти на улицу погулять, мать немного успокоилась.

- Я приду с работы, и мы обязательно погуляем! - обещала она.

Чтобы окончательно утешить дочку, достала со шкафа картонную коробку, раскрыла и достала большую нарядную куклу. Эту куклу отец купил Кате перед самым арестом. Мать берегла игрушку и позволяла Кате играть с ней только в особых случаях.

Пластмассовая кукла – голыш, с нарисованными большими голубыми глазами и длинными ресницами была одета в красное шелковое платье, украшенное белым кружевным воротничком, на ногах - черные лаковые туфельки с блестящими золотыми застежками. Кукла безмятежно улыбалась розовыми пухлыми губами.

Девочка, забыв свои страхи, взяла куклу и посадила на диван, рядом с Мишкой. Кукла, казалось, неодобрительно косилась на потертого, одноглазого медвежонка. Но Катя подвинула их поближе друг к другу. Ей хотелось, чтобы красивая кукла Ляля подружилась с Мишкой. Ведь он такой смешной и веселый!

Девочка взяла в руки обе игрушки, повернула их лицом к лицу и стала двигать по дивану, как будто они танцевали.

Катя вспомнила, что когда отец был еще дома, к ним часто приходили гости. Дядя Марк красивым голосом пел веселые и грустные украинские песни:

«Ой, ты, Галю, Галю молодая!...» и еще: «Распрягайте, хлопцы, коней!...»

Отец ставил на патефон пластинки, и они с матерью танцевали, положив друг другу руки на плечи.

Девочка посадила игрушки обратно на диван и принялась кормить их супом.

«Если не кушать суп, - повторяла она слова матери, - то будешь болеть и сидеть дома, а не гулять с подружками во дворе, и не играть с ними в веселые игры».

Мать, тем временем, начала варить на плитке гречневую кашу. Она была очень довольна, что, наконец, удалось достать гречневой крупы, и теперь она может кормить дочку такой полезной и питательной пищей.

Ее подруга, Маруся, работала на Сахарном заводе, что расположился на другой стороне Краснопресненских прудов. В последнее время в заводском буфете стали продавать гречку. Своих детей у Маруси не было, и она, чем могла, помогала матери растить Катю.

Мать заправила гречневую кашу маслом, посыпала сверху сахарным песком и позвала дочку кушать. Катя взяла с собой Мишку и подошла к столу. Мать посадила дочку на шаткий венский стул и стала кормить, сначала поднося ложку с кашей Мишке, а потом - дочке. Катя есть не хотела, но чтобы не огорчать мать, старательно глотала вязкую кашу.

- Ну что, вкусно? - спросила мать, улыбаясь.

Девочка, с полным ртом, покивала головой. Мать поняла, что еда дается нелегко, и налила в стакан подогретого на плитке молока. С молоком дело пошло быстрее, и скоро тарелка была пустая.

Мать доела остатки каши со сковороды и присела, пригорюнившись, на диван. Опустила голову и рассматривала свои руки, натруженные, с темными каемками возле ногтей. Сегодня с утра мастер послал ее помогать рабочим в упаковочный цех, и ей пришлось поднимать тяжелые ящики с гвоздями и шурупами и забивать молотком заскорузлые фанерные крышки. Правда, мастер обещал, что завтра она сможет вернуться к своему vocational станку, чтобы доделать месячную норму.

Время обеда пролетело быстро. Настала пора ух-

дить. Мать поднялась с дивана и направилась к двери, где на крючке весела ее рабочая телогрейка.

Но тут Катя вдруг рванулась к матери и ухватилась за платье. Мать наклонилась к дочке. Детское личико было перекошено от страха, и слезы лились из глаз.

- Нет! Нет! Нет! - отчаянно твердила девочка, крепко обняв мать за ноги.

Мать не могла сделать ни шага. Ничего не понимая, но чувствуя, что происходит что-то неладное, она подняла дочку на руки, ласково приговаривая:

- Ну, миленькая моя! Успокойся! Мне очень нужно идти на работу! Если я опоздаю, меня могут уволить, и мы тогда не получим комнату в новом доме с ванной, горячей водой и газом... Слава Б-гу, что меня ещё не выгнали с завода! А то говорят – муж твой - политический, в лагере сидит, а ты комнату захотела!... - мать уже говорила сама с собой. – Парамоныч, мастер добрый, заступился за меня у директора. Да и сестра Лешина, Нина, помогла. Она ведь секретарем работает у главного инженера. Красивая! Не плачь, деточка! - продолжала она, обращаясь к дочке. - Я скоро приду. Отпрошусь домой пораньше. А сейчас мне надо идти! Мне очень надо идти! – повторяла мать, и у неё комок подступил к горлу.

Ей приходилось оставлять ребенка одного, и она чувствовала себя виноватой, почти преступницей. Но выхода не было. В детском саду девочка часто и тяжело болела. Одна надежда - к зиме нянька приедет из деревни. Тогда все-таки станет легче.

Сдерживая слезы, мать с трудом освободилась от детских ручек, вцепившихся в ее плечи. Она посадила дочку на диван и положила ей на колени куклу. Катя сбросила ни в чем не виноватую Лялю на пол, схватила Мишку и, продолжая судорожно всхлипывать, прижала его к себе.

Девочка не побежала за матерью к двери и больше не просила ее остаться. Она смирилась с одиночеством и страхом и неподвижно сидела на диване. Временами, она так сильно сжимала Мишку, что он издавал короткое, басовитое рычание.

Успокоенная знакомыми звуками, и не в силах больше бояться, Катя легла на диван и уснула, свернувшись калачиком и поджав под себя ноги.

Уже стемнело, когда вернулась с работы мать. Она бежала от самой проходной до порога дома. Сердце ее тревожно билось, пока она непослушными руками открывала замок. Включив свет, увидела, что дочка крепко спит, мирно посапывая и иногда вздыхая во сне. Разбуженная шумом, Катя проснулась и сонными глазами таращилась на мать.

Мать устремилась к дочке, и в приступе безумной, почти животной любви, стала покрывать поцелуями лицо, ручки, ножки, мягкие, спутанные волосы, повторяя иступленно:

- Все хорошо! Все хорошо!

Катя отталкивала ее руками, стараясь защититься от таких бурных проявлений материнской ласки.

Наконец, мать, обессиленная, оставила дочку в покое. Подошла к стоящему у стены шкафу, раскрыла дверцы и переделась в ситцевое домашнее платье, темно-синее, в мелкий белый цветочек. Потом умылась, расчесала вьющиеся каштановые волосы, поставила на плитку чайник, села к дочке на диван и стала играть с ней, складывая из деревянных кубиков цветные картинки.

Вдруг в окно постучали. Мать вздрогнула. Неожиданные звуки пугали ее. Посмотрела в окно, и увидев соседку, Зину, открыла дверь. Зина вошла в комнату. Лицо ее было бледное и встревоженное. Ничего не го-

воря, она почему-то сразу прошла к дивану, где сидела Катя, и наклонившись, взглянула девочке в лицо. Та улыбнулась.

- Здравствуй, Катюша! Какая у тебя красивая кукла!
- сказала Зина и снова вернулась к матери. Мать в недоумении смотрела на соседку.

- Что случилось? - спросила она тихо.

Зина схватила ее за руку и начала быстро-быстро говорить:

- Ты только не перебивай меня, Ольга! Я ведь пришла прощения у тебя просить. Ты уж прости моего оболтуса, дурака этого - Генку! Он ведь сегодня Катюшу твою напугал. Нашел, негодяй, под кроватью старый противогаз, надел и пошел к вашему окну. Испугал Катюшку до смерти. Она сильно плакала. Это он мне все сам сегодня вечером рассказал. Ты прости его, Олюшка, и меня тоже! Не хватает у меня сил на них, на ребят моих. С Лизой еще ничего. А с Генкой - прямо беда! Пошутил, говорит! Разве можно ребенка маленького так пугать! Так и зайкой можно сделать! Если б Иван живым пришел с войны, он бы проучил его, как следует!

Зина продолжала говорить, но Ольга уже не слушала ее. Она только сейчас поняла, что произошло сегодня с дочкой, подбежала к Кате и обняла ее:

- Бедное мое дитя! Прости и ты меня!

Катя, широко раскрыв глаза, удивленно смотрела на просящую прощения мать.

Зина стояла у двери, прислонившись плечом к косяку и низко опустив голову. Ольга подошла к ней и обняла за плечи. Женщины смотрели друг другу в глаза, и слезы катились у них по щекам.

КУКЛА

Ольга достала из сумочки деньги и тщательно пересчитала. С квартальной премией на валенки для дочки должно хватить. А может быть, даже кое-что останется. Ольга улыбнулась. Она вспомнила, как мастер цеха, Парамоныч, вручая премию, крепко пожал ей руку и, потирая переносицу сизоватого носа, произнес торжественную речь:

- Молодец, Ольга! Работаешь хорошо! С огоньком! Вот тебе за это поощрительная сумма денег. Старайся и дальше! Так и в передовые работницы, а то и в ударницы выбьешься! - он с силой тряхнул ее руку и, растянув в довольной улыбке губы, обнажил пожелтевшие от курева зубы.

Ольга вздохнула и подошла к комоду. Вынула носовой платок и аккуратно завернула в него деньги. Сегодня был выходной, и она решила поехать на Ваганьковский рынок купить валенки и какой-нибудь подарок дочке. Скоро у нее день рождения. Ольга посмотрела на пятилетнюю дочь, которая неслышно возилась с игрушками.

- Катюша, я на рынок поеду. Скоро вернусь. Не бойся.

Девочка молча покивала головой. Она привыкла оставаться дома одна. Детское одиночество ее не тяготило. Она играла сама с собой. Даже сочиняла свои собственные сказки. И рассказывала их тихим шепотом, приговаривая: «Вот так!» Старый игрушечный медвежонок внимательно слушал сказки, прищурив черный, блестящий глаз. На самом деле одного глаза у него вовсе не было. Но он хитрым прищуром старался скрыть свой недостаток и выглядеть совсем бравым, веселым медвежонком.

- Ты знаешь, Мишка, - обратилась Катюша таинственным голосом к медвежонку, - мне девочка Аня в детском саду сказала, что бывают такие куклы, у которых глаза закрываются! И еще - они говорят: «Мама!» и даже плачут!

Мишка недоверчиво смотрел на Катю.

- Не веришь?

Мишка молчал.

- Правда, мама? - Катя повернула голову к матери.

- Сейчас в магазинах игрушек совсем мало, - ответила Ольга. - Но до войны такие куклы были. И они даже умели ходить!

- Вот видишь! - Катя обратилась к Мишке. - Теперь ты веришь?

Она рукой наклонила Мишкину голову.

- Да! - сказала она за Мишку.

Ольга, улыбаясь, слушала дочку. Потом повязала пуховый платок и натянула зимнее пальто с коричневым цигейковым воротником. На дворе стоял ноябрь. Но было уже по-зимнему холодно. Несколько раз выпадал снег, но скоро таял, оставляя после себя промерзшую черную землю, а по обочинам дорог - грязные темные лужи.

Краснопресненские пруды стали серыми, как все вокруг. Трава по берегам пожухла, и пруды мрачно смотрели в покрытое низкими облаками небо. А небо еще больше хмурилось, видя в прудах свое невеселое отражение. Только изредка мелькающие в воздухе белые снежинки напоминали, что зима стоит на пороге. И скоро вся земля покроется снегом и станет светлая - светлее неба. И солнце проглянет меж облаками и отразится на снежном полотне матовыми, холодными бликами.

Ольга вышла на улицу. Плотно закрыла за собой входную дверь и повернула для надежности два раза ключом в замочной скважине. Подошла к остановке,

увидела приближающийся трамвай и обрадовалась, что не пришлось долго ждать.

Ольга стояла в хвосте вагона и провожала взглядом высокие корпуса завода и свой деревянный дом на берегу пруда. «Хорошо бы купить серые валеночки! - думала она. - Они теплее и мягче, а стоят дешевле, чем черные или белые». Около рынка она сошла с трамвая и направилась в распахнутые ворота.

За длинными деревянными прилавками топтались закутанные до самых глаз продавцы. На прилавках была разложена всякая всячина. Картошка, соленые огурцы, квашеная капуста, черная редька. Редьку Ольга покупала на рынке часто. Она вырезала в ней ножом небольшое углубление и засыпала белоснежную мякоть сахарным песком. Сок редьки хорошо помогал при кашле. Дальше - в мясном ряду лежало сало - от сероватого, щедро посыпанного солью, до бело-розового, нежного, с тонкими прослойками мяса.

Но Ольга быстро прошла мимо соблазнительных прилавков и продавцов, зазывающих покупателей к своему товару. Она устремилась к вещевому рынку, где чего только не было - пальто, телогрейки, старые шинели, сапоги, носки и варежки, связанные из грубой, колючей шерсти. А вот и валенки. Она довольно быстро нашла пару подходящих по размеру серых детских валеночков. Ольга рассматривала их со всех сторон, прощупывала, нет ли внутри свалявшейся шерсти или комков, которые могли бы натереть детские ножки.

Вдруг, кто-то сильно толкнул ее в спину. Она обернулась и увидела парня в кепке и кургузом пиджачке, быстро удаляющегося от прилавка. Страшное подозрение пронзило ее. Она сунула руку в карман и обмерла от ужаса. Платочка с деньгами не было! Ольга выпустила из рук валенки и, не проронив ни слова, бросилась за

вором. Вор оглянулся, увидел, что она его догоняет, и прибавил шаг.

Ольга побежала. Она молчала, стиснув зубы. И только одна мысль молотком стучала в висках. Она должна вернуть свои деньги! Вор, настороженно зыря по сторонам, припустился к воротам рынка. Он придерживал руками серую кепчонку. Полы кургузого пиджака разлетались на ветру. Выбежав за ворота, он понял, что женщина кричать и звать на помощь не будет, и замедлил шаг.

Ольга почти догнала его и была уже на расстоянии вытянутой руки. Вор обернулся и показал ей свою руку. Между пальцами было зажато острое длинное лезвие бритвы. Вор ослабил. Поднес руку к шее и быстрым движением провел поперек горла, показав Ольге, что он может с ней сделать.

Она заговорила:

- Отдай мои деньги, прошу тебя! Это последнее, что у меня есть! Мне ребенку надо валенки купить. Ему не в чем будет зимой на улицу выйти! Отдай!

Вор повернулся спиной и блатной походкой, засунув руки в карманы, направился в сторону Ваганьковского кладбища. Ольга шла за ним, не отставая, и повторяла жалобно:

- Отдай деньги! Отдай!

Вор обернулся и внезапно остановился. Она тоже остановилась в шаге от него. Вор поднял руку с лезвием и провел возле глаз. Угрожающе прищурился и рванулся к Ольге. Она отскочила. Он опять ослабил и, не спеша, продолжил свой путь к кладбищу. Ольга стояла на дороге, не зная, что делать. Страх сковал ее. Слезы душили. Но она пересилила себя и поплелась за вором, бормоча уже почти безнадежно:

- Отдай деньги! Если не отдашь, тебя Б-г накажет! Не бери грех на душу!

Вор продолжал идти, не оборачиваясь, втянув голову в плечи и как-то странно подергиваясь. В отчаянье, не зная, что еще сказать, Ольга крикнула ему вслед:

- Своих губишь! Мой муж в лагере сидит! Политический он! Одна я! – и заплакала горько, вытирая слезы рукавом пальто.

Вор остановился и, помедлив, оглянулся. Он посмотрел на Ольгу, и кривая усмешка исказила его лицо. Он засунул руку за пазуху, вытащил маленький сверток и бросил его на грязную обочину. Ольга забыла обо всем на свете. Она кинулась к свертку - это был ее платочек. Дрожащими руками развернула его. Деньги были целы. Она подняла голову и осмотрелась, пытаясь разглядеть вора за спинами людей, идущих на кладбище. Но его уже и след простыл.

- Слава Б-гу! Слава Б-гу! - твердила она побелевшими губами и, расстегнув верхнюю пуговицу пальто, спрятала драгоценный сверток за вырез платья.

Она стояла с растерянным видом посреди тротуара. Люди, спешащие по своим делам, толкали ее со всех сторон.

- Ну вот, встала тут на дороге! Не пройти, не проехать! - грубовато бросил какой-то мужик с вещевым мешком за плечами.

Она очнулась, застегнула пальто, поправила съехавший на затылок платок и решительной походкой устремилась обратно на рынок. Валеночки еще не были проданы. Ольга снова внимательно осмотрела их. Продавец узнал молодую женщину и вопросительно поглядывал на нее, но она не проронила ни слова.

- Не беспокойтесь, гражданочка! Валеночки хорошие, теплые. Я их самлично изготавливаю. Ребеночку вашему будет тепло. Ножки не поморозит. А если еще галошки натянуть - так вообще красота. И тепло и не

мокро! У вас мальчик или девочка? - спросил он и наклонился к молодой женщине, вглядываясь в ее тонкое, прозрачное лицо с лихорадочным румянцем на щеках.

- Девочка, - ответила Ольга. - Катюша!

- Для вашей Катюши лучших валенок не найдете. Берите - не пожалеете!

Ольга отсчитала деньги и отдала продавцу. Он достал из-под прилавка старую газету и аккуратно завернул в нее валенки.

- Носите на здоровье! - сказал продавец на прощанье.

- Спасибо! - ответила Ольга и благодарно улыбнулась.

Ольга еще долго бродила вдоль прилавков вещевого рынка, пока, наконец, не увидела, то, что искала. На самом краю широкого, грубо сколоченного из шершавых досок стола, старушка вынимала из мешка и раскладывала рядами куклы в ярких ситцевых платьях. Ольга давно уже приметила их на рынке и представляла, как бы обрадовалась Катюша такой игрушке. И вот сейчас она решила, что лучшего подарка дочке на день рождения и быть не может.

Ольга выбрала куклу в ярком красном платье со светлыми волосами, заплетенными в длинную косу и темными, выпуклыми глазами. Она взяла куклу в руки и перевернула на спину. Кукла закрыла глаза и издала какое-то жалобное мычание. «На «маму» мало похоже. Может быть, она плачет?» - подумала Ольга. Она спросила, сколько стоит кукла, и без колебания протянула деньги старушке. Положила куклу в сумку и, довольная покупками, почти забыв про то, что с ней случилось, поспешила домой. Дочка была одна, и приближалось время кормить ее обедом.

Ольга осторожно открыла ключом дверь и вошла в комнату. Катюша сидела на полу возле дивана. Она спала, положив на диван скрещенные руки и склонив на

них усталую головку. Услышав шум открываемой двери, Катюша вскочила, подбежала к матери, прижалась к ней. Пальто было холодное и пахло мокрым снегом и дождем. Ольга посмотрела на дочь и подумала, что не может ждать до дня рождения, а подарит куклу сейчас, сию минуту. Ведь ей пришлось оставить Катюшу одну в выходной день. Она решила порадовать девочку, не откладывая, немедленно.

Ольга достала из сумки куклу и протянула ее дочке:

- Катюша! Посмотри! Я купила тебе куклу! С закрывающимися глазами!

- Ой! Правда?! - обрадовалась Катя.

Она бережно взяла куклу у матери из рук и положила на стул. Кукла закрыла глаза. Катя поставила ее на стул ножками, потом снова положила. Каждый раз кукла издавала что-то похожее на тоскливый стон.

- Она плачет? Да, мама?

- Похоже, что плачет, - ответила Ольга.

Катя снова поставила куклу на стул. И вдруг ... О, ужас! Круглый куклин глаз выскочил из глазницы, ударился о ножку стула и покатился по полу. Обе - мать и дочь, растерянно смотрели на лежащий на полу темный, блестящий глаз.

Ольга рухнула на стул и закрыла лицо руками. Катя бросилась к матери и стала теребить ее за рукава, плечи, воротник:

- Не плачь, мамочка! Это ничего. Ты знаешь, мы этот глаз Мишке приделаем! И он снова будет у нас с двумя глазами! А куклу я в кроватку положу. Пусть спит. Ей глаз незачем! Слышишь, мама! Не плачь!

Катя схватила Мишку и куклу. Она прижалась к коленям матери и, заглядывая ей в лицо, шептала:

- Все будет хорошо, мамочка! Все будет хорошо!

ЖАРКОЕ ЛЕТО

Утреннее солнце проникло сквозь окошко изолятора и своим ярким лучом разбудило меня. Открыв глаза, я тут же зажмурилась снова, притворившись, что еще сплю. Я надеялась, что меня никто не разбудит, и я смогу проспать завтрак. Тогда мне не придется заставлять себя глотать вязкую, невкусную кашу.

Но над самым моим ухом раздался строгий голос медсестры Елены Ивановны:

- Катя! Просыпайся! Сегодня тебя выписывают. Позавтракаешь и пойдешь в свою группу.

Она засунула мне градусник под мышку, оглядела комнату хозяйственным взглядом и вышла.

- Тетя Даша! Третью палату нужно убрать. Катя Максимова сегодня выписывается, - услышала я ее начальственный голос.

- Хорошо, Елена Ивановна. После завтрака я всё уберу, - ответила тетя Даша откуда-то издалека.

Я лежала на боку и разглядывала хорошо мне уже знакомую комнату. По стенам стояли еще три аккуратно убранные кровати. Они были пустые, как всегда. Мне казалось, что из всего нашего детского сада, выехавшего на дачу, болела только одна я. Лето было жаркое, но я почему-то постоянно простуживалась, и меня с высокой температурой воспитательницы отправляли в изолятор. Я не очень огорчалась, так как, лежа в кровати, мне не надо было участвовать в веселых хороводах и играх, и я могла сколько угодно рассматривать детские книжки с картинками и скучать о маме.

Пришла Елена Ивановна. Я отдала ей градусник. Взглянув на него, она сказала:

- Нормальная. Умывайся. Одевайся. Завтракай.

И ушла, шелестя накрахмаленным белым халатом.

Едва я успела умыться и натянуть на себя платье, как появилась тетя Даша с подносом в руках. На подносе стояла тарелка с ненавистой кашей, стакан какао и на блюде кусок хлеба с маслом. Добродушно улыбаясь, нянечка поставила поднос на тумбочку возле кровати, застегнула мне сзади пуговицу на платье, погладила по голове. Сказала ласково:

- Кушай, деточка!

И вперевалялочку, слегка шаркая ногами, скрылась за дверью. Я выпила какао, нехотя сжевала кусок хлеба, а кашу постаралась как можно сильнее размазать по тарелке. Вернулась тётя Даша. Посмотрела на тарелку, покачала головой, но ничего не сказала. Унесла посуду и скоро пришла с ведром, тряпкой и щеткой на длинной ручке. Она намочила тряпку в воде, обернула щетку, засунула щетку под мою кровать и стала вытирать пол. У меня душа ушла в пятки, и сердце бешено заколотилось. Нянечка вытащила щетку из-под кровати, и по комнате покатались котлеты, покрытые пылью и паутиной. Тётя Даша выпрямилась и, опершись на деревянную ручку щетки, грозно смотрела на меня:

- Что же это ты наделала, Катерина! Разве можно так! Государство тебя поит, кормит, чтобы ты выросла большая и сильная, а ты котлеты под кровать выбрасываешь! Смотри, какая худющая! Кожа да кости! Болееешь всё время! В войну мы каждым кусочком дорожили! А вы теперь избаловались!

Я стояла, низко опустив голову, даже не пытаюсь оправдаться тем, что эти котлеты я проглотить не могу, что они застревают у меня в горле. Мне было очень стыдно, и я только сказала:

- Я больше не буду, тетя Даша!

Нянечка, молча, взяла совок, собрала котлеты и выбро-

сила их в ведро. Она закончила уборку и усадила меня на стул. Вышла из палаты и принесла мою панамку.

Снова раздался строгий голос Елены Ивановны:

- Ты все закончила, тетя Даша?

- Все, - ответила добрая нянечка, ни словом не обмолвившись о злополучных котлетах.

Я осталась одна. Вдруг в окошко палаты кто-то постучал. Я подошла и раздвинула занавеску. У окна на улице, поднявшись на цыпочки, стояла моя подружка, Оксана, и улыбалась мне от уха до уха.

Окно было закрыто, но по ее губам я поняла, что она спрашивает, выпишут ли меня сегодня. Я покивала головой. «Ура!» - прочитала я по ее губам, и темные кошечки подпрыгнули вместе с моей подружкой.

Оксана убежала. А за мной пришла Елена Ивановна, взяла меня за руку и отвела в нашу группу.

Воспитательница Мария Петровна сидела на стуле, а вокруг на маленьких скамеечках расселись наши ребята. Оксана подвинулась, и я втиснулась на скамейку рядом с ней.

Мария Петровна учила нас чистить зубы. Открыв рот, она водила по зубам щеткой и бодрым голосом поучала:

Сверху вниз и поперек!

Сверху вниз и поперек!

Раз-два! Раз-два!

Мы дружным хором повторяли:

- Раз-два! Раз-два!

Через какое-то время к Марии Петровне подошла дежурная по детскому саду. Она наклонилась к воспитательнице и тихо сказала:

- К Оксане Кузовлевой отец приехал. Просит отпустить её на несколько минут.

Родительский день в детском саду был только один раз за всё лето. Но Оксанин папа навещал дочку почти

каждый день. Он работал где-то недалеко и заезжал в детский сад по дороге на какой-то «важный» объект.

Мария Петровна, вздохнув, ответила:

- Ну, хорошо. Только ненадолго, а то обед уже скоро.

И, повернувшись к нам, добавила:

- Оксана, ты можешь идти.

Но моя подружка подбежала к Марии Петровне, обняла ее за шею и зашептала на ухо. Я слышала её тоненький голосок:

- Мария Петровна! Отпустите Катю Максимову тоже. Папа фотоаппарат привёз. Он хочет нас вместе сфотографировать. Ну, пожалуйста, Мария Петровна!

Она отстранилась, и жалобно выпятив нижнюю губку, просительно смотрела на Марию Петровну своими большущими синими глазами. Та не выдержала:

- Ну, хорошо, неразлучницы. Идите. Но только быстро!

Счастливые, мы взяли за руки и побежали за дежурной, которая повела нас к калитке. Там уже ждал нас Оксанин папа. Это был высокий, румяный и, как мне тогда казалось, немолодой мужчина. На нем была одета белая рубашка с короткими рукавами, серые брюки, на голове – светлая широкополая шляпа. Он подхватил Оксану на руки:

- Здравствуй, Оксаночка!

И стал подбрасывать ее высоко в воздух. Она визжала от восторга, а я громко, неудержимо смеялась, как будто меня тоже подбрасывали высоко, и в животе у меня было щекотно.

Оксанин папа опустил дочку на землю. Потрепал меня по щеке:

- Привет, Катюша!

Мы сели на скамейку у калитки.

- Смотрите, каких я вам гостинцев привез!

И он высыпал нам на колени золотистые, с красными

бочками абрикосы. Достал из бумажного пакета и выдал каждой по пачке апельсиновых вафель.

- Папа, а ты фотоаппарат привез? - спросила Оксана.

- Да, да, конечно! - спохватился он и поспешил к новенькой «Победе», стоящей рядом на дороге.

Оксана повернулась ко мне:

- Катя, а давай панамками поменяемся?

- Давай! - согласилась я, и мы так и сделали.

Вернулся Оксанин папа. Поставил нас рядом. Оксана обняла меня за плечи.

- Улыбочку! - попросил фотограф, - Сейчас вылетит птичка!

Мы засмеялись, и он щелкнул затвором фотоаппарата.

- Ну, бегите, егозы! - сказал Оксанин папа. - Завтра, если успею сделать, фотокарточки привезу!

Он крепко поцеловал дочку в розовые щеки, похлопал меня по плечу и поспешил к машине. А мы побежали к нашей группе, которая, выстроившись парами, уже собиралась идти в столовую на обед.

На следующее утро после завтрака, мы сидели в беседке. Мария Петровна читала нам книжку Чуковского «Доктор Айболит». Вдруг появилась дежурная и сказала, что Марию Петровну вызывает заведующая детским садом.

Воспитательница ушла. А книжку нам дочитывала молоденькая нянечка Вера. Наконец, Мария Петровна вернулась. Остановившись возле беседки, она позвала:

- Катя Максимова, подойди ко мне.

Я послушно подошла. Оксана устремилась за мной.

- Оксана! Сядь на место! - неожиданно резко проговорила Мария Петровна.

Она взяла меня за руку, отвела в сторону, наклонилась ко мне и взволнованным голосом сказала:

- Катя! К тебе приехали родители. Они забирают тебя

домой. Твоего папу реабилитировали... он вернулся!

Я слушала, не проронив ни слова. Я почти совсем не помнила своего отца. Его забрали, когда мне не было и года. Только одно смутное воспоминание осталось в моей памяти: отец носит меня по комнате, напевает колыбельную, и убаюкивает, покачивая на руках.

Воспитательница повела меня к главному корпусу. Там я увидела маму. Она сжимала в руках платочек, и глаза её были полны слёз. Рядом с ней стоял какой-то худой мужчина с изможденным лицом и горькими складками в уголках рта.

- Здравствуй, доченька! Подойди сюда! Это твой папа! – мамин голос дрожал.

Я спряталась за Марию Петровну и крепко ухватилась за её руку. Воспитательница стала подталкивать меня вперед, говоря:

- Иди, иди, Катюша! Обними своего папу.

Но я не хотела обнимать этого чужого, сурового мужчину, который, не улыбаясь, пристально смотрел на меня. Я упиралась изо всех сил и была уже готова заплакать.

Мама бросилась ко мне, а тот человек резко развернулся и тяжелой походкой направился к выходу.

- Лёша, успокойся! Она же ребёнок! Она тебя не помнит! - закричала мама. Схватила меня на руки, подхватила сумку с вещами и побежала за мужчиной.

И вдруг я услышала знакомый тонкий голосок:

- Катя, подожди!

Я оглянулась. Оксана бежала ко мне. Она спотыкалась, падала, поднималась и снова продолжала бежать.

Мама остановилась, опустила меня на землю.

- Девочка, мы не можем ждать. Мы опаздываем на поезд, - сказала она.

Оксана протянула мне снимок:

- Катя, вот фотокарточка. Папа привез. Ты что, насовсем уезжаешь?

Я не знала, что ей ответить.

- Насовсем, девочка, - ответила за меня мама.

Подняла меня снова на руки и поспешила к калитке. Мужчина остановился и ждал нас. Он взял меня у мамы и понес по дороге к станции. Я не сопротивлялась. Через тонкую рубашку я чувствовала, как вздрагивали его худые плечи.

ТРЕВОЖНАЯ ЗИМА

Наступившая зима вызывала удивление своей необычностью. Сильные холода наступили еще в ноябре и накрепко сковали беззащитную землю. Они проморозили ее насквозь, превратив в каменистую пустыню - серо-черную, колючую, твердую. Низкие облака стелились по вершинам деревьев, но не единая снежинка не упала на землю. В декабре внезапно потеплело, прошел сильный дождь, но схваченная морозом поверхность не пропустила влагу, и вернувшиеся вскоре холода покрыли почву ледяным панцирем.

Ребята, живущие в деревянном доме на берегу пруда, высыпали на улицу. Они раскатали во дворе ледяную дорожку, темную и блестящую, похожую на застывший весенний ручей. Мальчишки и девчонки постарше выстроились в очередь, чтобы прокатиться по гладкому, маслянистому льду. Они разбегались, отталкивались от застывшей земной тверди и неслись по льду, приседая и растопырив в стороны руки. Ледяная дорожка шла под уклон до старой черемухи, что росла на углу дома. Весной черемуха утопала в белом цвету. А сейчас ничем не отличалась от других деревьев - такой же

черный ствол и тонкие, обнаженные ветви. Катя вместе с другой «малышкой» стояла рядом с дорожкой и смотрела на катающихся. Кататься на ногах по льду она боялась. Да и кто пропустит неуклюжую «мелюзгу», которая и разбежаться, как следует, не умеет, только под ногами мешается.

Вдруг к Кате подскочил Витек Авдеев:

- Катька, прокатиться хочешь? Тащи санки! Ты в санки сядешь, а я сзади на полозьях поеду.

Катя удивленно уставилась на Витьку, думая про себя: «С чего бы он так подобрел?».

Но Витек не дал ей времени на раздумье:

- Ну, что вылупилась? Давай, шуруй, пока я не передумал!

Катя побежала к своей двери, вошла в темную прихожую и вытащила санки. Они стояли у стенки с ноябрьских праздников и ждали зимы. Санки у Кати были самые красивые во дворе. Деревянные планки яркие - красного и желтого цвета, сзади - металлическая спинка. Они легко и быстро мчались с горы и уезжали далеко-далеко. Катя взяла санки за веревку и подкатила их к ледяной дорожке. Глаза Витьки радостно блеснули:

- Ну, молодец, Катюха! - похвалил он несколько озадаченную его приветливостью Катю.

- А ну, садись! - приказал Витек. - Держи веревку, чтобы под полозья не попала. А то занесет, перевернешься и нос расквасишь! Не хочешь нос-то расквасить? А?

- Не хочу, - подтвердила Катя.

- Ну, вот и хорошо! - Витек растолкал ребят, толпившихся у дорожки в очереди прокатиться.

Никто не посмел перечить самому отъявленному во дворе забияке и драчуну. Витек установил санки в начале ледяной дорожки. Ухватился за спинку, сильно

разогнался, подпрыгнул и вскочил на торчавшие сзади концы полозьев. Витек и Катя мчались, как вихрь. Ледяной ветер ударил Кате в лицо. И слезы покатались из глаз. От страха или от холода - она не знала. Катя одной рукой судорожно сжимала веревку, а другой вцепилась в санки. У самой черемухи Витек лихо спрыгнул на землю, выхватил веревку из Катиных рук. Санки крутануло, занесло вбок, тряхнуло, и они остановились.

- Что, перетрухала? - спросил Витек, насмешливо улыбаясь.

- Нет, - ответила Катя.

- Так я тебе и поверил! - усмехнулся он. - Ты знаешь, что, Катя? Дай мне санки. Я хочу стоя на них прокатиться. А?

- Бери, - сказала Катя, даже обрадовавшись, что Витек собирается ехать один.

Только сейчас она поняла, как страшно было мчаться по беспощадному льду. Витек схватил санки и побежал к началу дорожки. Катя осталась стоять на месте. Она видела, как Витек разогнался, вскочил на санки и, балансируя руками, понесся по сверкающему льду. Он стремительно приближался к черемухе. У самого конца дорожки высоко подпрыгнул, чтобы приземлиться на твердую почву. Но, видно, не рассчитал и с размаху опустился на красно-желтые планки Катиных санок. Раздался хруст сломанного дерева, несколько планок треснуло и сломалось пополам. Только на мгновение в глазах Витька промелькнула растерянность. Он соскочил на землю, отдал санки Кате и сказал:

- Смотри, родителям ни слова! А то, получишь у меня! - пригрозил он.

Губы у Кати дрогнули, лицо исказилось плаксивой гримасой, и она, с трудом сдерживая слезы, побрела домой. Ребята, молча, провожали ее сочувственными

взглядами. Все знали - санки дорогие. И Кате здорово влетит за то, что она их сломала. В прихожей Катя поставила санки к стене полозьями наружу. Чтобы родители не сразу заметили поломку. Открыла дверь и вошла в комнату. Отец был дома. Он сидел за столом, и что-то писал, низко склонившись над листом бумаги. Катя сняла шубу и повесила на гвоздь.

- Что ты сопишь? Простудилась? - спросил отец, не поднимая головы.

- Нет, - ответила Катя, тихонько подошла к дивану и взяла лежащий там портфель.

- Ты уроки сделала? - спросил отец.

- Нет еще, - ответила Катя.

- Сначала надо сделать уроки, а потом гулять, - сказал отец строго.

- Хорошо, папа, - проговорила Катя едва слышно.

Отец поднял голову и внимательно посмотрел на дочь.

- В чем дело, Катя? - спросил он требовательным тоном. - Ты что, двойку получила?

- Нет, нет! - быстро ответила Катя. - Я двойку не получала. Я четверку получила по чистописанию.

- Наверное, можно было и пятерку получить, если постараться, - проговорил отец недовольно.

- Я стараюсь, - тихо сказала Катя.

- Если бы старалась, то приносила бы пятерки, - с упреком в голосе сказал отец.

Катя легонько вздохнула и промолчала.

- Делай уроки. Я потом проверю, - закончил разговор отец и снова склонился над бумагами.

Всего несколько месяцев назад Катя впервые увидела своего отца. Он приехал с матерью на дачу, где Катя проводила лето в старшей группе детского сада, и забрал ее домой. Еще с самой весны мать не уставала повторять:

- Катюша, скоро папа вернется, и у нас будет все хорошо! - и глаза ее счастливо блеснули.

Иногда к матери забегала подруга. Они подолгу разговаривали, и до Кати долетали отдельные слова: «лагерь, ссылка, Сибирь, освободили» и даже одно трудное и непонятное слово: «ре-а-би-ли-ти-ро-ва-ли». Катя радовалась вместе с матерью. Наконец-то у нее будет отец, как у всех детей! Катя представляла, что он будет любить ее так же, как мать, называть ласковыми именами: «розочка, звездочка, зайка». И еще будет такой сильный и смелый, что никакие мальчишки не посмеют ее обидеть, даже Витька Авдеев.

Но человек, которого она увидела летом, и который сейчас сидел за столом и писал, оказался совсем другим. Он не гладил Катю по голове, не говорил ласковых слов. Вообще, он чаще всего молчал. Сидел на диване, уставившись в одну точку. Мать пыталась его разговаривать, ворошила волосы на голове, вздыхала, проводя по поседевшим вискам.

Рассказывала о том, как они с Катей жили без него все эти годы. Отец немного оживлялся. Сокрушенно качал головой и участливо поглядывал на мать, слушая про трудности, которые ей пришлось пережить. Но скоро взгляд его снова становился отсутствующим, и видно было, что мысли его далеко. Катя знала, что отец упорно ищет работу, каждый день уезжает куда-то. И возвращается еще более хмурым, издерганным.

А когда Катя пошла в первый класс, все мысли отца сосредоточились на ее учебе. «Ты должна учиться на отлично, лучше всех, - внушал он дочке, крепко держа рукой за худенькое плечо. – Ты должна закончить школу с золотой медалью и поступить в лучший институт. А для этого нужно серьезно заниматься и уметь преодолевать трудности». Катя коротко вздыхала и говори-

ла, опустив голову: «Хорошо, папа». Этому научила ее мать. Она как-то сказала Кате строго: «Нашему папе плохо. Ты должна всегда и во всем с ним соглашаться. Папа всегда прав. Ты поняла?» «Да, мамочка!» - ответила Катя и почему-то слезы выступили у нее на глазах. «Вот и умница!» - похвалила ее мать.

Катя очень хотела полюбить отца так, как она думала, хорошие дочери любят своих отцов. Но место любви в ее маленьком сердечке занял страх. Катя старалась изо всех сил учиться хорошо. Но боязнь не оправдать возложенные на нее отцом надежды сковала ее тяжелыми цепями. И чем сильнее она старалась, тем хуже у нее получалось. Особенно чистописание. Прикусив от напряжения губу, Катя выводила в тетради крючки и палочки. Они выходили кривые, неровные, с неправильным нажимом. Отец смотрел. Недовольно качал головой.

- Почерк у тебя никуда не годится, - говорил отец. - Не в меня пошла.

Катя смотрела на листы бумаги, исписанные мелкими, похожими на вышивку буквами, и думала: «Это правда! Так красиво писать я никогда не буду!» Катя пошла в школу подготовленным ребенком. Читала, считала, писала печатными буквами. Но с письменным русским ничего не получалось. Все время высказывали проклятые четверки. И она, понуро опустив голову, плелась домой, думая о том, что отец опять рассердится на нее. Ничего не скажет, но посмотрит холодно и отчужденно. Уж лучше бы отругал. Как мать иногда - накричит, а потом расцелует в обе щеки и конфетой угостит.

А сейчас еще - сломанные санки! Нет. Отцу она ни за что не признается! Лучше на всю зиму без санок останется! Катя услышала, как открылась входная дверь.

Это пришла мать с работы. Катя бросилась ей навстречу, но в это время в прихожей раздался громкий стук чего-то металлического о пол.

«Это санки упали!» - подумала Катя и замерла на месте. Дверь в комнату отворилась и в проеме появилась мать. В одной руке она держала сумку с продуктами, в другой - сломанные санки.

- Катя! Ты сломала санки?! Как же это случилось? - спрашивала мать, недоуменно пожимая плечами.

- Я каталась по льду, санки стукнулись о дерево и сломались, - соврала Катя.

Отец встал из-за стола, взял у матери санки, повертел их в руках и внимательно посмотрел на Катю. Катя с замиранием сердца ждала, когда он скажет, что она солгала родителям и начнет ее ругать. Но отец не произнес ни единого слова. Казалось, его молчание длится вечность.

- Надо купить ей новые санки, - проговорил он наконец, обращаясь к матери.

- Уже поздно, - сказала мать. - Санки продавались всего несколько дней осенью в «Детском мире» и больше в этом году продаваться не будут.

- А на рынке? - спросил отец.

- На рынке дорого, - ответила мать.

На следующий день, когда мать ушла на работу, а Катя в школу, отец порылся в шкафу и достал черный кожаный шлем. Почти новый, на теплой, меховой подкладке. Он положил его в сумку, оделся и вышел на улицу.

Долгожданный снег, странный, как все в эту зиму, крупный и мелкий попеременно, беспросветно валил с белого неба. Он застелил землю тонким, пушистым одеялом. Снежинки падали так густо, что в двух шагах ничего не было видно. Отец дошел до трамвайной

остановки. Сел в вагон с залепленными снежными хлопьями окнами и поехал на рынок.

Первое, что Катя увидела, вернувшись домой после уроков - это санки, стоящие посреди комнаты. Совершенно особенные санки. Они напоминали мягкое детское креслице на широких полозьях. Сидение и спинка были обиты мягкой коричневой кожей. Высокую спинку украшал позолоченный металлический кокошник. Полозья заканчивались закрученными вверх, нарядными завитушками. Катя застыла у двери и неотрывно смотрела на санки.

Отец, улыбаясь, смотрел на дочь.

- Катя, тебе нравятся санки? - спросил он.

Катя кивнула.

- Только вот веревка нужна, чтобы санки было за что возить, - сказал отец.

- Я сейчас! Я от старых санок веревку отвяжу! Я быстро! - торопливо говорила Катя.

Она бросилась в прихожую. Зацепилась ногой о порог и упала плашмя на колючий, соломенный коврик.

Отец подбежал, поднял ее на руки:

- Катюша, ты не ушиблась? Тебе не больно? - спрашивал он, в тревоге взглядываясь в лицо своей маленькой дочки.

- Мне совсем не больно, папочка, - сказала Катя, обняла отца за шею и заплакала.

В этот вечер Катю уложили спать пораньше. Она тихо лежала в кроватке, закрыв глаза и прижав к себе веревку от новых санок. Санки стояли на полу возле кровати. В них сидел плюшевый медвежонок и весело тараторчил блестящими, пуговичными глазами.

Отец с матерью сидели на диване и негромко разговаривали. Но Катя только притворялась, что спит, а на самом деле думала, о том, как в воскресенье пойдет

кататься с горки на новых санках, и возьмет с собой Мишку. Посадит Мишку в санки и спустит с крутой горы. А сама побежит вслед по рыхлому снегу, и будет кричать громко: «Держись, Мишка, крепче! А то свалишься, и нос расквасишь!».

Отец повысил голос, и Катя услышала:

- Оля, ты знаешь, меня на работу взяли. Завтра приступаю.

- Ленья! Не может быть! Что же ты молчал?!... Какое счастье!... Наконец-то нам повезло!.. Слава Б-гу!.. - голос матери оборвался сдерживаемыми рыданиями.

Наступила тишина. Через некоторое время мать успокоилась и спросила почти шепотом:

- Ленья, расскажи, как это получилось?

Отец молчал.

- Ну, говори, говори скорей! - громко и нетерпеливо сказала мать.

- Ш-шш! - отец поднес палец к губам. - Катю разбудишь!

И опять все стихло. Вдруг Катя услышала голос отца. Он звучал решительно и строго:

- Оля, послушай! Я должен признаться тебе. Чтобы получить работу, мне пришлось подделать трудовую книжку. Я уничтожил записи о моем аресте.

- Что-о! Что ты наделал, Ленья?! Что ты наделал?! - в отчаянии повторяла мать.

- Пойми, Олюшка! - отец обращался к матери непривычно ласково и нежно.- Я больше не могу сидеть без работы! У тебя на шее! НЕ МО-ГУ! И все!

- Ты, что не понимаешь?! Тебя же могут в тюрьму посадить! - вскрикнула мать.

- И пусть! Лучше в тюрьме, чем так!

- Нет, Ленья, не лучше! Подумай о нас с Катей!

- Я думал! Кате шуба новая нужна! Старая уже ко-

ротка. Девочка может простудиться и заболеть. Она такая слабенькая! И у тебя пальто износилось! Я, что - слепой? Не вижу, что ты бьешься, как рыба об лед. Едва сводишь концы с концами! Ребенка надо одевать, кормить хорошо...

Мать не произнесла больше ни слова. Отец встал с дивана и подошел к детской кроватке. И Катя почувствовала, как до ее лба дотронулась его прохладная ладонь.

«БЕРЛИН – МОСКВА»

Наступил день отъезда в Москву. Два вместительных чемодана, перевязанных для верности крепкими веревками, стояли посреди избы. Нина собирала в большую корзину деревенские гостинцы: банки с малиновым и земляничным вареньем, связки сушеных грибов, завернутый в чистую тряпку кусок сала, сушеную чернику в бумажных кулках. На случай дождя сверху прикрыла корзину куском черного брезента. Когда сборы были закончены, дядя Миша вынес подготовленные вещи в сени.

Алена позвала к столу – посидеть на дорожку. Все уселись вокруг чисто-выскобленного стола и замолчали в грустном ожидании расставания. Но вот за окном раздался веселый гудок машины. Это приехал Петя – колхозный шофер. Он собрался по делам в Вязьму и обещал подвезти Нину и Катю на станцию.

Дядя Миша вышел на улицу грузить вещи, а Алена стала прощаться со своими «дачниками». Она прижала к себе Катю и, вытирая набежавшие слезы, ласково говорила:

- Не забывай нас, Катюша! Кланяйся родителям. Приезжай на следующее лето!

Потом обняла Нину.

- Прости, Ниночка, если что было не так!

- Ну, что ты, Алена, спасибо тебе за все!

Нина с Катей, за ними Алена вышли из избы.

- Как желаем? В кузов или в кабину? - спросил Катю шофер, улыбаясь.

- Конечно, в кузов! – ответила она, не раздумывая. - В кузове веселее!

- Это факт! - подтвердил дядя Миша.

Он поднял Катю на руки, и она крепко поцеловала его в щетинистую щеку.

- Не скучай, дядя Миша! Я скоро опять приеду! – стараясь не расплакаться, прошептала Катя ему на ухо.

Дядя Миша посадил Катю в кузов, забрался сам, приладил чемоданы и сделал удобное сиденье из кучи старых телогреек, лежащих в углу.

- Держись крепче за борта! - крикнул он, спрыгивая на землю.

Нина разместилась в кабине, рядом с шофером. Петя завел мотор, грузовик натужно взревел и тронулся с места. Катя встала, и ухватившись за борт, долго смотрела на Алenu и дядю Мишу. Алена махала платком, а дядя Миша снял с головы серую кепку и крепко сжимал ее в руках.

Но вот дорога завернула за околицу, и Катя уселась на телогрейки, пахнущие бензином и машинным маслом. Старенький грузовичок подпрыгивал на ухабах, чемоданы тряслись, а банки в корзине звонко постукивали друг о друга.

Машина проезжала по пыльному проселку мимо убранных полей, зеленых перелесков и незнакомых деревень. Наконец, к полудню добрались до Вязьмы. Петя подвез Нину с Катей поближе к станции, снял из кузова чемоданы, внес их в старый кирпичный вокзал и поставил возле стены.

Нина поблагодарила его за помощь. Петя пожелал: «Счастливого пути!» и побежал к машине, торопясь закончить до вечера колхозные дела.

В здании вокзала было довольно пусто. Всего несколько человек сидели на скамейках в ожидании поезда.

Нина оставила Катю сторожить вещи, а сама пошла к кассе, чтобы купить билеты. Её не было довольно долго. Наконец, Нина появилась. Лицо её было взволнованное и расстроенное:

- Плохие наши дела, Катюша!

- Что случилось?

- Билетов на наш поезд нет. Что теперь будем делать, не знаю. Ну ладно, - подумав немного, сказала Нина, - ты стой здесь, а я пойду посмотрю, какие сегодня еще будут поезда.

Она направилась к расписанию, но в это время из окошка высунулась кассирша и замахала ей рукой:

- Гражданочка, гражданочка! Идите скорее сюда!

Нина поспешила к кассе, а Катя, вприпрыжку, побежала за ней, забыв, что ей было строго – настроено наказано от вещей не отходить ни на шаг.

Она слышала, как кассирша быстро говорила Нине:

- Есть два билета до Москвы в купейном вагоне. Бронь. Поезд «Берлин – Москва». Прибывает через полчаса. Будете брать?

- Сколько стоит?... Ну, что ж тут поделаешь?... Берем! - вздохнула Нина.

Она раскрыла кошелек и аккуратно отсчитала деньги. А у Кати внутри всё прыгало от восторга. Международный поезд! Купейный вагон! Как замечательно и интересно! Но вслух она только спросила:

- Нина, а какой вагон?

- Десятый, - машинально ответила Нина, разглядывая билеты.

Они вытащили багаж на перрон. Нина стала оглядываться вокруг, пытаясь угадать, где остановится десятый вагон, и, наметив место, подтянула туда чемоданы.

Спустя короткое время, по радио сообщили о прибытии поезда «Берлин – Москва». «Стоянка поезда пять минут», - строго объявил женский голос из старенького репродуктора.

Поезд приближался к станции, замелькали вагоны. Состав замедлился, остановился, и тут Нина с ужасом увидела, что десятый вагон уехал далеко вперед.

- Катя, бежим! – коротко приказала она.

Хрупкая, тоненькая, деликатного сложения, Нина подхватила два тяжелых чемодана, Катя – неподъемную корзину, и они понеслись по платформе к десятому вагону. Запыхавшись, с разбега чуть не сбили с ног проводницу. Нина сунула ей в руку билеты, и пока та их проверяла, они с Катей переводили дух.

- Вам помочь? – раздался сзади чей-то молодой голос.

Они оглянулись и увидели стоящих за их спинами двух молоденьких офицеров в какой-то странной военной форме. «Немцы», - шепнула Нина. Светловолосые, голубоглазые - они были похожи друг на друга, как братья-близнецы. Только один - высокий, худощавый, а другой – пониже ростом, широкоплечий. Они держали в руках пачки сигарет. Видимо, бегали за ними в вокзальный буфет.

- Пожалуйста! – с радостью согласилась Нина и добавила, покраснев: - Danke шон!

Покоренные ее немецким, а также улыбчивым, смуглым лицом с ласковыми карими глазами, немцы галантно помогли пассажиркам забраться на высокие ступени вагона, потом подхватили вещи, занесли в указанное Ниной купе и поставили чемоданы под сиденья.

Одновременно они рассказывали, что учатся в Москве в военной академии и возвращаются после летних каникул, проведенных дома, в Берлине. Закончив с вещами, они не уходили, а улыбаясь, топтались в дверях купе.

- Сало?! - угадал высокий, ткнув пальцем в корзину.

- Сало! - подтвердила Нина и, помолчав немного, сказала: - Приходите минут через пятнадцать в гости. Мы вас салом деревенским угостим!

Немцы очень обрадовались, закивали головами и вышли из купе, аккуратно прикрыв за собой дверь.

- Вагон-то пустой, - объяснила Нина, - вот ребята и соскучились за долгий путь без компании.

Она поправила легкое летнее платье, причесала пушистые рыжеватые волосы, провела по губам нежно-розовой помадой. Потом достала из корзины сало и отделила ножом довольно большой кусок. Катя подала ей краюху хлеба, и Нина нарезала ее толстыми ломтями. Из корзины появились также огурцы и помидоры, собранные в дорогу предусмотрительной Аленой.

Раздался стук в дверь.

- Надо же! Ровно пятнадцать минут! - рассмеялась Нина, взглянув на свои часики.

Дверь открылась, и в купе вошли их необычные попутчики. Сразу было видно, что они многому научились в своей академии.

Высокий держал в руках бутылку коньяка и три маленьких стаканчика, а широкоплечий торжественно внес большую тарелку, полную конфет в блестящих, разноцветных обертках. Дружески подмигнув, он высыпал половину конфет Кате на колени. Остальное было расставлено на столике.

Есть Катя отказалась, села в угол, поджав под себя ноги, и принялась любоваться роскошным убранством купе международного поезда – темно-красными бар-

хатными занавесками с тяжёлыми желтыми кистями, блестящими зеркалами в золоченых рамах, красивой лампой с розовым шелковым абажуром, стоящей на столике у окна.

Тем временем немцы принялись с аппетитом уплетать деревенское сало с темным ноздреватым ржаным хлебом, и крепкий чесночный аромат распространился по купе.

Проводница принесла горячий чай в кружевных металлических подстаканниках. Наверху плавали золотистые ломтики лимона.

Катя выпила чаю и, разморенная, свернулась калачиком на покрытом белоснежным покрывалом сиденье. К ней подошел высокий.

- Хочешь верхняя полка? – спросил он Катю и для наглядности показал пальцем вверх.

Катя молча кивнула головой. Высокий помог ей забраться, она вытянулась на полке и с удовольствием уткнулась носом в оконное стекло.

Скорый поезд мчался, не останавливаясь, мимо маленьких городков, деревень, темнеющих вдали лесов, безграничных просторов полей.

Снизу до Кати доносился громкий смех, ломаная русская речь, звон стаканов.

Нина объяснила немцам, что Катя - ее племянница, ей одиннадцать лет, что они вместе отдыхали в деревне под Вязьмой и теперь возвращаются домой. Немцы почему-то очень обрадовались, закричали: «Ура!» и тут же предложили выпить за хороший отдых и такое замечательное возвращение домой.

Немцы рассказывали о своих семьях - родителях, братьях, сестрах, о городе Берлине и о русских друзьях, с которыми они вместе учатся в академии.

Время пролетело быстро, и вот уже за окном замель-

кали знакомые платформы загородных электричек. Поезд приближался к Москве.

Немцы не уходили, сидели, притихнув, задумчиво разминая пальцами незажженные сигареты.

Заглянула проводница.

- Поезд подъезжает к Белорусскому вокзалу! – объявила она.

Спohватившись, офицеры заторопились, спешно попрощались и побежали в своё купе собирать вещи.

Состав остановился. Нина с озабоченным видом, спустилась на перрон искать носильщика. Пришел хмурый дядька, забрал чемоданы и поставил на свою тележку. Нина проверила, всё ли на месте, и взяв Катю за руку, направилась к остановке такси.

Пройдя немного по перрону, Катя оглянулась. Международнyй поезд «Берлин-Москва» неподвижно стоял среди вокзальной суеты. Катя увидела своих дорожных попутчиков, наполовину высунувшихся из окна купе и изо всех сил машущих руками.

Помахав в ответ, Катя тронула Нину за локоть. Замедлив шаг, Нина обернулась и, улыбнувшись, послала немцам два прощальных воздушных поцелуя.

Потом крепче сжала Катину руку и стала пробираться сквозь толпу, пытаясь догнать носильщика, который, не оглядываясь, толкал тележку с вещами к зданию вокзала.

ЗВЕЗДА ЭКРАНА

Летом Катю первый раз отправили в пионерский лагерь. Она провела в лагере всего одну смену, но это время осталось в памяти одним из самых неприятных эпизодов ее детства. Домашний, тихий, заласканный

ребенок десяти лет внезапно оказался в окружении детей рабочих одного из московских заводов, строгих пионервожатых, воспитателей и руководителей отрядов.

Вся ее жизнь, существа замкнутого, привыкшего к одиночеству, теперь происходила на виду у всех – в огромной палате на 20 человек, среди боевых, хулиганистых девчат, которым пальца в рот не клади. Они сразу распознали в Кате чужачку и с самого начала стали травить ее по всем жестоким правилам негласных законов пионерского лагеря.

Подкладывали в тумбочку мышей, смеялись над белоснежными ночными рубашечками, украшенными вышивкой, воздушными платьяцами с оборочками и кружевами, нарочно пачкали ее наряды грязью, приговаривая: «Ишь, чистюля, форсит тут! Нечего форс разводить! Подумаешь, вежливая какая: «спасибо-пожалуйста!»» - передразнивали они ее.

Катя была в растерянности и недоумении, совершенно не понимая, почему такое происходит вокруг нее. За что ее так ненавидят. Она молча терпела издевательства, не жаловалась ни пионервожатым, ни воспитателям.

Накуражившись вволю, девчата занялись мальчишками, постепенно унялись и оставили Катю в покое. Они даже снизились до того, что стали учить Катю неприличным песням, стишкам и поговоркам, которые сами знали уже давным-давно – видно еще с детского сада.

К своему удивлению Катя поразительно быстро и легко усвоила всю эту чушь, приправленную матерщиной и сальными шутками. Более того, похабные прибаутки так основательно засели у нее в голове, что остались там на всю жизнь. В отличие от каких-нибудь умных выражений или важных исторических дат, которые влетали в одно ухо и незамедлительно вылетали из другого. А такой шедевр: «Перед вами, дети, утка - она

большая... Прости-и-те, дети, она маленькая...» – никогда не забудется! Девчонки даже стали перед танцами снисходительно занимать у Кати модные капроновые ленточки, которые мама купила ей перед отъездом.

Разлука с любимой мамой усложняла и делала Катину жизнь еще более тяжелой. Лагерь находился далеко от железнодорожной станции и добраться до него было практически невозможно – ни рейсовых автобусов, ни попутных машин.

Только одна связь существовала у Кати с мамой. Раз в неделю в лагерь приезжал грузовик, доставлявший продовольствие и посылки с гостинцами для ребят. Услышав гудок машины, Катя стремглав мчалась к столовой и дождалась, когда шофер выкрикнет громко: «Катя Максимова!», хватала сверток и убегала подальше – к дощатому строению подсобки. Там она пряталась за угол и прижималась спиной к стене. Катя не спешила открывать посылку. Она внимательно разглядывала сверток, подносила его к лицу, с наслаждением вдыхая знакомый запах серой оберточной бумаги, пропитанной машинным маслом. Мать работала на заводе в упаковочном цеху – единственная работа, которую смогла найти жена освобожденного, но еще не реабилитированного «врага народа».

Катя рассматривала свое имя, выведенное фиолетовым чернильным карандашом, неровным, торопливым маминым почерком и обведенное жирной линией. Не было ни единого раза, чтобы мама не передала для нее посылку, пусть самую маленькую. Потом не спеша развязывала бечевку, распаковывала посылку и с радостью доставала что-нибудь знакомое, привычное – вафли апельсиновые или лимонные, маковые баранки, сушки, ванильные сухари, конфеты – леденцы. Иногда случался настоящий праздник – сушеная вобла – сере-

бристая, сухая и плоская, как щепка. Катя, жуя воблу, у стены подсобки рассказывала маминой посылке последние новости лагерной жизни. Потом направлялась в свой корпус и укладывала содержимое посылки в тумбочку.

Раздавались звуки горна, призывающие на ужин, и Катя, вздохнув, направлялась к столовой. Она знала, что когда вернется в свою палату, от ее посылки не останется и следа. Вечно голодные девчата растащат все в один миг. Катя не жалела гостинцев - печенья и вафель, аппетит у нее отсутствовал - просто было обидно и все.

Девчонки постоянно таскали из столовой черный хлеб, посыпанный солью. Катя тоже однажды поддавалась охватившей лагерь лихорадке воровства и принесла в палату несколько кусков хлеба. Спрятала в тумбочке, но сразу же забыла и спустя несколько дней, обнаружив заплесневелые куски, тайком выбросила их в помойку.

Но не все было так уж плохо в пионерском лагере московского завода. Каждый вечер на круглой деревянной площадке за столовой устраивались танцы. Они стали для Кати светлым пятном в тягостной лагерной жизни. Она наскоро глотала ужин и стремглав бежала к площадке. Но совсем не танцы влекли на деревянный «пяточок». Танцы не вызывали у нее никакого интереса. Она с нетерпением ждала у ограды, когда, наконец, появится аккордеонист дядя Семен в неприменном коричневом пиджаке, увешанном орденами и медалями. Развернет меха своего прекрасного инструмента и легко, и виртуозно, ловко перебирая длинными тонкими пальцами блестящие клавиши и кнопки, заиграет что-нибудь хорошо известное, знакомое, близкое.

Заиграет хорошо, душевно, прижавшись щекой к

аккордеону, прикрыв глаза и покачивая в такт музыки седой головой. Прижавшись лбом к деревянной загородке, затаив дыхание, Катя слушала музыку. Про себя напевала песни, слова которых нельзя было услышать по радио, но они передавались в лагере из уст в уста: «Утомленное солнце нежно с морем проща-а-лось...», «В том городе южном, где синие дали...». За загородкой обычно собиралась «мелюзга». Не семилетне-восьмилетние «детсадовцы». Эти отправлялись спать почти сразу после ужина. А так – серединка на половинку: десяти – одиннадцати лет.

Сегодня, когда Катя прибежала к площадке, дядя Семен уже играл любимую Катину и самую популярную среди ребят песню: «Сиреневый туман». Народу было еще мало. Катя нашла место у загородки, совсем близко от аккордеониста. И, надеясь, что за звуками баяна ее никто не услышит, тихонечко начала подпевать: «Кондуктор не спешит, кондуктор понимает, что с де-вушкой я прощаюсь навсегда...»

Вдруг кто-то сзади дернул ее за локоть. Она обернулась и окаменела, широко раскрыв глаза от удивления. Это был Петька-цыган, гроза лагеря, задира и хулиган.

Катя испугалась, но виду не показала:

- Ну, чего тебе? – нахмутив брови спросила она, мучительно пытаясь вспомнить все, чему научили боевые девчата из ее палаты, как надо общаться с мальчишками.

- Пошли потанцуем, – сказал Петька без улыбки и тряхнул кудрявой черной головой.

- ЧЕГО?! – у Кати глаза вылезли на лоб,

- Чего-чего... – передразнил Петька. - Пошли танцевать, говорю!

- Отвали! – пискнула Катя, страшно гордая тем, что лагерные уроки не прошли даром.

Она попыталась вырвать свой локоть из жилистой,

крепкой Петькиной руки. Но он вцепился в Катю клещами и не отпускал.

- Пойдем, говорю! Не бойсь! - Петька повысил голос и потащил Катю на площадку.

Катя плелась за ним, недоуменно оглядываясь по сторонам. Ей казалось, что весь лагерь смотрит на нее, шушукается, посмеиваясь над ее неуклюжестью.

- Не хочу я танцевать! - сказала Катя и упрямо поджала губы.

- Да ты только попробуй! - улыбнулся Петька одними глазами – серыми, в коричневую крапинку.

Катя удивилась - издалека из-за черных бровей и волос глаза Петьки казались черными.

Петька хотел взять ее за талию, но она вывернулась и отступила на шаг. Один палец Катя вложила в Петькину ладонь, а указательным пальцем другой руки уткнулась в плечо. И вот в таком виде - на метр друг от друга они начали танцевать. Лагерное танго было танцевать проще простого – два шага в сторону, один вперед. Два шага в сторону - один назад. Они протанцевали «Сиреневый туман» до конца довольно слаженно. После окончания мелодии Петька снова крепко сжал ее локоть и провел Катю на ее место. Но оно было уже занято. Ребята теснились возле дяди Семена. Петька бесцеремонно растолкал всех. Никто не посмел ему перечить. Он поставил Катю за спиной аккордеониста, наклонился к ней и сказал прямо в ухо:

- Завтра после полдника приходи в беседку за пионерской комнатой.

- Зачем?! – у Кати глаза полезли на лоб.

- Ни зачем!

- Пока не скажешь, зачем – не приду! Отвали! – припомнила Катя хорошее, нужное слово.

- Вот мелюзга! - досадливо поморщился Петька. –

Приходи - мне слова одной песни нужны. Ты ведь знаешь?

- Я всех песен слова знаю! - Катя горделиво повела плечами.

- Ну вот! – знаешь и мне скажешь! Заметано?

- Заметано! – согласилась Катя и вздохнула.

На следующий день после полдника Катя направилась к беседке. Возле кустов, окружающих пионерскую комнату, остановилась. Петька был уже там - сидел на перилах, покусывая травинку.

- Ну, иди сюда, чего в кустах застряла? – услышала Катя его насмешливый голос.

Катя подошла поближе.

- Ну, какие тебе слова-то нужны? - спросила она строго.

- Давай «Туман» сначала. Только ты спой мне, я лучше запомню, – сказал Петька и взглянул на Катю серьезно, но ей показалось, что насмешливые чертики сверкнули в глазах.

Она вспыхнула.

- Тоже мне - нашел прислужницу - песни петь! Я тебе в певички не нанималась! - Катя развернулась, чтобы уйти.

Петька подбежал к ней, схватил за плечо:

- Да ты погоди, комар, не кипятись! Я хочу послушать, как ты поешь, я слышал тебя у площадки.

- Правда?! – Катя не могла поверить своим ушам.

- Правда! – Петька обреченно вздохнул. - Спой! - и выдавил из себя: - Ну..., пожалуйста!

- Ну что ж, ладно, так уж и быть! Помни мою доброту! - сказала Катя, вдруг почувствовав, что имеет какую-то странную власть над этим отчаянным драчуном и забиякой.

Она забралась на ступеньки беседки, оправила юбку и затянула тоненьким звонким голоском:

- Ты смотришь мне в глаза и руку пожимаешь,
Уеду скоро я на год или на два,
А, может, навсегда ты друга потеряешь.
Еще один звонок и уезжаю я!

Когда пела, Катя смотрела не на Петьку, а на верхушку молоденькой березки. Какая-то птичка пряталась в листве. «Наверное, меня слушает, тоже любит эту песню». К концу песни она даже забыла про Петьку. Вспомнила о нем только, когда услышала, как он громко и размеренно хлопает в ладоши.

- Давай, валяй дальше! – приказал Петька.

Катя спела еще несколько песен.

- Ну, все - на сегодня хватит пищать, комар! Завтра приходи, еще споешь.

Катя ничего не ответила Петьке. Она услышала гудок грузовика, привезшего посылки и пулей понеслась к столовой.

Катя по-прежнему приходила вечером к танцевальной площадке слушать, как замечательно играет дядя Семен. Она часто видела Петьку. Он больше не приглашал ее танцевать. И вообще ее никто не приглашал - кому интересен гадкий утенок десяти лет. Катя была довольна, что никто не отрывает ее от слушания прекрасной музыки. Петька выбирал себе более подходящих партнерш из старших отрядов. Но приближаясь к загородке, улыбался Кате и хитро подмигивал серым, в крапинку глазом. Катя подмигивать еще не научилась, поэтому просто жмурила оба глаза. Петька смеялся, а его партнерша обычно хмыкала: «Чего ржешь, дурак, белены объелся?».

Как-то во время очередного сольного концерта на ступенях беседки Петька сказал:

- Вот балда! Сегодня забыл хлеба в столовой взять.
Жрать охота!

В это время раздался гудок приехавшего грузовика с посылками. Катя нахмурила брови.

- Вот что! - сказала она важно. - Я за посылкой сбегаю. А ты стой здесь, я тебе принесу. У меня все равно девчонки в палате воруют.

- Воруют, говоришь? - криво усмехнулся Петька.

Катя молча покивала головой.

- Больше не будут!

Катя пожала плечами и убежала. Она получила посылку и принесла в беседку. Распаковала и стала передавать содержимое Петьке:

- Вот вафли хорошие, апельсиновые! Вот сушки ванильные, сладкие, баранки с маком.

- Конфеты сосательные и леденцы с вареньем себе оставь – вы, девчонки, любите сладкое! И сушек половину возьми и вафель. – откладывал в сторону продукты Петька.

- Да не надо! Не хочу я есть! – отказывалась Катя.

- А ты ешь! А то гляди – худая, как спичка! Пальцем ткнешь и упадешь!

Катя, пораженная, уставилась на Петьку, удивляясь его заботе. Он поймал ее взгляд.

- Да у меня сестренка есть пять лет. Тоже не ест ни черта! Мать уж измучилась с ней совсем!

Катя была очень довольна - она пристроила посылку и избежала унижительного воровства. Сама добровольно, с радостью поделилась с Петькой гостинцами. И даже есть стала больше на ступеньках беседки, с Петькой за компанию.

Но вот наступил день, который сделал маленькую тщедушную Катю знаменитой на весь лагерь. Каждое утро отряды выстраивались на торжественную линейку поднятия флага. Старшая пионервожатая вызывала из строя одного из ребят, особенно отличившегося в об-

щественной работе – чистке картошки, уборке грязной посуды, занятиями в кружке «умелые руки» и еще в каком-нибудь важном деле. И под звуки горна избранный счастливчик, обязательно одетый в пионерскую форму: белый верх, черный низ, и конечно, с красным галстуком, повязанным на шее, гордо поднимал лагерный флаг. Все замирали в торжественном пионерском салюте.

В то утро горн прогудел, как всегда, весело и бодро:

Вставай, вставай, дружок, с постели на горшок!

Вставай, вставай, штанишки надевай!

Катя вскочила, хотела надеть голубое, в белый горошек платьице, свое любимое, и увидела, что кто-то старательно измазал подол черно-бурой грязью. Расстраиваться было некогда. Катя быстренько пересмотрела свои вещи и натянула первое попавшееся под руку - черные сатиновые шаровары и белую пикейную кофточку. Выглядело скучновато - она схватила со спинки кровати галстук и на ходу повязала его.

Она встала по росту - в самом конце своего отряда. А в это время старшая пионервожатая бегала вдоль линейки с выпученными глазами. Приехала комиссия дирекции завода с кинооператором - будут снимать фильм о жизни лагеря, а мальчик, назначенный на подъем флага, внезапно заболел и с высокой температурой оказался в изоляторе. Вожатая носилась вдоль шеренги в поисках кого-нибудь в пионерской форме на замену. Как назло никого не было - совершенно никого!

Она повернула к младшим отрядам. И вдруг в конце шеренги шестого отряда увидела маленькую, невзрачную, худенькую девочку в широких черных шароварах, белой кофточке и красном галстуке. Вожатая бросилась к ней.

- Тебя как зовут?

- Катя Максимова.

- Будешь сегодня флаг поднимать!

Катя похолодела - она понятия не имела, как это делается. Но вожатая наклонилась и горячо зашептала ей в самое ухо:

- Когда тебя вызовут – отдашь салют. Потом подбежишь к мачте и снова отдашь салют. Потом начнешь дергать за веревки - одной рукой за толстую, другой - за тонкую. Поняла?

Катя кивнула. Вожатая еще раз взглянула на Катю: «О, Боже!» - прошептала она побелевшими губами.

Торжественная линейка началась. Комиссия расположилась в центре площади, кинооператоры – возле флага. У Кати в ушах шумело от страха, и она даже не услышала, когда выкрикнули ее имя. Соседка больно толкнула ее в бок: «Катька, беги!» Катя понеслась к мачте. Она бежала, как маленькая букашка, по огромному зеленому полю. Добежав, наконец, поднялась по ступенькам на площадку. Ухватилась обеими руками за веревки и стала дергать их изо всех сил. Флаг не двинулся с места ни на сантиметр. Катя не видела, как пионервожатая, вся напружинившись, уже была готова броситься к девочке на подмогу. Катя продолжала дергать, в отчаянии закусив губу, и повторяла про себя: «Флажок, миленький, ну, пожалуйста! Ну, поднимайся!» Наконец, флаг медленно пошел вверх. Катя в бессознательном состоянии, не видя ничего вокруг, продолжала перебирать руками. Ладони ее горели, а мачта, казалось, упирается в небо и ей не будет конца. Но вот флаг уперся в верхотуру и затрепетал под утренним свежим ветерком. Катя опустила руки, вздохнула с облегчением. Отдала салют и побежала к своему отряду.

Линейка закончилась. Все стали расходиться. К Кате поспешила вожатая и сказала, улыбаясь:

- Молодец, Катя Максимова! Не подвела лагерную

дружину! - она отдала Кате салют. - В следующий выходной кино привезут - увидишь себя на экране.

В выходной все собрались в лагерной столовой, переоборудованной в кинотеатр с большим белым экраном на стене. Зазвучала бравурная музыка марша из «Веселых ребят», и на экране замелькали знакомые всем лагерные уголки - площадь с флагом на мачте, танцплощадка, беседка, пионерская комната, столовая, низенькие корпуса. На экране все это почему-то выглядело величественно и даже красиво.

Горнист протрубил подъем, ребята высыпали из корпусов и построились ровными рядами вокруг центральной площади с флагом. Маленькая девочка в черных шароварах, с тоненькими косичками, завязанными пышными бантами, бежит через поле к мачте. И вот все вокруг увидели Катю – совсем близко - она старательно перебирала руками веревки, и флаг стремительно поднимался вверх по мачте. Катя смотрела на себя и не могла поверить своим глазам. Она точно знала, что чуть было не расплакалась от бесплодных усилий поднять флаг. Но на экране она не плакала - нет. Катя смотрела вверх и весело улыбалась, и ветерок трепал кончики ее аккуратно повязанного галстука. Она видела себя на экране довольно долго, оператор включил в фильм почти все поднятие флага - от начала до конца.

Катя вышла из столовой и ей казалось, что все смотрят на нее. Какая-то девчонка из старшего отряда подошла к Кате и с усмешкой сказала: «Тоже мне нашлась артистка погорелого театра!». Но в ее голосе Кате слышались завистливые нотки.

С этого дня жизнь Кати изменилась - весь лагерь превратился в ее палату. Ребята, проходя мимо, подталкивали друг друга локтями : «Смотри, смотри - это та самая, что флаг в кино поднимала.» Девчонки при

встрече внимательно разглядывали ее наряды – платья, банты, сандалии.

Для Кати известность превратилась в муку, и она забивалась куда-нибудь подальше, где ее никто не видел. Только с Петькой все было по-прежнему. Катя пела уже в сотый раз одни и те же песни. Приносила посылки, с легким сердцем отдавая содержимое Петьке, а сама вдыхала запах оберточной бумаги и рассматривала мамин почерк. Петька посылок почему-то не получал совсем.

К большой Катиной радости смена подошла к концу. Катя собрала чемодан и оттащила его к крытому зеленым брезентом грузовику. Всех ребят рассадили по отрядам в такие же грузовики, с маленькими слюдяными окошками в брезентовых кузовах, на свежеструганные деревянные лавочки. Колонна грузовиков по команде начальника лагеря двинулась с места и направилась к Москве. Машины бросало по ухабам проселочных дорог, потом они мчались по извилистым загородным шоссе. И вот Москва!

«Чайка крыльями машет, за собой нас зовет!» - на звонкие голоса ребят оборачивались прохожие. Лагерная вражда была забыта. Пели дружно, слажено в один голос. Катя чувствовала себя необыкновенно счастливой, сама не зная почему – может, из-за песни, может, что вернулась в родной, любимый город или из-за скорой встречи с родителями.

Когда грузовики въехали в ворота завода и остановились на площадке, вожатые стали помогать малышам спрыгивать с машин, пересчитывая их на ходу. Родители стояли вдалеке - им не разрешали подходить к детям, до тех пор пока всех не выгрузят.

Внезапно кто-то легонько дернул Катю за косичку. Она обернулась - это был Петька. Он, как всегда, серьезно, без улыбки смотрел на Катю.

- Ну, бывай, канарейка! Пой, звезда экрана!

Катя вспыхнула.

- Это потому, что у меня шаровары были черные, - сказала она.

- Не только поэтому! - усмехнулся Петька, подмигнул Кате серым глазом, развернулся и скрылся в толпе ребят.

ЗИМНИЙ ТРАМВАЙ

Из всех видов городского транспорта Сережа больше всего любил трамвай. Когда он сказал родителям, что собирается поехать к бабушке, и мама спросила его:

- Ну и на чем ты будешь добираться?

Сережа уверенно ответил:

- Конечно, на трамвае!

И никто не удивился, несмотря на то, что из всех возможных путей, это был самый долгий и самый длинный.

Трамвай, не торопясь и делая частые остановки, катился от станции метро «Сокол» вдоль Ленинградского проспекта. У стадиона «Динамо» он поворачивал к Боткинской больнице. Потом, петляя и позвякивая на стыках, доезжал до Ваганьковского кладбища, а там уже до бабушки было рукой подать. Пару остановок и пешком пять минут. Вниз с горки - к Машиностроительному заводу, и вот напротив красный кирпичный бабушкин дом. Район назывался - «Новые дома».

Сережа удивлялся названию. Ему казалось, что дома здесь совсем не новые, кирпич потемнел, квартиры коммунальные, даже горячей воды нет, а только газовая колонка. Но бабушка объясняла ему, что когда-то дома были совершенно новые, и комнаты в них получали счастливые рабочие близлежащих Краснопресненских

заводов - «Трехгорки», «Пролетарского труда» и Машиностроительного завода.

И не просто рабочие, а ударники труда, победители разных соревнований, мастера своего дела. Вот бабушка и получила большую светлую комнату с окном на зеленый скверик, потому что была лучшим мастером отдела технического контроля, а дедушка много лет работал инженером-конструктором и за свой труд даже имел правительственные награды.

Но он недолго прожил в новой просторной комнате. Вскоре после войны дедушка умер от полученных в боях ран. Его большая фотография висела на стене. Дедушка на снимке выглядел бравым, с седыми кавалерийскими усами, смотрел строго, и на его праздничном темном костюме блестели рядами ордена и медали.

- Оденься потеплее! - сказала мама. - На улице мороз, а в трамвае холодно. Поехал бы ты лучше на метро, Сережа! Там светло, тепло, станции красивые!

- А я на трамвае люблю! - упрямо повторял Сережа. - Ты не волнуйся, мам! - спохватился он, испугавшись, что мама рассердится и вообще не отпустит его к бабушке. - Я варешки теплые одену. Те, что мне бабушка на Новый год подарила.

Сережа снял с вешалки шапку-ушанку, шерстяной шарф и серые пушистые варешки.

- Ой, чуть не забыла! - сказала мама. - Я вчера купила печенье «Сдобное». Отвези бабушке. Чай вместе попьете. - И она протянула сыну большую, красиво раскрашенную коробку.

Сережа улыбнулся, взял со стола синюю авоську и положил в нее коробку. Он любил печенье «Сдобное». И, если трамвай был его любимым транспортом, то самым любимым печеньем из смеси, насыпанной в яркую коробку, было круглое, легкое, испеченное из взбитых

белков и посыпанное сверху сахарным песком. Когда мама ставила на стол коробку, Сережа первым делом выбирал это печенье - сладкое, тающее во рту.

Мать помогла ему надеть пальто и затянула потуже клетчатый шарф.

- Будь осторожен, Сережа! - заботливым тоном говорила она. Никуда по пути не заходи. На трамвай - и к бабушке! Мелочи на дорогу я тебе в карман насыпала.

- Ну что ты, право, с ним, как с маленьким! - вступил в разговор отец. - Он - не маленький! Ему уже скоро двенадцать лет будет! - И тут же добавил: - А ну-ка, Сережа, застегни все пуговицы! По радио передавали, что сегодня ветер сильный. Продует - и заболеешь!

Мать, улыбаясь, слушала отцовы наказания.

- Бабушке от нас привет передавай! - сказала она у двери и на прощание похлопала сынишку по спине.

- Пока! - и Сережа кубарем покатился по лестнице, размахивая во все стороны авоськой.

Он добежал до метро, постоял немного на ветру на трамвайной остановке, и, дождавшись нужного номера, забрался по высоким ступеням в вагон. Бросил мелочь в кассу, оторвал розовый билетик и вернулся на заднюю площадку.

Ему нравилось стоять на задней площадке последнего вагона. Вагон покачивался из стороны в сторону, но Сережа смотрел не вперед - куда едет трамвай, а на то, что оставалось позади, мимо чего трамвай уже прогромыхал, постукивая стальными колесами о рельсы.

Однако сегодня с задней площадки ничего не было видно: все стекла затянул толстый слой инея. Кое-где ко льду были приклеены билетики, оставленные выходящими из вагона пассажирами.

Билетики, как бы напоминали о том, что вот такой-то человек ехал в данном трамвае, заплатил деньги, купил

билет, доехал до нужной остановки и вышел, оставив на память розовую квитанцию, с напечатанным на ней черным номером.

Сережа не огорчился, что в окно ничего не видно. Он снял пушистую варежку и приложил большой палец к стеклу. От холода палец сладко заныл, но зато скоро лед растаял, и образовалось круглое окошко, и через него можно было разглядывать все улицы и остановки, мимо которых проезжал трамвай.

Правда, довольно быстро круглое окошечко снова затягивалось мутным льдом. И тогда Сереже приходилось еще и еще прикладывать палец к стеклу, очищая свой самодельный трамвайный иллюминатор.

Время от времени мальчик заглядывал внутрь вагона. Он был почти пустой. Только одна старушка, по самые глаза укутанная в пуховой платок, сидела лицом к Сереже на заднем сиденье. На коленях она держала клеенчатую хозяйственную сумку, из которой торчали синие куриные ноги.

«Наверное, впереди нас едет другой трамвай, вот он и подбирает всех пассажиров», - подумал Сережа и снова приник к своему круглому окошку.

Но вот скоро двери вагона отворились, пахнув на морозную улицу согретым, парным воздухом, и в трамвай, покряхтывая, забрался невысокий коренастый мужичок. Заплатив за проезд, он спустился на заднюю площадку и встал рядом с Сережей.

- Знатный морозец! Настоящий, крещенский! Правда, малец? - обратился он к мальчику.

Сережа вежливо кивнул. Он покосился на мужичка. Тот весело подмаргивал ему голубыми, слезящимися от холода и ветра глазами. Одет он был в старое, потрепанное пальтишко. Петли на бортах вытянулись, разохматились, и в них едва держались разного размера

и цвета пуговицы. На голове мужичка непостижимым образом держалась почти детская шапка-ушанка с потертыми отворотами из кроличьего меха и верхом из серого шинельного сукна. На руках - заношенные, вязаные перчатки. Из дырок торчали покрасневшие кончики пальцев с широкими, загрубелыми ногтями. На ногах - высокие валенки с калошами. В них были заправлены серые ватные штаны.

Мужичок шмыгнул красно-синим носом, подвинулся ближе к Сереже и, взглядываясь в его лицо, спросил:

- Вот тебя, к примеру, как зовут? Меня - Петр.

- Сережа, - ответил мальчик, не зная, стоит ли продолжать разговор с неказистым мужичком, и что бы сказала по этому поводу мама.

- Сережа! Вот это да! - вдруг обрадовался мужичок. Моего лучшего друга Сережей зовут! А фамилия у него смешная - Карась!

Сережа улыбнулся.

- Мы с ним еще вот такими мальчонками, как ты, дружили, - говорил Петр. - Лет по десять-одиннадцать нам было. Да и похож ты на него здорово - вылитый Серега! И глаза такие же карие, шустрые.

Мальчик с интересом поглядывал на Петра.

- В одном дворе мы жили. Мои родители только-только из деревни приехали. Отец на заводе работал. А мать по людям ходила - стирала, убиралась. А его отец какой-то важный был, ответственный работник - главный инженер. А мать не работала совсем. Все время сыном занималась. На музыку его водила, на концерты, в театр. Ребята во дворе его не любили, дразнили маменькиным сыночком, да и читал он уж больно много. Все время с книжками таскался. А я к нему прикипел. Заступался за него. Дрался с пацанами. А что? Мне не привыкать тумачи получать! А у него пальцы нежные,

тонкие. Он ведь на скрипке играл. Вот ты, к примеру, на скрипке играешь? - спросил он Сережу.

- Нет, не играю. Только на металлофоне - специальными молоточками. А папа у меня на гитаре играет.

- Что же! Гитара хороший инструмент. Душевный. Учись, пока молодой, Серега! Так вот, так мы и росли вместе. Он мне книжки давал читать. Интересные. Исторические. Я тогда здорово к чтению через него пристрастился! В технический кружок в Дом пионеров записался. Стал учиться хорошо. В техникум машиностроительный поступил. А он - еще выше, в инженерный институт. Но не загордился. Не считал себя лучше. Помнил нашу мальчишескую дружбу. Как стипендию в институте получит - бежит ко мне, и мы идем с ним вместе в столовую отмечать это событие. Он мне целый обед покупает - первое, второе и третье. И обязательно бутылочку пивца. Пиво он уважал! Особенно - жигулевское! Ну и я ему с получки то же самое. Сидим, бывало, разговариваем. Не нравилось ему, как рабочие живут. Зарабатывают мало, говорил. Голоса не имеют. А условия тяжелые. Я слушал, кивал. А что я мог сказать? Мы к этим условиям привыкли. Других-то не видали! И еще много чего говорил. Умный был очень, начитанный. В политике разбирался и меня многому научил. Другими глазами я на мир стал смотреть. Да-а, - протянул мужичок. - Вот и доразбирался...

- А что случилось? - спросил Сережа.

- А случилось вот что. Он уже на последнем курсе был. Забежал за мной. Глаза блестят. Пойдем, говорит, Петро! Он меня почему-то на украинский лад - Петро, называл. Пойдем в столовую. Я стипендию получил - повышенную. Ну, пошли мы. Он мне обед купил и даже дополнительно пирожное - «Наполеон» называется. Вкусное!

- Я знаю! - сказал Сережа. - Моя мама такой торт умеет печь – «Наполеон».

- Вот видишь, Серега, какая твоя мама хозяйка хорошая!

Сережа улыбнулся. Ему было приятно, что незнакомый человек хвалил его маму.

- Сидим мы, суп ложками хлебаем, - продолжал Петр. - Доели суп, Серега портсигар достает. Серебряный. С какими-то буквами, вырезанными на крышке. Он мне давно говорил, что этот портсигар ему от деда достался. Закурил. Колечки пускает. На меня поглядывает. Потом спрашивает: «Ты мне друг, Петро?» «Конечно, друг! - отвечаю. Что за вопрос!» «Я очень рад, что ты меня своим другом считаешь!» - говорит.

Я сижу, котлету жую и не понимаю, к чему это он речь ведет.

А тут к нам какие-то мужички подошли. Спрашивают Серегу: «Вы Сергей Яковлевич Карась?» «Я», - отвечает он. «Пройдемте на минутку. Нам поговорить с вами надо». Он встает молча. На меня смотрит и рукой, как бы случайно, портсигар свой ко мне подвигает. «Прощай, - говорит, - Петро!» А я сижу, как дурак, глазами моргаю, слова сказать не могу. Так и не попрощался с ним, с Серегой, другом моим закадычным! И уж больше я его не видел. А портсигар я матери его отнес. Плакала она сильно. Меня обнимала. Благодарила. А через год и меня забрали. Письма я написал ругательные. Что рабочие плохо живут, а партийные - хорошо. А ведь обещали когда-то рабочим фабрики и заводы отдать. Да не выполнили. Отсидел я на полную катушку. От срока до срока. Вот сейчас оправдали. Не виноват, говорят. Сумму денег выплатили. Комнату дали.

- А что с Сергеем? - спросил мальчик.

- Жив Серега! - глаза мужичка радостно блеснули.

- Его тоже оправдали, но не совсем. В Москву не решили вернуться. Он в Омске живет. Женится. Двоих деток народил. Болеет только часто. На рудниках работал. Здоровье подорвал. Меня вот нашел. Письма пишет. Фотокарточку недавно прислал.

Мужичок пошарил за пазухой, заскоружлыми пальцами осторожно достал небольшое фото и показал Сереже. На снимке - темноглазый, еще сравнительно молодой, но совершенно лысый мужчина, держал на коленях двух маленьких, светлоголовых девочек. А рядом, обняв его за плечи, стояла симпатичная женщина с открытым, добрым лицом. Мужчина смотрел с фотографии на Сережу, и взгляд его был твердый, решительный. Видно было, что жизнь не смяла его, не сломала.

- На рудниках облучился, вот волосы все и выпали, - сказал Петро, бережно убирая фотокарточку обратно за пазуху. - А шевелюра у него была знатная, курчавая!

Мужичок наклонился и посмотрел в Сережино круглое окошко. Его уже затянуло льдом. Через дырку в перчатке он высунул палец и приложил к стеклу. Лед растаял, и оттуда блеснуло яркое зимнее солнце.

- А мне уже и выходить пора! - сказал мужичок. - Ваганьковское кладбище – моя остановка. Я работаю там. Важную государственную работу выполняю - могилы рою. Когда меня выпустили, я по специальности никак устроиться не мог. Вот на кладбище взяли. Сначала трудно было, а теперь привык. Работа хоть и тяжелая, но результат налицо. Все мы там будем, как говорится.

Он постарался поглубже натянуть на голову свою кургузую шапчонку и сказал на прощанье:

- А ты не робей, Серега. Учись хорошо. Вырастишь, может, поправишь, что мы напутали!

Мужичок вышел из трамвая, и клубы пара поглотили его. Сережа, торопясь, растопил лед на стекле. При-

жавшись глазом к отверстию, увидел, как Петро бодро, по-солдатски шагает к воротам кладбища. У самого входа он оглянулся и махнул рукой отъезжающему трамваю со слепыми, замерзшими окнами.

Но кто знает, может быть, он и разглядел, что в круглую растаявшую дырочку ему вслед внимательно смотрит кареглазый мальчишка, так похожий на его друга детства.

НОВОГОДНЯЯ ЗВЕЗДА

Итак, было решено - весенние каникулы Сережа проведет у бабушки.

Поначалу отец сомневался:

- Да он там от скуки завянет - без товарищей, да без родителей!

- А дома? Что же ребенок так и будет целый день без присмотра - непоеный, некормленный! У бабушки он поправится, окрепнет, - убеждала мать. - Да и дружок у него там имеется - Генка с шестого этажа.

Отец посмотрел на похудевшего и побледневшего к концу первого класса сына и, вздохнув, согласно кивнул головой. Но на всякий случай, спросил у жены:

- А Наталья Филипповна не будет возражать? Ей ведь уже нелегко хлопотать у плиты целый день!

- Ну что ты! Мама так рада с Сережей побыть! Она в нем души не чаает! Я уверена - ему там будет очень хорошо! - поставила окончательную точку в разговоре мать.

Этот разговор происходил буквально над Сережиной головой. Он сидел на полу и играл в солдатиков. Зеленые пластмассовые солдатки вытянулись по стойке «смирно» и по команде Сережи: «Кругом!» - поворачивались лицом то к маме, то к папе, в зависимости от

того, кто из них в данный момент говорил. А поскольку большую часть времени говорила мама, солдатики явно почитали ее за генерала и, казалось, в любую минуту были готовы отдать ей честь.

Родители не спрашивали Сережу, хочет ли он ехать к бабушке. Но, если бы они вдруг решили спросить, он бы ответил: «Конечно хочу! Что за вопрос!»

Во-первых, он любил бабушку. Во-вторых, жизнь у бабушки, без строгого родительского надзора, была вольготная, привольная. Утром вставай - когда хочешь. Вечером ложись - когда пожелаешь. Даже кушай - что хочешь! Хоть пять раз в день блинчики с вареньем, печь которые бабушка была большая мастерица.

А еще бабушка замечательно рассказывала сказки. Причем не просто «Колобок» или «Три Медведя», а по специальному заказу.

Вечером, бывало, заберется Сережа к бабушке в постель, усядется в ногах, а бабушка сразу и спросит его: «Ну что, Сереженька, какую тебе сегодня сказку рассказать?»

Подумав немного, Сережа поднимал указательный палец вверх и говорил важно: «А расскажи-ка мне, бабушка, сказку про героя-моряка!» И бабушка без малейшей задержки принималась за рассказ. И все было в этой сказке: и корабль военный с пушкой, и буря в море, и бесстрашный капитан и, конечно, герой-моряк, который спасал корабль, закрыв своим телом пробоину в борту.

Иногда Сережа подсказывал бабушке какие-нибудь важные слова или действия, например, говорил: «Подводная мина», и бабушка сразу же подхватывала брошенное Сережей слово и вплетала его в свою сказку.

И получалось дальше так: герой-моряк стоял на вахте, зорко смотрел вперед и заметил в беспокойных

морских волнах коварную мину. Он немедленно доложил капитану, корабль изменил курс и избежал смертельной опасности.

Что касается товарищей, то Генка с шестого этажа, конечно, не заменял Сереже школьных закадычных друзей, но играть с ним было интересно, и на разные выдумки он был горазд.

Генка был ровесник Сережи, но выглядел постарше. Глаза его смотрели на мир не расслабленно-мечтательно, как у Сережи, а зорко, сосредоточенно. Да и мечтать Генке было особенно некогда. Семья у него была большая. Одних братьев и сестер пять человек, да еще отец с матерью, и все - в одной комнате.

А Сережа - один-единственный у мамы с папой, любимый сыночек, ясное солнышко.

Генка всегда точно знал, что нужно делать в данный момент, и по его взгляду было понятно, что мысли у него в голове бегут по порядку, как вагоны за паровозом - ни один вагон впереди поезда не вырвется.

И Сереже только и оставалось, что соглашаться и говорить: «Ну, давай...» или не соглашаться и тянуть: «Что-то не хо-очется!»

Генка всегда верно угадывал подходящий момент для того, чтобы подговорить Сережу подойти к бабушке и попросить у нее денег на конфеты или сок.

Или, когда бабушка посылала Сережу в булочную за хлебом, Генка уверенно говорил ему, сколько сдачи нужно бабушке отдать, а сколько можно себе в карман положить.

А когда у Сережи накапливалось достаточно мелочи от всех этих попрошайничеств и карманных припасов, они с Генкой бежали в ближайший магазин и покупали конфеты «Кавказ», которые, хотя и были сделаны из сои, но выглядели и по вкусу были не хуже шоколад-

ных. И они съедали их прямо там, в магазине, стоя у витрины кондитерского отдела, и любуясь пирожными «Эклер», «Наполеон» и «Картошка», а особенно - рядными «Корзиночками».

Или шли в другой конец магазина и покупали себе по большому стакану яблочного сока, а еще лучше - томатного. Он дешевле, да в него еще совсем бесплатно можно целую ложку соли положить!

На следующий день утром Сережа был уже у бабушки, сидел за столом и завтракал. Он намазывал румяные блинчики клубничным вареньем, которое бабушка сама наварила еще летом, и запивал их горячим молоком.

Раздался звонок в дверь. Бабушка пошла открывать. Это был Генка. Он каким-то образом узнал о Сережинном приезде и явился с утра пораньше.

- Привет, - сказал он.

- Привет, - ответил Сережа с полным ртом.

- Здравствуй, Гена, - сказала бабушка.

Генка зорким взглядом осмотрел комнату, и глаза его загорелись, когда он увидел на столе рядом с блинчиками новенький пистолет.

- Пистолет! Вот здорово! - воскликнул он. - А пистолеты есть?

Сережа важно кивнул. Пистолет бабушка недавно подарила ему за хорошие отметки в школе.

- Угощайся блинчиками, Гена! - предложила бабушка и поставила на стол синее блюдо.

- Спасибо! Не откажусь, - по-взрослому ответил Генка, и положив на блюдо блин, водрузил на него целую, как будто только что с грядки, ягоду клубники.

Закончив с блинами, Генка обратился к Сереже:

- Пошли в скверик, постреляем из пистолета!

- Ну давай-ай! - в растяжку ответил Сережа.

Вообще-то, он собирался почитать новую книжку о служебных собаках, которую привез из дома. Но пострелять из пистолета ему тоже хотелось, и он решил отложить чтение до вечера. Читал Сережа хорошо. Бабушка научила его азбуке и чтению еще до школы, и книжек у него дома было много.

- Оденься потеплее! - сказала бабушка. - А то, хотя на улице и апрель, но снег еще не растаял, а вчера холодно было, подморозило.

Сережа надел теплые ботинки на байковой подкладке, зимнее пальто и натянул на голову шапку-ушанку. Бабушка придирчиво осмотрела его с ног до головы и осталась довольна. Она достала с вешалки варежки и протянула Сереже. Он посмотрел на красные, в цыпках Генкины руки и отрицательно покрутил головой:

- Не надо! Мне не холодно!

Бабушка настаивать не стала.

- К обеду приходи. Не задерживайся, Сережа! - сказала она с порога.

- Хорошо! - крикнул Сережа, сбегая по лестнице и прыгая через ступени.

Он пытался догнать Генку, который вырвался вперед и, хватаясь за перила, взлетал высоко в воздух и с грохотом приземлялся, перескакивая через две, а то и три ступени.

Они выбежали из дома и, перейдя дорогу, оказались в скверике. Скверик располагался как раз напротив Краснопресненского машиностроительного завода. Летом в обеденный перерыв рабочие выходили сюда покурить, отдохнуть на лавочках под кронами старых лип и тополей. Молодые мамы катали в колясках малышей, а старики и старушки, сидя на скамейках, вели свои бесконечные беседы.

Но сейчас скверик выглядел уныло, как почти всегда бывает в короткое время между зимой и весной. Когда все как будто замирает в ожидании - вернется ли белоснежная красавица зима с метелями и холодными ветрами, или солнце все-таки решится поторопить весну и растопить снег, и распустить на деревьях молодые, клейкие листочки.

Мальчики нашли в скверике круглый, колючий куст, больше всего похожий на притаившегося в засаде врага, и стали стрелять в него по очереди, оглушительно гремя пистонами.

Скоро пистоны кончились, и Сережа с Генкой по покрытой подтаявшим снегом аллее направились к выходу из скверика.

Пройдя несколько шагов, они вдруг остановились как вкопанные и одновременно выдохнули восхищенно:

- У-ух-ты!

Посредине припорошенной снегом лунки, оставшейся от выкопанного дерева, лежала и сияла ослепительным светом золотая звезда. Это была не какая-нибудь маленькая звездочка с верхушки домашней новогодней елки, а огромная, пятиконечная, какая может сверкать только на елке в Кремле или в Колонном зале Дома Союзов.

Звезда горела, переливаясь всеми цветами радуги, ослепляла и, казалось, светила сама, а не отражала яркие лучи весеннего солнца.

- Вот это красотища! - воскликнул Сережа.

- Хватай ее, Серега! Быстрей! Пока никто не утащил! - возбужденно кричал Генка и даже в нетерпении подталкивал Сережу в спину.

Сережа протянул руку к звезде, сделал шаг... и провалился с головой в ледяную воду!

Лунка оказалась глубокой ямой, заполненной талой водой и сверху затянутой тонкой корочкой льда, при-

сыпанного снежной крошкой.

Сереза изо всех сил пытался выбраться, но зимнее пальто намокло и стало неподъемным, а тяжелые ботинки наполнились водой и тащили на дно ямы.

Сереза едва шевелил руками и даже не мог приподнять ставшие свинцовыми рукава.

Он судорожно пытался вздохнуть, но вместо этого глотал ледяную воду.

И больше он ничего не помнил.

Когда он очнулся, то почувствовал, что кто-то несет его на руках. Он открыл глаза, но не видел ни солнца, ни неба. На его груди как будто лежал камень. Он закашлялся, и вода стала вытекать у него изо рта. И он услышал чей-то радостный голос:

- Ну, слава Богу! Жив малец!

У Серези все закружилось перед глазами, и он крепко зажмурился.

Когда снова открыл глаза, то увидел бабушкино лицо, все в слезах.

- Серезенька, внучек мой! Как же так случилось? - причитала она.

Сереза лежал в кровати раздетый, и бабушка растирала спиртом его ноги, руки, шею, грудь. У него зуб на зуб не попадал, его трясло как в лихорадке. Бабушка закутала его в пуховую шаль. Пятки натерла скипидарной мазью и одела на ноги толстые шерстяные носки. Укрыла ватным одеялом и сверху навалила еще свою старую цигейковую шубу.

Потом налила в стакан горячего молока, и размешав в нем ложку меда, заставила Серезу выпить все до последней капельки. И он, закрыв глаза, провалился в глубокий сон.

После этого бабушка поспешила к невысокому худощавому парню, который топтался у дверей, не решаясь пройти в комнату.

- Не знаю, как вас благодарить, Николай! Ведь вы спасли Сережу! На всю жизнь мы в долгу перед вами! - сказала бабушка, вытирая платочком слезы.

Парень смущенно улыбался, переминаясь с ноги на ногу:

- Вот ведь как получилось. Я на обед шел с завода. Я здесь рядом живу. И вдруг вижу, малец по дороге бежит и кричит не своим голосом: «Караул! Спасите! Серега потонул!» Я бросился к воде, схватил мальчишку за воротник и вытащил из ямы. А он ведь стоял с головой в воде смирнехонько и не шевелился даже! - Николай покачал головой.

Бабушка потрогала у Николая рукав пальто и, взволнованно сказала:

- Да вы ведь мокрый совсем! Давайте я вам дедушкино пальто дам, а ваше посушу. Вечером зайдете и возьмете. А то, не дай Бог, простудитесь!

- Вы не беспокойтесь! У меня в раздевалке телогрейка новая висит. Я ее одену... Извините, мне на завод пора. Обеденный перерыв заканчивается.

- Ну вот, а вы и не поели ничего! – расстроено говорила бабушка. – А знаете, я вам сейчас пирогов с собой дам! Только что напекла. С творогом и с капустой. Еще горячие!

Бабушка достала из буфета бумажный пакет и наполнила его до краев вкусно пахнущими пирогами.

- Да зачем! Не надо! Неудобно как-то! - отказывался Николай.

- Берите! Берите! - бабушка решительно сунула пакет ему в руки.

- Спасибо! - сказал Николай.

Бабушка проводила его до входной двери. Прощаясь, он сказал:

- А за мальчика не волнуйтесь! Согреется, отоспится - поправится! Только на будущее - пусть осторожнее будет - смотрит, что у него под ногами!

На следующее утро Сережа проснулся совсем без голоса, у него болело горло, сильный кашель сотрясал его худенькое тело.

Днем пришел врач, внимательно прослушал Сережу и успокоил бабушку: «Легкие чистые! Пусть в постели лежит. Чай с малиной пьет. Горло полощет. Вот рецепт на лекарства: по одной таблетке три раза в день. Про гуляние пока забыть придется. А до школы скорее всего выздоровеет!»

Сережа целыми днями лежал в постели. Крутил трубку-калейдоскоп, привезенную перепуганными родителями. Читал книжки. А когда все это ему надоело, звал бабушку. Она садилась рядом и начинала рассказывать сказки: и про зверей, и про птиц, и про дальние страны и волшебные города, но чаще всего - про храбрых матросов, которые не щадили своей жизни, спасая пассажиров тонущего корабля.

Иногда Сереже становилось скучно, и он вспоминал о Генке. Но Генка почему-то после случая в скверике у них не появлялся.

Прошла уже почти неделя. Однажды днем раздался звонок. Бабушка заторопилась в прихожую. И вот дверь в комнату отворилась, и вошел Николай. Сережа почти не помнил его, но бабушка часто рассказывала ему о рабочем, который его спас. Поэтому Сережа сразу догадался, кто это, и улыбнулся Николаю во весь рот.

- Ну здорово, ныряльщик! - шутливо поприветствовал он Сережу. - Как здоровье?

- Хорошо! - просипел Сережа.

- Молодец! - похвалил его Николай. - А я тебе подарок принес! Гляди, какой!

Он вытащил руку из-за спины. И всю комнату осветила яркая золотая новогодняя звезда. Та самая, что лежала на льду в скверике. Николай протянул звезду Сереже и сказал:

- А я и не знал, что ты за звездой охотился. Это твой дружок, Генка, мне рассказал. Он меня, оказывается, три дня у проходной караулил. Вот поймал сегодня и говорит, что ты эту самую звезду очень хотел достать. Я в цех сбегал, палку с крючком захватил и вытащил звезду. Никто ее не взял. Больше таких глупых не нашлось - в яму с ледяной водой лезть, - Николай улыбнулся. - Ну что, доволен? - спросил он Сережу.

Сережа закивал головой, радостно улыбаясь и не отрывая глаз от звезды.

А из-за спины Николая выглядывал Генка и смотрел на Сережу зорко и сосредоточенно, как всегда.

НЕДЕТСКИЕ СТИХИ

У меня было такое впечатление, что он повторяет фразы, которые он выучил наизусть, или, что его ум, намагниченный его же собственными словами, медленно вращается по какой-то неподвижной орбите.

Джеймс Джойс, «Встреча»

Три подружки - Катя, Наташа и Валя встретились в просторном дворе серого кирпичного дома. Большой восьмиэтажный дом был выстроен в форме буквы «П». К массивным дверям подъездов вели широкие каменные ступени. Часть дома, что образовывала перекладину буквы «П», украшали высокие, полукруглые арки. За

арками расстилался унылый пустырь. За пустырем протекала узкая речка со смешным названием Таракановка. А за речкой, вдалеке, виднелась железная дорога.

Было тихое воскресное утро. Во дворе никто еще не появился. Все спали после длинной трудовой недели. Только подругам не терпелось встретиться. Они учились в одной школе, но в разных классах, поэтому могли проводить время вместе только в выходные дни, да в каникулы.

Зима была на исходе, но одеты девочки были все еще тепло, по-зимнему. Валя - в сером пальто, перетянтом широким ремнем и в мальчишеской шапке-ушанке. Катя - в коричневой цигейковой шубке и оранжевой пуховой шапочке колпачком. Наташа - в длинной кроличьей шубе, на голове - шерстяной платок, завязанный на шее тугим узлом.

Высоко над домом проплывали мартовские облака - сверху светлые от бирюзового весеннего неба и золотисто-медного солнца, а снизу - темные - от хмурой зимы и слежавшегося грязно-серого снега.

На водосточных трубах висели сосульки, казавшиеся в ярких лучах солнца хрустальными сказочными канделябрами. С сосулек мерно стекали упругие, прозрачные капли. Они звонко ударялись о круглую лужицу, собравшуюся под трубой. От удара поверхность лужицы слегка прогибалась, холодные, стеклянные брызги летели во все стороны, и волнистая рябь пробегала по воде.

Валя наклонилась к трубе, отломил сосульку и засунула в рот. Потом отломил еще одну и протянула Кате. Катя помотала головой:

- Не могу. Мама говорит, что ни в коем случае нельзя! А то опять ангиной заболею, и тогда гланды придется удалять!

- Счастливая! - завистливо протянула Валя. - А меня

ничто не берет! - вздохнула она. - Перед контрольной по арифметике чего только не пробовала, чтобы заболеть. И снег ела и воду ледяную пила - ничего, никакого толку!

- А мой брат, Борька, - вступила в разговор Наташа, - говорит, что если градусник нагреть над чем-нибудь, то можно температуру высокую сделать. А с высокой температурой - ты всегда больной!

- Да-а! Это здорово придумано! - мечтательно проговорила Валя. - Но тут только главное - градусник не перегреть. А то лопнет, мать сразу догадается обо всем, и скандала не оберешься!

- Верно! - согласилась Наташа. - Вот и Борька мне о том же говорил - подогревать градусник дело не простое!

- А знаете, девочки! - со значением голосе проговорила Валя. - Скоро Пасха!

- Правда?! - обрадовалась Катя. - А ты откуда знаешь?

- Мать сказала, - уверила подружек Валя. - Она уже и луковой шелухи насобираала, чтобы яйца красить. Целый мешок!

На Пасху во дворе дома всегда было весело. Ребята выносили крашенные луковой шелухой пасхальные яйца и собирались стайками по углам. И начиналась азартная игра - чье пасхальное яйцо окажется крепче других. Детвора стучала яйца одно о другое, и у кого красная скорлупка трескалась, выбывал из игры. А выигравший переходил к следующей группе. И так, до тех пор, пока не оставалось одно единственное яйцо - победитель, оказавшееся целым после жарких боев и сражений.

Гордый владелец пасхального чуда расхаживал по двору, хвастаясь своим сокровищем перед старушками, сидящими на лавочках у подъездов, и мужиками, играющими в домино за столом посредине двора, и

конечно, перед своими друзьями и приятелями, которые сбегались, чтобы подивиться на это на вид вполне обыкновенное, но на самом деле - крепкое, как орешек, пасхальное яйцо.

К Пасхе в магазинах появлялись в продаже высокие пышные куличи, посыпанные сверху сахарной пудрой и украшенные орехами и цукатами. Чтобы не привлекать ненужное внимание трудящихся к религиозному празднику, куличи получали вполне светское название – кексы «Весенние».

А еще в это время продавцы выкладывали на прилавки золотистые плюшки - «жаворонки». Они были сделаны в форме птичек, а на маленькой головке задорно чернел глаз-изюминка. Сладкие «жаворонки» были любимым лакомством детворы. Стоили они недорого, а есть их было интересно. Сначала выковыривался пальцем вкусный глаз-изюминка, потом - отъедалась голова, затем - крылья, дальше - хвост, а в конце, на закуску - все остальное птичье тело, уже похожее на обычную плюшку, каких в булочной всегда предостаточно.

- Девочки, давайте пойдем в новую булочную, - предложила Валя. – Вдруг там «жаворонков» уже продают!

- Пошли! - обрадовались Катя с Наташей.

- А деньги у нас есть? - поинтересовалась Валя.

Все трое стали сосредоточенно рыться в карманах. И через некоторое время вытянули ладони, на которых лежали разной величины серебряные монетки.

Наташа внимательно пересчитала наличность.

- На три жаворонка хватит! - уверенно заявила она.

Взявшись за руки, подруги направились в булочную, что недавно открылась в подвале нового дома. Дом был построен на противоположном берегу Таракановки. В этом месте речку заключили в бетонную трубу и засыпали толстым слоем земли.

А ведь только в прошлую зиму девочки катались здесь на санках, лихо съезжали с высокого, крутого берега! Да так, что только ветер свистел в ушах! И надо было вовремя изо всех сил затормозить ногами, чтобы не окунуться с головой в никогда не замерзающую речку, от воды которой валил сизый пар. Жители окрестных домов поговаривали, что в Таракановку сливали воду из ближайших бань, расположенных у метро.

Подруги дошли до угла дома с красной вывеской «Аптека». Они часто забегали сюда после уроков, чтобы купить замечательно вкусные вещи - аскорбиновку с глюкозой или плитки «Гематогена», похожие на шоколадки. Подруги уже собрались перейти на другую сторону улицы, когда их кто-то окликнул:

- Девочки, можно вас на минутку?

Они оглянулись и увидели высокого солидного мужчину лет пятидесяти. Он был одет в светлое бежевое пальто и песочного цвета широкополую велюровую шляпу. На шее - пушистый клетчатый шарф. Мужчина знаками приглашал их подойти ближе.

Девочки подошли и остановились на тротуаре на пересечении двух улиц. Они стояли, держась за руки, и вопросительно смотрели на мужчину.

- Я - поэт! - сказал он. - Хотите, я прочитаю вам детские стихи, которые я сочинил? Это очень хорошие стихи. Они вам понравятся.

Валя пожала плечами. Катя вежливо кивнула. А Наташа, прищурившись, с любопытством разглядывала поэта.

Мужчина расправил плечи, и откинув назад голову, принялся читать. Вначале - медленно, нараспев, с заыванием. Потом - все быстрее и неразборчивее. Распалившись, он закатывал глаза, запинаясь и глотал слова. Брызгал слюной. Постепенно стихи превратились

в бессмысленный набор слов. Только два слова можно было еще разобрать.

- Ладочки радости! Ладочки радости! - повторял он без конца.

Одну руку он держал в кармане, а другой жестикулировал в ритм тому, что пытался произнести. Тело его раскачивалось взад-вперед, как огромный маятник.

Внезапно глаза его выпучились и почти вылезли из орбит. Нижняя губа отвисла. Шея побагровела, и на лбу выступили крупные капли пота. Рука в кармане бешено дергалась, а единственные понятные два слова превратились в «Радочки ладости! Радочки ладости!» - бормотал он, переводя бессмысленный взгляд с одной девочки на другую.

Катя дернула Наташу за рукав.

- Пойдем отсюда быстрее! - тихо сказала она.

- Подожди! - прошептала Наташа. - Он сейчас закончит.

В это время за их спинами раздался строгий, немного глуховатый голос:

- В чем дело, гражданин? Что здесь происходит?

Оглянувшись, девочки увидели немолодого милиционера, появившегося неизвестно откуда и незаметно подошедшего к ним.

Он внимательным взглядом осмотрел всех. Лицо гражданина в бежевом пальто покрылось красными пятнами. Он сразу прервал чтение и, запинаясь, принялся объяснять:

- Вот... я школьницам читаю... детские стихи, к-которые... я сам сочинил. А что..., разве нельзя?

- Не положено! - отрезал милиционер. - В общественных местах не положено! Вы мешаете проходу пешеходов!

Милиционер с плохо скрываемой неприязнью смо-

трел на «поэта», и на скулах у него ходили желваки.

- Проходите, гражданин! На первый раз я вас предупреждаю! Но, если еще раз замечу - у вас будут неприятности! Проходите! - повторил он, повышая голос.

- Хорошо, хорошо! – не поднимая глаз, бубнил себе под нос мужчина, поправляя шарф. - Что за порядки! Стихи детям нельзя читать!

Он повернулся и поспешил прочь, постепенно прибавляя шаг, все быстрее и быстрее, пока не скрылся за углом дома. Милиционер перевел взгляд на девочек. Лицо его смягчилось, но глаза все еще смотрели строго:

- А вам, девчата, даю наказ! С посторонними мужчинами на улице никогда не останавливаться! Поняли?

- Да, - сказала Валя.

- А как же детские стихи? - спросила Наташа.

- Это не детские стихи, а... черт знает что! - в сердцах выпалил милиционер, и ничего больше не объясняя, спросил:

- Вы в каком классе учитесь?

- В четвертом! - хором ответили подруги.

- Уже большие, - сказал он. - Помните, что я вам сказал! А, между прочим, вы куда направляетесь?

- В булочную! За жаворонками! - наперебой говорили подруги.

- Ну что же, бегите! - он улыбнулся, и лучистые морщинки разбежались от глаз.

Милиционер вытянулся по струнке, сделал девочкам рукой под козырек, круто развернулся и зашагал по улице. Той самой, где стоял серый кирпичный дом, в котором они жили.

КАРУСЕЛЬ

После уроков Света пришла домой. Бросила портфель на диван. Переделалась и вышла на кухню. Схватила лежащий на тарелке бутерброд и засунула в рот. Дома сидеть не хотелось, и она решила выйти на улицу. Натянула пальто. Жуя на ходу, спустилась в лифте на первый этаж и вышла во двор.

Что-то неуловимо изменилось в картине зимнего двора. Ранняя весна подкралась незаметно. Мартовское солнце подтопило снег, и он осел, покрывшись старческими морщинами и черной угольной пылью.

Серый кирпичный дом, в котором жила Света, тоже нагрелся в лучах подобревшего солнца, и даже начал возвращать накопленное тепло, как огромная восьмиэтажная печь. От этого тепла снег у стен дома растаял, и в проталинах показалась бурая земля, покрытая высохшей прошлогодней травой.

Ясное, без единого облачка небо с улыбкой смотрело на землю, уверенное, что скоро все станет таким же прекрасным, как было ровно год назад.

Прищурившись на солнце, Света огляделась вокруг и, подумав немного, решила пойти на игровую площадку. Завернула за угол дома и очень обрадовалась, увидев, что ее любимая карусель-юла свободна. Ребята только что вернулись из школы и не торопились выйти гулять. Площадка была пустынна.

Снег на площадке тоже подтаял и покрылся ледяной коркой. Света ступила на скользкую поверхность, и ее ноги стали разъезжаться в разные стороны. Чтобы не упасть, она принялась пробивать каблук ботинка на обледенелом снегу зарубки и постепенно добралась до карусели. Схватилась руками за холодные железные

поручни, одну ногу поставила на деревянный круг, другой сильно оттолкнулась от земли - и карусель тяжело и натужно закрутилась.

Света вспрыгнула на круг и выпрямилась во весь рост. Крепко держась за поручни, прогнулась, подставила лицо солнцу и закружилась, улыбаясь. Но тяжелая карусель довольно скоро замедлилась, и Свете пришлось снова отталкиваться от земли.

Петька сразу узнал девчонку на карусели. Сегодня на перемене он больно дернул ее за косичку и толкнул изо всей силы так, что у нее тетради и книжки посыпались из рук. Она гневно сверкнула на него темными глазами и сказала громко: «Дурак!» Девочка ползала на коленях по полу, собирая раскатившиеся по коридору карандаши. А Петька хохотал, показывая на нее пальцем.

Но больше никто из ребят не смеялся. Какой-то светловолосый мальчишка собрал разбросанные по полу тетради и отдал девочке, а Петьке показал крепкий кулак.

Петька не в первый раз задирает эту девчонку, дергал за косички, толкал на лестнице, вырывал из рук карандаши и ластики.

Даже не взглянув на него, она говорила тихо, сквозь зубы: «Дурак!» и сердито поводила плечами. Заметив его на перемене, уходила в другой конец коридора.

Она училась в соседнем классе - 3-б и, наверное, была отличницей. Так решил Петька после того, как на школьном собрании завуч вручил ей «за успехи в учебе» толстую книгу в оранжевом переплете. «Зубрила!» - проворкотал Петька, презрительно выпятив нижнюю губу.

«Ну, сейчас ты мне поплатишься за все! И за «дурака» и за злые взгляды!» - подумал Петька и поспешил к карусели.

Света не видела подкравшегося мальчишку. Она запрокинула голову и смотрела на пролетающий высоко

в небе самолет. Яркое солнце серебрило его крылья. «Куда он летит? - думала она. - Наверное, далеко. Может быть, в другие страны. Когда вырасту, обязательно полечу куда-нибудь на самолете!»

Внезапно карусель дернулась и закрутилась быстрее. Света оглянулась и увидела мальчишку, который толкнул ее сегодня на перемене.

Он злорадно улыбался и с силой раскручивал карусель. Девочка хотела прыгнуть, но было уже поздно. Деревянный круг, гроыхая и подпрыгивая, стремительно несся вокруг врытого глубоко в землю столба.

Света судорожно вцепилась руками в железные поручни. Корявые, проржавевшие трубы царапали ладони. Пальцы ее побелели.

Карусель вращалась с такой скоростью, что, казалось, вот-вот сломается и рухнет на землю. Света ничего не видела вокруг - ни мальчишки, ни площадки, ни дома - все исчезло в бешеном кружении.

Она слышала только злобный мальчишеский хохот, и слова: «Проси пощады!»

Закусив губу, она молчала, но чувствовала, что скоро руки будут уже не в силах удержать ее от падения.

Тогда Света решила прыгнуть сама. Она отпустила поручни, оттолкнулась от вертящегося волчком деревянного круга и, поджав ноги, полетела на землю.

Она с размаха ударилась ногой о заледенелый снег, нога подвернулась, и Света почувствовала острую боль. Слезы брызнули из глаз, но она лежала, не двигаясь, пока не заглотала предательские слезы обратно.

Только тогда подняла голову и осмотрелась вокруг. Никого не было. Мальчишка убежал, наверное, испугался, что с ней случилось что-то плохое, и ему за это попадет.

Света поднялась на ноги и стала ощупывать себя. Кажется, все цело. Только ладони расцарапаны в кровь.

«Это ничего! Быстро заживет!» - подумала она. Девочка попыталась сделать шаг, но, почувствовала сильную боль и поняла, что до дома придется добираться, прыгая на одной ноге.

В это время из-за угла появилась знакомая фигура. Это был ее одноклассник, Витя. Увидев, что Света стоит на одной ноге, пальто мокрое, а шапка съехала на бок, он подбежал к ней.

- Света, ты что, с карусели упала? - спросил он.

Девочка кивнула и сказала едва слышно:

- Я ногу подвернула. Наступить не могу.

Витя протянул руку.

- Обопрись на плечо. Я тебя доведу до дома, - сказал он.

Света ухватила его за рукав и заковыляла по дороге.

Вдруг из-за дерева выглянул Петька. Он крикнул им в след:

- Тили-тили тесто, жених и невеста! Ой! Смотрите, - под ручку ходят! Ха-ха-ха! - и по-хулигански свистнул в два пальца.

Витя оглянулся, посмотрел на Петьку, потом - на Свету и, внезапно догадавшись, что произошло, возмущенно сказал:

- Так это из-за него ты с карусели упала! Вот я ему шею намылю! Нашел с кем связываться - с девчонкой! С парнем бы - струсил! - и добавил решительно: - Не бойся! Я его проучу, больше не ползет!

Света чувствовала, что нога горит огнем и распухает, заполняя ботинок. Ей было жалко себя и очень хотелось разреветься. Но, отчаянно моргая мокрыми ресницами и с трудом сдерживая слезы, она улыбнулась Вите и еще крепче ухватилась за его рукав.

ФАТИМА

Не было лучшего времени года для Лены, чем весна. Но не ранняя - с потемневшим снегом, хмурым, серым небом и черными лужами, покрытыми хрупким льдом, который недовольно потрескивал под торопливыми шагами спешивших в школу ребят.

И не поздняя, когда не успевшая в полную силу распуститься листва на деревьях уже покрыта городской мучнистой пылью, и солнце греет землю старательно, порой по-летнему, напоминая о приближающихся каникулах. А нужно еще и контрольные писать, и сочинения, и к экзаменам за седьмой класс готовиться.

А больше всего любила Лена весну серединную, когда сбрасываются с плеч тяжелые шубы, меховые шапки и теплые шерстяные шарфы. И достаются из шкафа новые демисезонные пальто, куртки, яркие береты и вязанные шапочки с помпонами. Прячутся в коробки зимние сапоги на толстой рифленой подошве. И вот уже на ногах легкие ботиночки и даже на невысоком каблучке почти совсем, как у взрослых.

И двор наполняется детворой всех возрастов, непонятно откуда взявшейся, после безлюдия коротких зимних дней, захваченных трескучими морозами и снежными вьюгами. Так веселые медвежата высыпают из берлоги и резвятся, и кувыркаются на воле после долгой зимней спячки.

Лена достала из ящика куски разноцветного мела, выбежала из квартиры и, забыв про лифт, устремилась с восьмого этажа вниз по лестнице, прыгая через ступени. Распахнула дверь подъезда - и вот она уже во дворе, где ждали ее подруги: Тоня, Люся и Фатима. Она сразу увидела всех троих, стоящих в шеренгу, плечом к плечу.

- Вы что, как солдаты, выстроились? - рассмеялась Лена. Люся и Фатима, оглядевшись, тоже расхохотались. Только серьезная Тоня смотрела на подруг строго, слегка насупив брови и крепко сжав губы, из-за чего маленький рот выглядел, как крошечная, ярко-красная клюквина.

- Ах ты царевна наша, Несмеяна! - бросилась к ней Лена, схватила за плечи и закружила вокруг себя.

Тоня улыбнулась. Улыбка была милая, немного застенчивая, а в уголках рта образовались симпатичные ямочки. Назвав Тоню царевной, Лена не ошиблась. Сквозь еще детские черты лица проступала грозная, поистине царская красота. Слегка заостренный к подбородку нежный овал лица. Ровная, смугловатая кожа. Большие серо-зеленые глаза смотрели надменно из-под темных, вырисованных тонкими дугами бровей. Густые темно-рыжие волосы тугими колечками обрамляли высокий лоб. Да и характер Тони вполне соответствовал принцессе. Упрямый, заносчивый, с трудом прощающий обиды, поводов для которых можно было найти предостаточно в общении девчачьей четверки.

Отпустив Тоню, Лена подошла к Люсе. Люся приотпывала ногой и подбрасывала в руке увесистый булжжик. Короткие, по-мальчишески стриженные волосы жесткими прядями торчали из-под сдвинутого на ухо синего берета, похожего на матросскую бескозырку. Люся громко шмыгала курносый веснушчатый носом и нетерпеливо двигала то плечами, то локтями, то, оттолкнувшись от земли, крутилась на каблуке вокруг себя и приговаривала, не обращая ни к кому:

- Воронья развелось во дворе! Видимо-невидимо! Надо с ними разобраться. Вот я их сейчас камушком постращаю! А то каркают тут, каркают! Не люблю я этих ворон! Накаркают еще беду какую-нибудь!

- Да брось ты, Люсь! - сказала добродушно Лена. - Давай лучше классики на асфальте расчертим, да через скакалку попрыгаем. В этом году еще не прыгали!

- Нет, нет! Я пойду сначала с воронами разберусь! Я - сейчас! Я - быстро! - крикнула Люся уже издалека, из-за кустов сирени, растущей посреди двора.

- Ладно, Лен, давай мел! Я расчерчу классики, - вздохнув, проговорила Фатима. - Ты же знаешь, ее не удержишь!

Фатима взяла из рук Лены кусок белого мела и, наклонившись, принялась чертить на асфальте классы. Черные, длинные косы свесились на асфальт и свернулись двумя круглыми, пружинистыми клубочками. Чтобы косы не мешали чертить, Фатима завязала их узлом под подбородком, и они стали похожи на курчавую, блестящую бороду. Девочки смеялись, а Фатима, сверкая темными, узкими глазами, говорила:

- Да! Вот теперь я султан! А вы мои рабыни! А ну пошевеливайтесь! А то вам худо будет! Розгами по пяткам прикажу проучить!

Лена с Тоней сделали вид, что испугались и принялись разделять длинный прямоугольник, нарисованный Фатимой, на равные квадраты. У Лены линии выходили кривоватые, местами даже волнистые. А у Тони - прямые, тонкие, как по линейке.

- Не миновать тебе, Ленка, розог! - сказала Тоня, усмехнувшись.

- Уж ладно! Я тебя прощаю! - вступилась за подругу Фатима и стала подправлять неровные Ленины линии.

- А вот меня ты ни за что бы не простила! - с обидой проговорила Тоня.

Фатима промолчала.

- А тебя и наказывать не за что! - улыбнулась Лена. - Линейки-то, смотри, какие ровные - как в тетрадах по арифметике!

Вернулась Люся. Победно объявила:

- Все каркуши разлетелись! Не выдержали моей артиллерийской атаки. Эй! А вы уже и классики разрисовали! Как раз вовремя - к моему приходу! - и звонко рассмеялась.

- Ты лучше найди плоских камешков, чтобы в классы бросать! – строго сказала Тоня.

- Это я мигом! - Люся убежала и через минуту вернулась, неся в пригоршне плоские, разноцветные камешки.

- Ну что же, начнем? - спросила Лена.

- Начнем ! - ответили Фатима, Люся и Тоня хором.

И тут Лена заметила на скамейке прыгалки. Они свешивались со спинки и спускались до самой земли. Лена подошла ближе, потрогала. Прыгалки были совсем новые, упругие, розовые, а продолговатые ручки - красные, блестящие.

- Это чьи? - спросила она.

- Мои, - ответила Фатима, - отец купил. Ты, говорит, любишь прыгать. Вот и прыгай с подружками своими. Станешь чемпионкой двора по прыганью.

- А ты у нас и так чемпионка, - сказала Лена, сжимая в ладонях удобные, гладкие ручки прыгалок.

Быстрая, ловкая Фатима, и правда, была негласным чемпионом двора. В классики она играла лучше всех, легко перелетала с первого класса на последний и точно приземлялась в самую середину квадрата. Через веревку прыгала ловко, как упругий мячик. Вертела ее и вперед, и назад. По сто раз без остановки. А когда девочки раскручивали две веревки, Фатима скакала между ними, быстро перебирая ногами, и никогда не запутывалась. У нее было пятеро старших братьев, как две капли воды похожих на Фатиму, такие же темно-волосые, узкоглазые, с горячим, смуглым румянцем на щеках. Отец Фатимы, дядя Махмут, и зимой и летом

ходил в неизменной черной тюбетейке и, проходя мимо подруг, здоровался с ними приветливо:

- Здравствуйте, дорогая девушки! - и спешил дальше, напевая какую-то веселую татарскую мелодию.

Мать Фатимы девочки почти и не видели. Она редко выходила из дома, погруженная в хозяйственные заботы о своем многочисленном семействе. Фатима подружилась с Леной после того, как та помогла ей подготовиться к контрольной по русскому языку. Даже защищала Лену от мальчишек, которые так и норовили во время перемены толкнуть ее, подставить подножку или дернуть за пряди тяжелых пепельных волос, собранных на затылке в пышный хвост.

- Нравись ты им очень! Вот они и пристают к тебе!
- заключила Фатима уверенно.

- Ну что ты говоришь, Фатима?! - возмущалась Лена, вспыхивая до корней волос, и ее светло-карие, ореховые глаза от смущения притухали, затягиваясь прозрачной, влажной пленкой.

- Ладно, ладно! Не обижайся! Беру свои слова обратно! - говорила Фатима, накручивая косу на руку. Коса обвивала кисть, прижималась к смуглой коже, и, казалось, жила отдельной от Фатимы жизнью, внимательно прислушиваясь к тому, о чем говорили подруги.

Когда прошлым летом Лена вернулась с дачи и вышла во двор, через минуту из соседнего подъезда, перепрыгнув разом через все ступени высокого крыльца, к ней подбежала Фатима. Она крепко обняла Лену за плечи и поцеловала в щеку. Лена с трудом вырвалась.

- Люблю я тебя, Ленка, сильно, сильно! - призналась Фатима и рассмеялась звонко, на весь двор.

- Сумасшедшая! - сказала Лена и вытерла тыльной стороной ладони влажную щеку.

И вот сегодня подходила к концу их первая в се-

рединную весну игра в классики. Фатиме осталось сделать завершающий и самый трудный прыжок - из первого класса в последний. Она отошла подальше, разбежалась, и сильно оттолкнувшись от нарисованной черты, взлетела в воздух. Вдруг в воздухе Фатима как-то скосилась на бок и рухнула на асфальт, сильно ударившись коленом.

Раздался слабый хруст. Фатима вскрикнула: «Ой, мамочка!», села на землю и обняла рукой разбитое колено.

Девочки бросились к ней. Тоня хотела осмотреть колено, но Фатима не отпускала руку, и все увидели, как между пальцами через разорванный чулок сочится кровь. Колено синело и распухало прямо на глазах.

- Вставай! - решительно проговорила Люся. - Мы отвеем тебя домой. К врачу надо идти!

- Я боюсь к врачу! - сказала Фатима, и из узких глаз мелким бисером потекли прозрачные слезинки.

- Пошли, пошли! - строго сказала Тоня.

- Не бойся, Фатима! - ласково проговорила Лена, взяв ее за рукав пальто. - Мы с тобой пойдем. Ну, вставай!

Фатима приподнялась, но ступив на пораненную ногу, вскрикнула от боли. Тогда Люся подставила ей свое по-мальчишески крепкое плечо. Фатима ухватилась за него. Тоня подошла с другой стороны и обняла ее за талию. Прыгая на одной ноге и держась за своих верных подруг, Фатима медленно двигалась к подъезду. Сзади уныло плелась Лена, теребя в руках вязанную шапку Фатимы, свалившуюся в лужу у кромки асфальта. На плече у Лены висели новые прыгалки Фатимы.

- Хорошо еще, что ты живешь на первом этаже! - важно проговорила Люся. - Не так далеко скакать придется.

Они позвонили в дверь квартиры. Открыла немолодая женщина в зеленом, расписанном красными цветами платке - мать Фатимы. Увидев дочку с разбитой

коленкой, она всплеснула руками и запричитала что-то непонятное.

- Не волнуйся, мама! - выдавила из себя Фатима и закусила губу, чтобы не расплакаться. Мать подхватила дочку, осторожно довела до дивана и бережно уложила, стараясь не дотрагиваться до разбитого колена.

- В больницу надо! - упрямо повторила Люся. - Скорую помощь надо вызывать!

Мать быстро закивала головой и скрылась в глубине квартиры. Оттуда раздался чей-то взволнованный голос. Но разобрать, что говорили, девочки не могли. Они стояли на пороге и смотрели на Фатиму, не зная, что делать дальше.

- Идите домой, - с трудом, глухо выговорила Фатима.
- Вам уроки надо делать. Старший брат дома. Он все сделает, что нужно.

- Пока, Фатима! - по очереди попрощались девочки с подругой Тоня, Лена и Люся.

Они вышли из квартиры и тихонько прикрыли дверь. Девочки подавленно молчали.

- А вдруг перелом?! - спросила Люся, испуганно вытаращив голубые, круглые глаза.

- Гипс поставят и в больницу положат, - с видом знатока проговорила Тоня.

Лена ничего не сказала. Ей было так жалко Фатиму, что ей казалось, она сама ощущает острую, жгучую боль в колене.

Прошло несколько дней. Фатима не появлялась ни в школе, ни во дворе.

- Я же говорила - в больницу положили, - сказала Тоня.

Девочки прыгали через веревочку около подъезда, поглядывая на окна Фатимы, надеясь увидеть знакомое лицо. Но никого не было видно.

Лена предложила дожидаться дядю Махмута и узнать

о Фатиме. И вот под вечер они увидели отца Фатимы, который быстрой походкой приближался к подъезду.

- Дядя Махмут, а где Фатима? В больнице? - робко спросила Лена.

Дядя Махмут ничего не сказал, даже не остановился, только кивнул головой и торопливо побежал вверх по ступеням.

Детское сердце не крепкое, горе долго в себе не держит, расти торопится, не оглядывается на коротенькое прошлое. Да и учеба подгоняет уроками и трудными контрольными. И вот уже подруги все реже вспоминали Фатиму.

Но однажды, возвращаясь из школы, Лена столкнулась у подъезда с Фатимой. Та стояла, опираясь на костыли и слегка согнув толсто забинтованную ногу. Она была бледная, осунувшаяся, и с костылями подмышками, походила на испуганного воробья, волочащего по земле распущенные от страха крылья.

- Фатима! Ты уже дома?! - радостно закричала Лена.
- Тогда я тебе уроки буду носить! Хорошо?

- Не надо мне уроков! - сказала Фатима. - Я все равно в восьмой класс не пойду учиться. Нога вот плохо заживает. Процедуры делают, а все равно не помогает.

- Ну можно я к тебе просто так приходиться буду? - спросила Лена.

- Нет. У меня болезнь какая-то плохая. Заразишься еще! - ответила Фатима печальным, тонким голоском и заковыляла к своему подъезду, где ее ждал старший брат, чтобы помочь взобраться по ступеням.

- Пока, Фатима! - крикнула Лена.

- Пока, Ленка! Не обижайся на Фатиму! - услышала она негромкий ответ.

Подошли летние каникулы. Родители собирали Лену на дачу. Они укладывали на кухне в корзинку консер-

вы, печенье, конфеты. Лена решила помочь, но, подходя к кухне, услышала, как мать говорила отцу:

- Бедная Фатима! Какая трагедия! Саркома! Ведь она еще совсем ребенок!

- Это ужасно! - проговорил отец. - Неужели ничего нельзя сделать?

- Ничего, - ответила мать.

Лена вошла в кухню и приблизившись к матери спросила:

- Мама! А что такое саркома?

Мать молчала, сомневаясь, стоит ли объяснять дочке, какая беда случилась с ее подружкой. Наконец, она решилась:

- Это очень, очень тяжелая болезнь, - сказала мать тихо. - Несчастливая твоя подружка! А ее родителям как-то! - и мать принялась гладить Лену по голове и целовать в лоб, щеки, прижимать к себе, как бы пытаясь защитить от неизвестных, страшных опасностей.

Лена, потрясенная, не произнесла ни слова, но в глубине души она не верила, что быстроногая Фатима может умереть. «Умирают только старые люди, - думала Лена. - А Фатима - она же сильная, ловкая! Нет, она не умрет! Это все неправда!»

Подруги разъехались на летние каникулы. Жаркое лето пролетело незаметно. В конце августа Лена, Люся и Тоня встретились во дворе. Они удивленно разглядывали друг друга. За время каникул девочки не только вытянулись, но и изменились настолько, что с трудом узнавали друг друга. Худенькие, с острыми плечами, угловатые фигурки округлились, щеки порозовели, движения замедлились, стали плавными, в глазах время от времени вспыхивали яркие, нежные огоньки.

- Вы слышали что-нибудь о Фатиме? - спросила Лена.

Она вернулась с дачи последней из подруг.

- Ничего не известно, - сказала Люся.

- Да, совершенно ничего, - подтвердила Тоня и вздохнула. - Дядя Махмут проходит мимо и даже не смотрит в нашу сторону.

Тоня замолчала. К подъезду торопливо шел, почти бежал дядя Махмут. Бросив на девочек быстрый взгляд, он, сутулясь, поднялся по ступеням и скрылся за тяжелой дверью подъезда.

- Вот, видите! - тихо сказала Тоня.

Они стояли, притихнув. Потом стали вспоминать прошедшие каникулы, новых знакомых и старых школьных друзей, с которыми скоро встретятся в восьмом классе. Вдруг дверь подъезда отворилась, и из нее вышел дядя Махмут. Он подошел к девочкам. Не здороваясь и отведя глаза в сторону, сказал глухо:

- Фатима просил к ней зайти. Очень просил.

И не дожидаясь ответа, повернулся спиной и направился к подъезду.

- Я не пойду. Я боюсь, - сказала Лена.

- Ты что, Ленка?! Как же можно не пойти?! Ведь она просила! - возмущенно проговорила Люся.

Она решительно взяла Лену и Тоню за руки, и девочки последовали за отцом Фатимы. Дядя Махмут открыл дверь квартиры. В комнате было совершенно темно. Плотные шторы загораживали окно. Тусклый свет ночника освещал угол комнаты, в котором стояла кровать. На белой подушке Лена с трудом различила крошечное, как бы усохшее человеческое лицо. «Не может быть, чтобы это была Фатима», - подумала она.

- Подходи ближе, - сказал отец.

Подруги сделали несколько неуверенных шагов.

- Здравствуй, Фатима, - проговорила храбрая Люся.

- Здравствуй, - вторили ей Лена и Тоня.

В ответ раздался слабый то ли стон, то ли шелест.

Девочки молчали. Что говорить, они не знали. Лена чувствовала, как в висках у нее стучит кровь. Люся до боли сжала ее руку. К ним подошел дядя Махмут. В руках у него Лена разглядела розовые прыгалки с блестящими, красными ручками.

- Вот, - сказал он. - Прыгалка вам от Фатимы, - он протянул прыгалки Люсе. Та взяла, не проронив ни слова.

Отец Фатимы открыл дверь.

- До свидания, теперь, - сказал он.

- До свидания, - почему-то шепотом ответили они.

Выйдя из подъезда, девочки долго не уходили с улицы. Они не хотели расставаться, боясь потерять друг друга навсегда, как теряли они свою подругу - Фатиму. Они стояли, не расцепляя рук, и смотрели друг на друга, как никогда раньше - с теплотой и нежностью, словно сестры. Моросил мелкий, осенний дождик, смывая нарисованные на асфальте классы.

Люся протянула прыгалки Лене:

- Возьми - это тебе. Она ведь тебя больше всех любила.

- Это верно! - подтвердила Тоня.

Лена взяла прыгалки и закрутила их вокруг кисти, как Фатима когда-то закручивала свои косы.

Через две недели подруги узнали, что Фатимы не стало.

ГРИБНОЙ ЦАРЬ

Лето выдалось на редкость хорошее – не засушливое и не дождливое, не холодное и не жаркое. Солнце сквозь тонкую пелену кружевных облаков согревало землю мягким теплом. Дожди - короткие, шумные – весело ласкали землю, торопясь напоить ее питатель-

ной влагой. И земля благодарно отвечала обильным урожаем: густой травой, полевыми цветами, сладкой клубникой, ароматной смородиной, румяными яблоками. Особенно много случалось «грибных» дождей, когда хрустальные струи устремлялись на землю с синего безоблачного неба, сверкая как драгоценные камни, в ярких солнечных лучах. Говорили, что из-за этих дождей и грибов в тот год уродилось видимо-невидимо.

Катя с дочкой Машенькой проводила лето в деревне недалеко от Москвы по Белорусской дороге, где ее тетушке Нине достался по наследству просторный дом и большой огород. Тетушка выделила им светлую, чисто выбеленную комнату с двумя окнами, выходящими в сад.

Так уж повелось, что Катя с Машенькой каждое утро отправлялись по грибы, а Нина оставалась хлопотать по хозяйству. Полки в маленьком деревенском магазинчике, как повсюду в начале 90-х, были пусты. Из Москвы продуктов не натаскаешься, поэтому лесная добыча была хорошим подспорьем в хозяйстве. Нина, отменная повариха, уверяла, что из грибов можно запросто приготовить и первое, второе и третье. До третьего пока дело не дошло – выручали ягоды с огорода, но обед из грибов был – пальчики оближешь! На первое - суп грибной картофельный, вермишелевый или перловый. На второе – грибы жареные с картошкой, плов грибной, или котлеты с грибной подливкой и так далее без конца.

Катя не хотела утомлять дочку дальними походами, поэтому облюбовала ближний лесок, что начинался на горке, прямо за огородами. Место считалось исхоженным, затоптанным, и мало кто из заядлых грибников утруждал себя бесцельными поисками в крошечном куске леса.

Нина тоже поначалу скептически относилась к Кати-

ной идее собирать грибы «на горке», но после первых полных корзинок, удивленная, приумолкла. Сама она за грибами не ходила - некогда было, да и тяжело нагибаться – годы уже не те, и как она объясняла, на огород надо силы поберечь.

Как-то в воскресенье она решила послать приехавшего на выходные мужа, Володю, в ближний лесок. Володя встал на рассвете, Катя с Машенькой еще крепко спали, взял огромную корзину и направился, куда ему жена указала. К полудню вернулся. Нина заглянула в корзинку – на дне сиротливо болтались несколько вялых сыроежек – и больше ничего!

Вечером за чаем, сопровождаемым пышными оладьями со сметаной, Нина, большой знаток природы, заявила, что Володя, наверное, в лесу злился от нетерпения и употреблял неподобающие выражения. А грибы – живые существа и прекрасно чувствуют неуважительное к себе отношение, вот он и остался с пустой корзиной. А Катя очень «хорошая», и поэтому грибы к ней сами липнут. Володя согласился со строгой оценкой своей вспыльчивой натуры. Катя со своей стороны сказала, что причины невезения могут быть разные. На этом и порешили и отправились спать. Володе предстояло вставать рано, чтобы успеть на работу, а Катя с Машей – так, за компанию.

Катя долго ворочалась с боку на бок на мягкой деревенской перине, вспоминая неудачный поход Володи за грибами. Она-то точно знала, кто помогает им с Машей приносить из «пустого» леса полные корзины грибов. Но это - тайна и раскрыть ее кому бы то ни было просто невозможно. Поднимут на смех. И так Катю до сих пор считают не вполне взрослой, хотя она давно замужем, и дочка у нее большая – десять с половиной лет.

Катя тяжело вздохнула. Муж, Илья, правда, всег-

да терпеливо выслушивал ее и не оспаривал нелепые «глупости» и причудливые фантазии, которые застряли у жены в голове с младенчества. «Детство никак не хочет с тобой расстаться, Катя!» – часто повторял он, улыбаясь и сокрушенно качая головой. Поворочавшись какое-то время, Катя, наконец, уснула.

Когда утром она открыла глаза, снопы яркого солнечного света заливали комнату. Машенька стояла у кровати и теребила Катино одеяло:

- Мама, вставай! Нина завтракать зовет! За грибами идти пора!

Катя вскочила, накинула халатик и поспешила на веранду, где к стене был прибит металлический умывальник. Наскоро умылась ледяной колодезной водой и вытерлась пушистым полотенцем.

На кухне Нина весело гремела кастрюлями и сковородками. На тарелках уже аппетитно скворчала только что поджаренная желтоглазая яичница. В миске красовался помидорно-огурцовый салат, густо посыпанный свежим луком и укропом. На льняной салфетке - золотистый батон белого хлеба, ровно нарезанный толстыми ломтями. Тетушка не признавала «легких» завтраков, считая, что утром еда должна быть обязательно «сытная».

- Ну, садитесь за стол, дорогие мои! – пригласила она Катю с Машей. - Ешь как следует, Машенька! И ты, Катюша! Поправляйтесь!

Завтрак закончился. Нина уже колдовала над чем-то у плиты. Катя чмокнула ее во вкусно пахнущую будущим обедом щеку. Подхватила с крыльца корзинку, взяла Машу за руку и заторопилась в лес. За огородом, весело смеясь, они сбежали с крутого склона к речке. Перешли по узкому мостику, забрались на горку – и вот он – знакомый лесок.

Машенька легко и быстро шагала впереди, Катя – за ней. Они шли по узкой тропинке молча, не заглядывая ни под кусты, ни под деревья. Они хорошо знали, что время собирать грибы еще не наступило. Прежде всего они должны поздороваться с грибным царем. С трудом пробрались сквозь густой орешник и вышли на край глубокого оврага. Лес остался позади. Солнце ослепительно сияло с лазурного неба, и воздух был напоен ароматом нагретой травы и полевых цветов. Кое-где, цепляясь корнями за крутой склон, росли низенькие березки и кривоватые осины. А на самой кромке оврага мрачной глыбой возвышался громадный ствол вывернутого с корнями дерева. Ни листьев, ни коры, ни ветвей - ствол был гладкий, блестящий и черный, как воронье крыло.

Катя подошла и дотронулась рукой до дерева. Поверхность ствола была прохладная и немного влажная. Солнечные лучи отражались на ней радужными бликами.

- Здравствуй, грибной царь! – прошептала Катя. - Как поживаешь? Вот мы с Машей опять пришли грибы собирать. Можно?

Катя замолчала, замерла, прислушиваясь, как будто ожидала ответа. Машенька стояла рядом и поглаживала рукой черный ствол.

Потоптавшись немного у дерева, Катя взяла дочку за руку:

- Пойдем, Маша! Кажется, можно!

Они вернулись в лес и принялись за поиски грибов. Почти сразу же им стали попадаться рыжие лисички, целыми семействами высыпавшие вокруг пней на солнечных полянках.

- Сегодня, кажется, лисичкин день! – сказала Катя.

Перед обратной дорогой она решила отдохнуть, и ноги сами вынесли ее к грибному царю. Они сели на

траву рядом с деревом и прислонились к прохладному стволу. Катя достала из кармана печенье и протянула дочке. Маша жевала печенье, а Катя вспоминала, как они познакомились и подружились с грибным царем.

Это случилось в самом начале отпуска, после нескольких дней бесплодных поисков, бесконечных хождений по одним и тем же местам и возвращений с пустыми корзинами, стыдливо прикрытыми листьями лопухов.

- Да не ходите вы в этот лес! Нет там ничего! – сердилась Нина. – Лучше у речки позагорайте! Больше пользы будет!

Но Катя не сдавалась и упрямо продолжала попытки найти в лесу, хоть что-нибудь грибное. Маша молчаливо поддерживала маму, не поддаваясь на Нинины соблазнительные уговоры пойти на речку.

Однажды они направились в лес и опять блуждали полдня, заглянули под каждый куст, под каждое дерево. Ничего! Пусто! Кате, которой всю жизнь везло на грибы, удалось найти только несколько невзрачных свинушек. Уставшие, огорченные незаметно вышли к глубокому оврагу, где им бросилось в глаза громадное черное дерево, лежащее на самом краю.

- Ну и бревнище! – восхитилась Машенька.

- Да-а! Что-то необыкновенное! – согласилась Катя. – Давай, Машуля, посидим, отдохнем около него. Ты ведь устала?

- Нет! - сказала Маша.- Ничутьточки! Но посидеть можно!

Они опустились на траву рядом с деревом, и Маша дотронулась рукой до его поверхности.

- Какое оно гладкое, прохладное! И важное такое! – сказала она и приложилась ухом к дереву. - И как будто дышит! Mam, знаешь, оно живое!

- Не выдумывай, Маша! Если бы оно было живое и важное, оно бы нам с грибами помогло!

- А что? – не унималась Маша. – Может, и поможет! Ты вот возьми, мамочка, и попроси его как следует!

- Ну что ж, мне нетрудно! – рассмеялась Катя. – Пожа-а-луйста, миленькое дерево, пошли нам грибочков, хоть чу-у-точку!

Маша снова наклонилась к дереву:

- Мамочка! – вскрикнула она радостно. – Оно сказало: «Я исполню вашу просьбу!»

Катя покачала головой:

- Прекрати, Маша!

Маша запрыгала возле дерева:

- Правда! Правда! Правда! Оно обещало! Честное слово!

Катя махнула рукой и достала из кармана яблоко:

- Возьми, вот яблоко лучше съешь!

Но Маши уже не было рядом. Она побежала вдоль дерева туда, где возвышались вывернутые корявые, мохнатые корни. Через минуту Катя услышала громкий крик:

- Мам! Иди скорее сюда! Грибы!

Катя вскочила и поспешила к Маше. Дочка сидела на корточках под молодой елкой, и показывала на чудесный крепкий подберезовик – высокий, с коричневатой круглой шапочкой.

- Мама, смотри! Вот еще! И еще! Вот видишь! Я тебе говорила, а ты не верила! – сказала Маша обиженно.

Катя ничего не ответила, махнула рукой и принялась собирать волшебным образом появившиеся грибы. Потом сказала:

- Пойдем, Маша, домой. Нину обрадуем.

Она дотронулась до черного ствола и прошептала тихо:

- Спасибо, грибной царь!

Маша засмеялась и повторила:

- Спасибо, спасибо - спасибочки!

Так все началось. После этого случая не было ни единого дня, чтобы Катя с Машенькой не приносили из леса полные корзины грибов.

Нина поначалу удивлялась, но скоро привыкла:

- Везет девочкам! – говорила она.

Вот и сегодня – полная корзинка веселых лисичек. Катя поднялась с земли, попрощалась с грибным царем и, взяв Машу за руку, зашагала по едва приметной тропинке домой. Низкорослые ромашки пудрили ноги желтой пылью.

Лес остался позади. Ничто не предвещало беды. Солнце, еще по-летнему жаркое, сияло с высоты. Перейдя речку, поднялись к огороду. Отворили калитку и тут же увидели спешащую к ним навстречу Нину. Лицо ее было встревоженное. Косынка съехала на бок. Руки теребили голубой фартук.

- Катюша! – закричала она издалека. – Новость-то какая! Горбачева сняли! Войска в Москву ввели!

Ноги у Кати подкосились. Сердце оборвалось. Корзинка выпала из рук, и рыжие лисички высыпались на грядку с огурцами.

Нина с ужасом смотрела на Катину застывшее, помертвевшее лицо.

- Катюша, что с тобой? – вскрикнула она. – Разве можно так переживать! Сняли – ну и черт с ним! Другого поставят! Свято место – пусто не бывает! Нам – то что!

Катя изо всех сил постаралась взять себя в руки.

- Конечно, конечно! – пролепетала она и растерянно улыбнулась. – Это я от неожиданности.

Она наклонилась и стала собирать грибы в корзинку.

- Вот дуреха старая! Напугала я тебя, Катюша! Ну,

ладно, наши дела никто не отменял! – Нина деловито поправила косынку на голове. - Нечего в огороде топтаться, грядки мять! Пойдемте в дом – обед готов! Я компот из смородины сварила – замечательный!

Она заторопилась к дому, осторожно обходя грядки. Маша – за ней. Катя шла последней. Губы ее тряслись. Кровь бешено стучала в висках. «Военный переворот! Что будет? Документы на отъезд в Америку в ОВИРе! Машеньку забрали из школы. Катя ушла с работы. Илья еще, правда, не уволился. Их судьба теперь в руках у КГБ! Посадят, как когда-то отца! - с ужасом подумала Катя. - И никто из родных ничего не знает! Решили не говорить, пока все не утрясется. И вот расплата – не с кем поделиться, посоветоваться... Хотя возможно, сейчас для родных, действительно, лучше ничего не знать... Боже, а что с Ильей? В Москве войска! Вдруг арестовали?!» - Кате показалось, что она сейчас упадет в обморок или разрыдается в голос. Но она посмотрела на идущих впереди Машеньку и Нину и стиснула зубы. За обедом Катя под раздающуюся из телевизора музыку из балета «Лебединое озеро» старалась делать вид, что ничего не произошло.

После обеда сказала:

- Я очень беспокоюсь за Илью. Надо срочно ему позвонить.

- Конечно, конечно, – закивала головой Нина. - Идите к автомату в конце деревни. Вчера он работал. Я Володе звонила.

Катя взяла за руку Машу и почти бегом заторопилась к телефону.

- Мама, куда ты так спешишь? – Маша остановилась, не выпуская маминой руки. – Что случилось?

- Ничего, - Катя перевела дыхание и замедлила шаг.

У автомата оправдались самые худшие Катины опа-

сения: телефон не работал. Она побрела к другому – там тоже было глухо.

- Кабель перерезали! – бросила ей на ходу молодая женщина с ребенком на руках. – Идемте к писателям. Там, говорят, работает.

Они направились к дачному кооперативу писателей, что располагался через дорогу от деревни. Издалека увидели толпу, окружившую деревянный домик-сторожку у въезда в кооператив. Толпа состояла, в основном, из перепуганных женщин с маленькими детьми. Они взволнованно переговаривались друг с другом, то тут, то там раздавался детский плач.

«Ночью по Минскому шоссе шли танки... Что происходит в Москве неизвестно... Связи нет... Новостей не показывают... Только «Лебединое озеро» или на пианино играют... Муж у меня военный - где он теперь?... Электрички ходят?» - слушая тревожные речи, Кате стало даже как будто легче – ни одна она сходит с ума от беспокойства.

Но вот дверь в сторожку открылась и на крыльце появился приземистый мужик в синем костюме и съехавшем набок галстуке в горошек.

- Граждане женщины! – гаркнул он прокуренным басом. – Тишина! - Все тут же замолчали. - Слушай мою команду! – прокричал мужик. – В колонну по одному - становись!- Женщины суетливо забегали и скоро выстроились друг за другом в длинную очередь. – Я - начальник местного пропускного пункта. Докладываю населению, что на данный момент связь с городом в наличии имеется! – витиевато выразился он. – Порядок устанавливаю такой! Будете проходить по одному! Продолжительность разговора – 2 минуты. Засаею по часам. – Мужик поднял руку, сжатую в кулак, и угрожающе показал всем громадные, похожие на будильник

часы. Денег не беру, поскольку телефон служебный, а обстоятельства сложились чрезвычайные!

Благодаря установленному начальником сторожки порядку и беспрекословному выполнению женщинами всех требований, Катина очередь подошла довольно быстро.

Илья был на работе. Голос его звучал почему-то спокойно и уверенно.

- Катя, все нормально!... В Москву приезжать не надо. Сидите в деревне. В выходные я приеду.

- А документы?! – вскрикнула Катя.

- Не волнуйся! Все будет хорошо!

- Илья! Я прошу тебя не ходить в центр города! Слышишь?!

- Я никуда не собираюсь идти!

Но скоро Катя узнала, что через десять минут после разговора с ней, Илья с приятелем отправился в центр – к Белому дому, куда стекались со всех сторон возбужденные москвичи.

Немного успокоившись, Катя с Машей вернулись домой. Телевизор Нина выключила, чтобы не нервировать Катю звуками классической музыки, раздающимися в темноте неизвестности.

Утром, по заведенному порядку, Нина снарядила своих гостей в лес – за грибами. Всю дорогу Катя молчала, и Маша, угадав настроение матери, тоже не произнесла ни единого слова. Катя опустила на траву и прислонилась спиной к прохладной поверхности громадного дерева. Голова была пуста, ни единой мысли ни о прошлом, ни о будущем. Все душевные тревоги она передала грибному царю.

- Мам, а когда мы грибы начнем собирать? – спросила Маша, искоса поглядывая на мать. – Ты даже с царем не поздоровалась и разрешения не попросила...

- Сейчас, - ответила тихо Катя, встала и сделала шаг вперед.

Опустила глаза и вдруг в шелковистой траве увидела неизвестно откуда явившееся семейство белых грибов, все, как на подбор - на статных, крепких ножках и в франтоватых коричневых бархатных шляпах.

Катя собирала грибы в корзину и приговаривала:

- Все будет хорошо, Машенька! Все будет прекрасно! Теперь я знаю точно.

Но прошли долгие, тревожные месяцы, пока все уладилось, и вопрос с отъездом был решен. Глубокой осенью, холодной и дождливой, Катя с Машей приехали в деревню. Они натянули резиновые сапоги и отправились в лес. Сквозь поредевшую листву издалека увидели грибного царя. Подошли и долго разговаривали с ним, гладили, благодарили за грибы, прощались навсегда. Он лежал на краю оврага важный, черный, блестящий – настоящий царь и ничего не ответил на их слова. Грустные, они покинули лес, собираясь увезти с собой в далекую Америку тайну грибного царя.

НАВАЖДЕНИЕ

«Задача по физике так и не получилась. Сегодня все утро и вчера весь вечер решала... Теперь вот в школу опаздываю. На перемене Наташу попрошу объяснить... Скоро контрольные начнутся... Последняя четверть десятого класса. Надо подогнать. Не дай Б-г тройку получу - отец запилит», - думала Лена, торопливо засовывая тетради и учебники в портфель, - «Хорошо еще, что первый урок - химия - есть время с этой проклятой задачей разобраться».

Захлопнув дверь, она выбежала на лестничную пло-

щадку. У лифта стоял высокий молодой мужчина.

«А, это опять наш новый сосед. Муж Людмилы, дочки полковника. Свадьба была в прошлом месяце, - вспомнила Лена. - Кажется, его зовут Виталий.»

- Здравствуй, отличница! - улыбаясь, сказал мужчина.

«Если бы!» - подумала Лена, но вслух коротко ответила:

- Здравствуйте.

И подошла к шахте лифта, посмотреть, далеко ли кабина.

- Сейчас приедет. Уже на восьмом этаже, - угадал ее мысли сосед. - Карета подана, мадемуазель! - он открыл дверь лифта и пропустил Лену вперед.

Она вошла, подумав: «Странные ваши шутки!» и сразу нажала кнопку первого этажа. Лифт тронулся. Вдруг ей показалось, что она забыла тетрадь с домашним заданием по химии. Кровь бросилась к ее щекам. Она открыла портфель и стала лихорадочно перебирать тетради. «Вот она!» - Лена облегченно вздохнула и принялась считать этажи - третий, второй... Сосед с улыбкой наблюдал за ней.

«Первый!» Быстро открыв дверь лифта и бросив через плечо:

- До свидания! - она, прыгая через ступени, оказалась у выхода. Толкнула тяжелую дверь подъезда и - бегом к школе.

- До свидания, любезная! До скорой встречи! - услышала Лена за спиной насмешливый голос.

Фыркнув, она даже не оглянулась.

К уроку она успела. После химии была литература. Светлана Борисовна раздавала сочинения и опять хвалила Лену:

- У тебя, Селезнева, определенные литературные способности. Не зарывай свой талант в землю. Подумай о своем будущем, - говорила она, вручая Лене тетрадь.

- Что за привычка хвалить перед всем классом? - не-

довольно бубнила себе под нос Лена. - Чтобы потом все косились.

Сидящая рядом Наташа улыбнулась.

- А мне тогда какво? - тихо сказала она Лене на ухо.

И правда, Наташа была, как говорится, круглая отличница. Особенно ей удавались технические предметы - математика, физика, черчение, и она часто выручала Лену, рисуя за нее замысловатые пирамиды и конусы. Лена знала, что Наташа мечтает о математическом факультете МГУ и была уверена, что с такой головой и трудолюбием ее подруга непременно туда поступит.

На перемене Наташа объяснила Лене задачу по физике. Не очень разобравшись в сути вопроса, Лена поверила подруге на слово и постаралась запомнить метод решения.

После уроков они возвращались вместе. Они жили рядом со школой в сером кирпичном доме «сталинской» постройки, только в разных подъездах. У Наташи была просторная трехкомнатная квартира, а у Лены - комната в коммуналке. Наташин папа работал в аппарате министерства, а Ленина мама - на заводе. Но это не мешало их крепкой дружбе, которая продолжалась уже с пятого класса.

- Приходи ко мне, когда уроки сделаешь, - позвала Наташа, - Пластинки новые послушаем.

- Хорошо! - ответила Лена и побежала к своему подъезду.

Влетела в лифт, не глядя нажала верхнюю кнопку, поднялась на девятый этаж, открыла ключом дверь, прошла по широкому, длинному коридору и очутилась в своей комнате.

Переодевшись, она лениво побрела на кухню. Там соседка, Татьяна Семеновна, готовила обед к приходу мужа с работы. Толстые, пузатые голубцы аппетитно булькали в кастрюле. Татьяна Семеновна и ее муж,

Юрий Павлович, занимали в квартире две смежные комнаты.

Разогрев котлеты с картошкой, Лена не успела и глазом моргнуть, как Татьяна Семеновна плюхнула ей в тарелку увесистый голубец. Поправляя съезжавшие с тоненького, точеного носика очки, она рассказывала Лене, одновременно поливая ее голубец соусом из кастрюли:

- Ты знаешь, Леночка, сегодня я была у Зинаиды Васильевны. Она мне свадебные подарки показывала. Хрусталь, серебро! Представляешь, даже персидский ковер! Людочка так удачно замуж вышла! Виталий - и красавец, и умница, без пяти минут кандидат наук, диссертацию заканчивает. Правда, из простой семьи, но у Людочкиного отца такие связи за границей - будущее ему обеспечено! - и, попробовав еще раз соус, добавила: - Людочка тоже чертовски хороша собой!

Зинаида Васильевна, жена полковника, мать Люды и лучшая подруга Татьяны Семеновны, души не чаяла в своей дочери. Еще учась в школе, девушка слыла первой красавицей - пышноволосая, синеглазая блондинка. После школы Люда поступила в историко-архивный институт, и, как говорила Лене Татьяна Семеновна, от кавалеров у нее не было отбоя. Но Люда была особа серьезная, разборчивая, и прошло несколько лет после окончания института, прежде чем она нашла себе достойного жениха.

Лене нравилась Люда, милая приветливая девушка. Одевалась она со вкусом, не задавалась и не строила из себя принцессу.

- Родители уже квартиру ищут для молодоженов, - продолжала Татьяна Семеновна. - А пока им приходится вместе жить. Ну, ничего, квартира у них большая, отдельная. Места хватит.

Лена слушала вполуха, жуя котлету, а потом сочный голубец. Татьяна Семеновна пыталась положить ей в тарелку еще один, но Лена отказалось, поблагодарила соседку и пошла делать уроки.

На следующее утро она встала пораньше. Была ее очередь дежурить по классу, и нужно было прийти в школу за полчаса до начала уроков. Быстро собравшись, она вышла из квартиры на лестничную площадку и вызвала лифт. Он поднимался долго, видимо, с самого низа, с первого этажа. Уже показалась крыша кабины, как внезапно хлопнула дверь, и появился Виталий, на ходу засовывая руки в рукава светлого плаща.

- Ты что же, сбежать от меня вздумала? - с улыбкой на лице, и с раздражением в голосе спросил он Лену.

Лена удивленно пожала плечами. Но, подумав, что будет невежливо промолчать, сказала:

-Я сегодня дежурная. Здравствуйте.

Тон его смягчился.

-Доброе утро, ранняя пташка! - сказал он и, как всегда, открыл перед ней дверь лифта.

Нажимая на кнопку первого этажа, Лена заметила, что у нее не застегнута пуговица на манжете. Зажав портфель между колен, она безуспешно пыталась просунуть пуговицу в узкую петлю, от напряжения даже высунув язык.

- Давай, я тебе помогу, - проговорил Виталий, пытаясь поймать ее руку.

Лена увернулась и спрятала руки за спину.

- Не надо. Я сама, - сказала она и почему-то вспыхнула до корней волос.

Лифт слегка тряхнуло, и он остановился на втором этаже. Вошла седая старушка и они молча опустили на первый.

Лена пришла в класс, намочила под краном тряпку,

вытерла доску, сбегала за мелом, поправила парты - все было готово к началу занятий.

За привычными заботами школьного дня Лена забыла странную утреннюю сцену. Но возвращаясь домой, вдруг вспомнила и, постояв у дверей лифта, пошла пешком на девятый этаж.

Последняя четверть пролетала быстро. Контрольные следовали за контрольными. С алгеброй у Лены было все в порядке, а вот тригонометрией приходилось серьезно заниматься. Наташа предлагала ей свою помощь, но Лена отказывалась, считая, что сама сможет одолеть хитрую науку. И действительно, к своей большой радости, получила по контрольной заслуженную пятерку, приятно удивив свою любимую учительницу по математике - Юлию Борисовну.

Сталкиваясь по утрам на лестничной площадке с Виталием, Лена коротко здоровалась, он пропускал ее впереди себя в лифт. Она стояла, прислонившись спиной к стене, смотря прямо перед собой и чувствуя на себе его изучающий, оценивающий взгляд.

Лене было неприятно, но думать об этом ей не хотелось, и какое-то время она пыталась не обращать внимание на его откровенные взгляды. Но после того, как она заметила, что Виталий все время ищет случая как бы невзначай, ненароком дотронуться до нее, стала избегать совместных поездок в лифте. Выходила из дома раньше, позже, спускалась по лестнице пешком, но уклониться от встреч с Виталием ей не удавалось.

Как-то раз у них в классе отменили первый урок - заболела учительница, и Лена отправилась в школу на час позже. Только она начала закрывать замок, как дверь соседней квартиры приоткрылась, и из нее вы-

глянул Виталий. Встретив ее взгляд, он явно смутился, и Лена поняла, что все это время Виталий стоял за дверью и ждал ее, и что он настойчиво ищет встреч, которых она старается избегать.

Однажды утром, выйдя из квартиры, и увидев стоящего у лифта Виталия, Лена повернула к лестнице, чтобы пойти вниз пешком. Но Виталий широко распахнул дверь лифта, загородив ей проход, и радушным жестом пригласил:

- Прошу!

Лене ничего не оставалось делать, как, приняв равнодушный вид, войти в кабину.

Как только лифт тронулся, Виталий внезапно придвинулся к ней и тихим, вкрадчивым голосом сказал:

- Что же ты не смотришь на меня? Боишься? Неужели я тебе совсем не нравлюсь? Не может этого быть!

Лена видела совсем рядом перед собой его бледное лицо, черные, непроницаемые глаза. В растерянности, не зная как поступить, что ответить, она попыталась пройти к двери, но он снова приблизился к ней, его рот как-то горько и насмешливо кривился.

- Может быть, у тебя уже есть кавалер? - язвительно спросил он. - Какой-нибудь мальчишка – сопляк? А? Ты ведь любого можешь свести с ума!

Лена рванулась в сторону и повернулась лицом к стене, ощущая затылком его горячее, частое дыхание. Потрясенная словами Виталия, она молчала. Лифт остановился, она выбежала из кабины и помчалась вниз по ступеням. Чувствуя взгляд Виталия, скользящий по ее ногам, неловко одернула юбку школьного платья.

«Сумасшедший дурак! - возмущенно думала Лена. - Что ему от меня надо? Ведь только что женился! Негодяй!»

Гнев, недоумение, досада на себя переполняли ее. Она злилась, что не смогла, не посмела дать отпор Ви-

талию, не нашла нужных слов, чтобы остановить его.

Только в школе она понемногу успокоилась. Раздали контрольные по физике. С замиранием сердца она открыла тетрадь. У нее была четверка! «Ура!» - беззвучно прокричала Лена и благодарно сжала Наташину руку. Та улыбнулась в ответ, блеснув стеклами очков, и подвинула поближе к Лене свою тетрадь. Там красовалась жирная пятерка. «Кто бы сомневался?!» - жестами показала ей Лена.

После уроков Наташа осталась в школе готовиться к математической олимпиаде. В раздевалке Лену догнал Юра.

- Лен, ты домой? - спросил он.

- Ага, - ответила она.

- Ну, пошли?

- Пошли.

Юра был давнишний приятель Лены, ее одноклассник. Они знали друг друга с самого детства, когда еще жили в старом деревянном доме на Краснопресненских прудах. Потом родители Юры получили комнату в том же доме, где жила Лена. Они сохранили свою детскую дружбу и даже иногда вместе готовились к контрольным и экзаменам.

- Давай портфель, а то надорвешься, - любезно предложил Юра.

Они шли и по дороге болтали о предстоящей поездке с классом в Мелихово, дом-музей Чехова.

- Юра, а у тебя есть слова нашей любимой песни «Дорогие вы мои друзья»? Дашь мне переписать? - спросила Лена.

- Угу! - ответил Юра. - Кажется, этот листок у меня с собой, - и стал рыться в портфеле.

Они стояли на ступеньках Ленинского подъезда.

Открылась дверь и появился Виталий. Он остановил-

ся на площадке и исподлобья смотрел на Лену с Юрой.

- После уроков хорошие девочки домой возвращаются, уроки делают, а не с мальчиками у подъезда любезничают, - ехидно произнес Виталий.

Юра поднял голову и удивленно посмотрел на него.

- Лен, кто это?

- Не обращай внимания, - тихо ответила Лена. - Это наш новый сосед. Муж Людмилы. Знаешь ее? По-моему, он того.

Лена многозначительно покрутила пальцем у виска.

- Пойдем к твоему подъезду, там поищешь, - сказала Лена и потянула Юру за рукав. Найдя листок, он протянул его Лене.

- Вот спасибо! - сказала она. - Ну, мне пора. У меня еще черчение не сделано.

- Тебе помочь?

- Попробую обойтись. Надо ведь и самой уже кое-что соображать.

- Ух ты, смелая какая! Ну пока! Может быть, тебя проводить? - спросил Юра, кивнув головой на ее подъезд.

Там уже никого не было.

- Не надо! Все нормально. Пока!

Лена помахала Юре рукой и поспешила к своему подъезду. Но, чем ближе она подходила, тем сильнее замедляла шаг. «Наверное, он ждет меня в подъезде, - с тревогой думала она. - Ну, ничего, я пойду пешком. На лестнице он приставать не будет, постесняется соседей.»

Лена решительно толкнула дверь в подъезд. Никого. Она добежала до лифта и сразу же захлопнула дверь. Поднявшись на свой этаж, она лицом к лицу столкнулась с Людмилой.

Одетая в кокетливое шелковое платье, с лаковой сумочкой в руке, она приветливо улыбнулась Лене:

- Здравствуй, Леночка! Как дела? Из школы возвра-

щаешься? - спрашивала она Лену. - Ты какой класс заканчиваешь?

- Десятый. Одиннадцатый еще предстоит.

- Куда поступать собираешься?

- Не решила еще. Что-нибудь между гуманитарным и техническим.

- А я точно знала, что в гуманитарный. Вот закончила историко-архивный. И не жалею.

- Хорошо, когда знаешь, что хочешь. Вам повезло! - улыбнулась Лена.

- Да! Во всем! - ответила Люда, и счастливые искорки зажглись в ее синих глазах.

- Удачи тебе, Леночка!

- Спасибо! До свидания!

Лена говорила с этой славной молодой женщиной, и чувство вины перед ней не покидало ее. «Я ведь не давала ему ни единого повода, ни малейшего! - думала она. - Что за глупость!» Она сердито крутила ключом в замке.

Войдя в свою комнату, села на диван и погрузилась в невеселые размышления. Виталий вел себя странно, и Лена чувствовала, что в его отношении к ней было что-то оскорбительное.

На ее взгляд, он был уже совсем немолодой мужчина. «Наверное, лет тридцать», - подумала Лена. И как вести себя с ним, она не знала. Ничего не придумав, Лена взяла со стола томик Александра Грина и с наслаждением погрузилась в чтение «Алых парусов».

Наступил месяц май. Скверы и аллеи покрылись нежной зеленью. Тонкий аромат сирени доносился из знаменитых садов Колесникова, что находились как раз через улицу от школы. Небо было светлое и чистое, как

бы заново рожденное после холодной зимы. Пьянящий весенний воздух проник и в школу. На переменах было шумно. Мальчики поглядывали на девочек. Девочки улыбались мальчикам.

Утром Лена вышла из квартиры и, увидев, что на площадке никого нет, обрадовалась. Вызвала лифт и ждала его, напевая себе что-то под нос. Она вошла в лифт и только собралась нажать на кнопку, как дверь распахнулась, и в кабину ворвался Виталий. Закрыл за собой дверь и нажал кнопку. Лифт тронулся. Лена сжалась в углу. Он резко повернулся к ней и, упираясь руками в стены кабины, загородил ей выход. Приблизившись, стал жадно ловить губами ее губы, глаза, волосы, шею. Лена изо всех сил отталкивала его руками, в смятении поворачивала голову из стороны в сторону, пытаясь избежать испуганных, насильственных поцелуев.

- Пустите меня! Пустите меня! - твердила она, задыхаясь.

- Милая моя! - шептал он.

Не в силах сдерживать его напор, Лена видела совсем близко перед собой его полузакрытые глаза и влажные красные губы. Единственное спасение было - первый этаж.

«Лифт, миленький! Ну, давай быстрее, быстрее!» - повторяла про себя она.

Наконец, лифт остановился. Из последних сил толкнув Виталия в твердые, напрягшиеся плечи, Лена нагнулась и выскользнула из-под его рук.

На площадке стоял первоклассник Федя с третьего этажа. Чуть не сбив мальчика с ног, она вырвалась на улицу. В голове шумело. Лена мчалась к школе и только одна мысль билась у нее в голове: «Что же теперь будет?»

В раздевалке она встретила Наташу.

- Лена, что с тобой? - спросила она, внимательно посмотрев на подругу. - Ты вся такая красная!

- Опаздывала. Лифт не работал. Пришлось пешком бежать,- соврала Лена.

- А!

Весь день Лена была, как во сне, не слышала, что происходило на уроках, отвечала невпопад. Она была так ошарашена случившимся, что даже хотела рассказать все Наташе. «Она умная, что-нибудь посоветует», - думала Лена. Но потом решила, что «синий чулок» – Наташка вряд ли поможет, только стыдно будет перед ней.

В выходные дни Лена обычно встречалась с Наташей. Они вместе часами бродили по улицам, говоря обо всем на свете, доходили пешком до метро «Сокол» и даже «Аэропорт». Но любимым местом их прогулок был парк около недавно построенного кинотеатра «Ленинград». Они посмотрели там новый фильм «Человек - амфибия» и были без ума от актера Коренева. Как-то в воскресенье мать утром послала Лену за молоком в гастроном на Песчаной улице. Лена взяла сумку и вышла на улицу. Солнце пригревало совсем по-летнему. Легкий ветерок гонял по небу белые пушинки облаков, трепал ее короткие, светлые волосы. Лене стало легко, весело и она, помахивая сумкой, бодро зашагала по знакомой улице.

Вдруг, она услышала, что кто-то бежит за ней. Она обернулась и увидела Виталия. Сердце ее бешено заколотилось. Он нагнал ее и пошел рядом. Лена не смотрела на него. Она устремилась вперед, все убыстряя шаг. Он не отставал.

- Ты, что же, опять хочешь от меня убежать? От меня не скроешься, не убежишь! - говорил он тихо, наклонившись к ней, дыша жарко и тяжело. - У тебя такая прелестная юная грудь! И эта светлая кофточка так

соблазнительно ее облегает! И юбка так великолепно подчеркивает твои стройные бедра! А ноги! Таких потрясающих ног я не видел ни у кого!..

Поток чувственных, бесстыдных слов обрушился на Лену, заставляя пылать ее щеки. Она уже почти бежала, зажав руками уши.

Но Виталий продолжал говорить, и речь его была похожа на бред.

- Ты считаешь, я слишком старый для тебя. Напрасно, дорогая моя! Знаешь, старички очень нежны!..

Лена резко остановилась и срывающимся голосом, почти умоляя его, проговорила.

- Перестаньте, Виталий! Как вам не стыдно! Вы взрослый человек! Ведь у вас есть жена! Красавица!

- Милая! Ты нарочно мучаешь меня! Забудь об этом. Все поправимо, - сказал он отрешенно, но тут же снова обратился к ней, и голос его уже звучал недобро, раздраженно:

- Ты, наверное, спешишь на свидание к своему мальчику? Дурочка! Разве они что-нибудь понимают? Эти мальчишки – сопляки! Разве они могут оценить эти хрупкие плечи, шею, маленькое ушко, детскую ямочку на локте!

Виталий схватил Лену за руку и, больно стиснув ее, прижал к сухим, горячим губам.

- А это запястье - такое тонкое!

Лена вырывалась.

- Отпустите меня сейчас же!

Он вдруг зло отбросил ее руку. Они стояли на переходе. Горел красный свет, но Лена, освободившись, бросилась бежать через улицу. Машины гудели. Водитель троллейбуса резко затормозил, и у него слетели «усы» с проводов. Он показал Лене кулак. Но она мчалась, не обращая ни на что внимания. Только на другой

стороне, остановившись у светофора, она оглянулась. Виталий стоял на том же месте, низко опустив голову. Почувствовав ее взгляд, он отыскал ее глазами в толпе и крикнул через улицу, криво улыбаясь:

- Мы еще увидимся с тобой, девица-красавица!

Лена добежала до ближайшего скверика и рухнула на скрытую в кустах скамейку. Мысли ее путались. Как выбраться из этой западни? Она не представляла.

Татьяна Семеновна была лучшей подругой Зинаиды Васильевны и доверяла ей во всем. Мать Лены глубоко уважала Татьяну Семеновну, ничего не скрывала от соседки, была с ней откровенна. Поэтому Лена не могла ничего рассказать ни матери, ни мудрой и опытной соседке.

«Если бы Виталий был ее ровесник, она бы знала, как поступить. Она бы послала его куда подальше. Но Виталий, - думала Лена, - наверное, даже старше нашего учителя по физике. А вдруг узнает Людочка? Какой позор! Ведь она его так любит!»

Лена долго сидела в скверике, мысленно разговаривая сама с собой, с Виталием, пытаясь осмыслить то, что для нее было невозможно ни понять, ни объяснить.

Она с трудом притащилась домой. Страшно болело горло. Залезла в ванну и стала скрести себя щеткой, стараясь смыть с себя невидимую грязь. Вошла в комнату. Мать пощупала ее лоб.

- Леночка, да ты заболела! - всплеснула она руками. - У тебя температура высокая! Ложись в постель. В школу завтра не пойдешь. Я врача вызову.

Мать застелила диван и засунула ей градусник под мышку. Лена легла и, закрыв глаза, погрузилась в тяжелый, горячий сон.

Утром стало немного легче, но температура все еще была высокая. Мать напоила ее чаем с лимоном и убе-

жала на работу, наказав обязательно кушать оставленный в холодильнике куриный суп.

Лена лежала целый день в постели, обложившись красными томами Майн Рида. Она буквально зачитывалась им. Все восхищало ее. Великолепные описания дикой природы. Увлекательные романы. Прекрасные дамы. Благородные джентльмены. Отъявленные мерзавцы. Возвышенная любовь. Низменная страсть. Умопомрачительные интриги.

Постепенно Лена выздоравливала. К ней часто приходила Наташа. Приносила уроки. Рассказывала, что нового происходит в школе, как ребята готовятся к поездке в Мелихово, которая намечена сразу после окончания учебного года. Лена слушала, кивала головой. Говорить ей было еще трудно.

Она была одна, когда раздался звонок в дверь.

- Кто там? - спросила Лена, взявшись за ручку.

- Лена..., Леночка! Дорогая! Открой! Я знаю, что ты одна. Не бойся, я тебя не трону. Мне нужно с тобой поговорить. Я не могу без тебя, понимаешь! Открой! - голос звучал нежно и властно.

Лена дрожащими руками лихорадочно закрывала все замки на двери.

Звонок прозвенел еще раз, потом - еще и еще и уже звенел не переставая, превратившись в гудящую сирену.

За дверью раздался громкий, свистящий шепот:

- Открой! Прошу тебя!

Лена в страхе попятилась, потом вбежала в свою комнату, захлопнула дверь и закрыла задвижку.

Звонок и шепот не прекращались.

Лена легла на диван и закрыла голову подушкой.

Было уже темно, когда пришла с работы мать.

-Леночка! У тебя, что опять температура? Или голова болит? - с беспокойством в голосе спрашивала мать, трогая ладонью ее лоб.

- Не волнуйся, мам! Мне лучше. Я просто уснула.

- Это слабость после болезни. Это пройдет. Я тебе сейчас молочка с медом согрею,- говорила мать, а про себя радовалась, что на этот раз обошлось без воспаления легких.

На следующий день Лена проснулась поздно. Лежала в постели, не в силах заставить себя ни умыться, ни одеться.

Чувство безнадежности и беспомощности сковали ее. Ей казалось, что ее преследует матерый и беспощадный хищник, с каждым прыжком приближающийся к своей жертве.

- Лена! Вставай! Я эклеры испекла. Приходи, я тебя угощу. Ты же их любишь! - раздался за дверью голос Татьяны Семеновны.

Накинув халат, Лена вышла на кухню. На противене благоухали свежее испеченные пирожные. Татьяна Семеновна взяла одно и засунула Лене прямо в рот.

Наполняя кремом округлые, пышные эклеры, она болтала с Леной:

- Ну что, тебе лучше?

Лена с набитым ртом покивала головой.

- А ты знаешь, какая потрясающая новость?

Лена отрицательно помотала головой.

-Люда с Виталием сегодня за границу уехали! Представляешь, - продолжала Татьяна Семеновна, поправляя очки и испачкав при этом себе щеку мукой, - Виталий место получил в университете в Праге!

От неожиданности Лена чуть не поперхнулась пи-

рожным. Огромный камень свалился с ее плеч. Ей так захотелось обнять и расцеловать Татьяну Семеновну, что она не выдержала и звонко чмокнула ее прямо в припудренную мукой щеку.

Татьяна Семеновна удивленно посмотрела на Лену, но решив, что это из-за пирожных, растроганно сказала:

- Что, вкусное? Бери еще. Девочка моя, ты знаешь, как я тебя люблю! - и она продолжала: - Так внезапно! А родители им только что квартиру кооперативную купили! Ну что же, теперь сдавать будут. А Людочка собирается русский язык преподавать...

Лена кивала головой, уже почти не слушая, что говорила Татьяна Семеновна.

Скоро она вернулась в свою комнату. Закрыла дверь, прижалась к ней спиной. Она не могла поверить, что все кончилось, и на душе у нее снова легко и свободно.

В голове у нее мгновенно пролетело все, что произошло с ней в последние месяцы.

«Что это было? - спрашивала она себя, - Дурной сон? Наваждение?»

АЛЕКСАНДРА

Александра Антоновна Трошина - так звали Катину учительницу литературы и классного руководителя 9-б.

За глаза же ее имя, урезанное наполовину, произносилось учениками холодно - враждебно: «Александра!»

Прямая, как стрела. Черные, с серебристой проседью волосы собраны на темени в смешной, старомодный валик. Маленький, упрямый рот с небрежно подкрашенными темно-красной помадой губами. Яркие синие глаза горели неукротимым педагогическим огнем.

Одевалась Александра Антоновна никак. Конечно,

на ней была натянута какая-то юбка и какая-то кофта. Но все такое бесцветное, невыразительное, что никто даже внимание не обращал на ее одежду. Если она и появлялась на уроке в чем-то новеньком, оно почти ничем не отличалось от старенького и оставалось незамеченным десятками глаз, с интересом разглядывающих на уроках наряды своих учителей.

На безымянном пальце Александра Антоновна носила толстое обручальное кольцо. Все знали, что она замужем, но детей у нее нет, и что самое смешное – ее мужа звали точно так же - Александр Антонович. В войну он служил офицером-разведчиком, имел награды, а сейчас работал инженером на заводе. Больше ничего о личной жизни Александры Антоновны досужим сплетницам из 9-б известно не было.

Здоровье у Александры Антоновны было крепкое. Даже в самые суровые зимы и опустошающие классы эпидемии гриппа она не пропустила ни одного урока, порой занимаясь лишь с двумя-тремя учениками.

Александра Антоновна, педагог старой закалки, держала класс в ежовых рукавицах. Дисциплина была железная, и любой девятиклассник подчинялся раз и навсегда установленному школьному порядку. Александра Антоновна побывала дома у своих учеников, познакомилась с родителями. Уроки посвящала тщательному и глубокому изучению произведений школьной программы. Понимала характеры ребят и воспитывала всех вместе и каждого в отдельности. Постоянно была начеку, готовая к любым неожиданностям трудного подросткового возраста.

Но вот ближе к весне произошло совершенно неожиданное событие. Александра Антоновна заболела.

Староста Саша Туровский вбежал в класс в конце перемены, и с трудом затормозив у доски, выпалил, тере-

бя непокорную шевелюру:

- Эй, слушайте! Александра заболела! Что-то с сердцем! - он растерянно переводил взгляд с одного удивленного лица на другое.

- Вот это да! Ура-а! Здорово! Погуляем вволю! - раздались возгласы из разных концов класса.

После уроков Саша Туровский подошел к Кате и сказал начальственным тоном:

- Принято решение навестить Александру. Все-таки она наш классный руководитель. Собираемся поехать к ней в выходной день. Я тебя записываю. Твоя какая фамилия? - спросил он, лукаво прищурившись, и черкнул что-то на длинном листе бумаги.

Катя открыла рот, чтобы отказаться, но тут же закрыла его, так как разговаривать было не с кем. Сашин командирский голос раздавался уже в противоположном конце класса.

Дело в том, что она не любила Александру Антоновну. И если бы удалось уклониться, Катя ни за что не поехала бы ее навещать. Но она часто не могла сказать «нет», особенно, когда говорили категорично, не допуская возражений, как бы заранее все за нее решив. Катя не только не любила, на даже побаивалась Александру Антоновну. Как казалось Кате, учительница нещадно придиралась к ней и часто бывала несправедлива.

И еще. Кате не нравилось безжалостное прямодушие Александры. Она никогда не сглаживала острые углы и говорила в глаза самые неприятные вещи.

Поставив перед собой очередной объект «проработки», слегка ссутулившись и вытянув вперед шею, Александра изрекала пронзительным, громким голосом, сжав руку в кулак и отбивая выпуклым обручальным кольцом по столу ритм своей гневной речи. Валик на темени послушно колыхался взад и вперед:

- Ты, Гайдуллин, русского языка не знаешь и, видимо, уже никогда не узнаешь! Что ты тут написал?! – и она тыкала острым ногтем в тетрадь, продырявливая почти насквозь тонкую линованную бумагу. – «По вечерам мы сидим на диване и смотрим телек». Какой такой «телек» я тебя спрашиваю?! Такого слова в русском языке нет!!! Есть слово – те-ле ви-зор! Ты понял?!

Густо покрасневший Гайдуллин стоял, низко опустив голову. Уши его пылали.

- Если не справишься, отправим тебя в ПТУ! Ясно?! Я завтра же зайду к твоим родителям!

Витя Гайдуллин жил с Катей в одном подъезде. Отец его работал дворником. У них было девять человек детей. А мать по-русски, кажется, совсем не говорила.

И вот однажды 9-б взбунтовался.

Третью неделю подряд Александра Антоновна заставляла ребят мыть после уроков пол в коридоре третьего этажа. По заведенному графику убираться должны были 9-а и 9-в, но их классным руководителям удалось отбиться у директора школы от неприятной обязанности в награду за то, что классы заняли первое и второе места на школьной олимпиаде по математике.

Класс Александры Антоновны занял первое место на олимпиаде по русскому языку и литературе, но принципиальная Александра Антоновна к директору школы не пошла, и никаких поблажек 9-б не получил.

На тайном совещании у ворот школы, прошедшем под председательством Саши Туровского, было единогласно решено – пол не мыть и даже не подметать, а оставить грязным, как есть.

На следующий день, яростно раздувая ноздри, в класс влетела Александра Антоновна. Она встала пря-

мо, высоко подняв голову, как генерал перед строем солдат, и отбивая по столу обручальным кольцом оглушительную барабанную дробь, произнесла раздельно:

- Здрав-ствуй-те, сви-ньи!!!

Свиньи молчали, потупив рыльца в землю. Ни оправдательного хрюканья, ни заискивающего виляния хвостиками. Тишина.

Но безмолвное сопротивление несправедливости все же принесло свои плоды. 9-а и 9-в пришлось убирать коридор две недели подряд, вычищая пол жесткими тряпками из грубой мешковины, накрученными на тяжелые, щетинистые швабры.

У Кати были, конечно, и свои, личные причины недолюбливать Александру. Когда в классе или на дом задавали написать сочинение, Катя всегда выбирала «свободную» тему.

Она доверяла тетради, как близкому другу, свои по-юношески горячие, бескомпромиссные мысли и суждения.

Александра, раздавая проверенные сочинения, вызывала Катю к учительскому столу.

- Катя Шевцова! – и, разглаживая ребром ладони тетрадь, выговаривала не спеша. - Ты, Шевцова, любишь только свои собственные взгляды излагать, и выводы зачастую делаешь скоропалительные. Чтобы зрело и правильно рассуждать, необходим жизненный опыт, взвешенность. А поскольку жизненного опыта у тебя недостаточно, существуют книги, которые великие писатели сочинили. Они тебя как бы заранее к жизни готовят. Вот, дескать, посмотри, как герои литературных произведений поступали, и что из этого получилось. А ты, Шевцова, все торопишься высказать что-то. Только еще особенно нечего высказывать-то. Учиться надо! И

о «Герое нашего времени» тоже неплохо бы подумать! Да и внимательности у тебя явно не хватает. Грамматическая дисциплина хромает. Буквы пропускаешь, как в первом классе! Позор! Ну, все! Садись! За литературу - пять, а за грамматику - три.

Катя вздыхала и, чувствуя, как горит ее лицо, быстро проходила на место. Садилась, подперев щеки кулаками и, стараясь ни на кого не смотреть, открывала тетрадь, где ей сразу в глаза бросалась ошибка - «школа», вместо «школа». И, правда - позор!

Но Александра тоже хороша! Могла бы промолчать, а не выставлять перед всем классом.

А на новогоднем вечере случилось вообще светопреставление. Ребята переодевались в классе в карнавальные костюмы. Сначала – девочки, потом – мальчики. Оставив одежду и сумки на столах и стульях, собрались в коридоре, чтобы всем вместе спуститься в актовый зал, где вскоре начнется новогодний бал.

Александра задержалась в классе – необходимо было привести в порядок помещение, убрать все лишнее в ящик учительского стола и разложить в шкафу ненужные до конца зимних каникул учебные пособия.

Ребята стояли у окна, взволнованно пересмеиваясь и разглядывая исподтишка карнавальные костюмы друг друга.

Внезапно дверь распахнулась, и из нее выпрыгнула Александра с перекошенным лицом.

- Всем обратно в класс! – прошипела она, как пантера.

Ребята недоуменно переглянулись и стали заходить в помещение и рассаживаться по своим местам.

- Павел Бережной! Подойди ко мне! – прорычала Александра.

Пашка медленно, едва переставляя ноги и шаркая подошвами о деревянный пол, заковылял к учительскому столу.

- Что это?! – снова перешла на шипение Александра и, вытащив из-за спины, высоко подняла над головой пол-литровую бутылку «Столичной». - Эту водку я нашла в сумке Бережного. Я случайно задела ее, бутылка выпала и свалилась мне на ногу! – объяснила Александра появление в своей руке злополучной поллитровки.

В классе воцарилась мертвая тишина.

- Ты что же, Павел, из школы хочешь вылететь?! – гаркнула Александра в лицо ученику, который был уже почти на голову выше ее. – Что же! Я могу тебе это устроить! Я немедленно доложу директору о случившемся! С тобой будут разбираться на педсовете. А ты прекрасно знаешь, чем это обычно кончается! Что же ты такое делаешь?! - яростно продолжала Александра. Она сжала руку в кулак, и Кате показалось, что Александра сейчас ударит этим кулаком Пашку по голове. Но кулак пронесся в сантиметрах от Пашкиного лица, и знаменитое обручальное кольцо обрушилось со всей своей сокрушительной силой на учительский стол. Как будто прогремел выстрел. – Хочешь стать алкоголиком, как твой отец?! Да?! До этого докатиться недолго! Подумай о своей матери! Несчастливая женщина будет жить с двумя пьяницами! Она и так работает, не разгибая спины. А твой отец все пропивает! – в словах Александры слышались отчаяние и безнадежность. Голос ее дрожал, и казалось, вот-вот сорвется от невероятного напряжения.

Класс в ужасе молчал. Такого еще не бывало. Что-бы не произошло, Александра никогда не докладывала о случившемся директору школы. А теперь? Пропал Пашка! Выгонят из школы за милую душу!

- Разрешите мне сказать пару слов, Александра Антоновна? – это Саша Туровский поднялся со своего места и заговорил, торопливо, глотая слова. – Не докладывайте, пожалуйста, директору. Такое больше не повторится. Я ручаюсь! Мы возьмем Пашку на поруки. Я буду с ним физикой заниматься. И другие тоже помогут. Правда, ребята?

- Да! Да! Конечно! – загудел класс.

- Только не докладывайте директору, Александра Антоновна! – повторил Саша. – Павел ведь учится неплохо. Он может даже в приличный институт поступить. А если его из школы выгонят, что же он будет делать? - И, потупившись, добавил, нажимая на слабое место Александры: – Ведь мама его мечтает, чтобы Павел высшее образование получил!

Саша хорошо знал семью Павла. Они дружили. Большинство учеников в классе были из хороших, крепких семей, где родители серьезно относились к воспитанию детей, твердой рукой направляли их на правильный путь. Но у некоторых семьи были неблагополучные. Безотцовщина, пьянство. Но что радовало учителей – ребята дружили вперемежку, не делясь на группы по образованию и положению родителей.

Александра Антоновна молчала. Подбородок ее дрожал. Она рухнула на стул, не выпуская из рук злосчастную бутылку.

- Идите в актовЫй зал, - сказала она глухо.

Ребята гуськом потянулись к двери. У самого выхода Катя оглянулась. Александра Антоновна сидела за столом, положив голову на сложенные руки. Плечи ее вздрагивали.

Директору школы Александра докладывать не стала. Явилась к Пашке домой и долго говорила с родителями. Мать плакала, обещала следить за сыном. Отец

молчал. Пашке было жалко мать, и он злился на Александра, что та рассказала о случае с бутылкой.

Наступил выходной, и Катя решила все-таки поехать к учительнице. Она не удивилась, увидев, что к воротам школы пришло всего человек десять, хотя Саша записал на свой листок почти полкласса. Многие нашли всякие уважительные причины, ну а большинство – просто не поехали, и все. Ребята подождали немного у чугунной решетки опаздывающих и по команде своего жоака, окружив его шумной стайкой, направились к метро.

Александра жила далеко - в новом, недавно застроенном районе. Только месяц назад получила квартиру. Даже телефона у нее еще не было.

Саша Туровский заранее взял у завуча адрес учительницы и узнал, как быстрее добраться до нужной улицы.

Перепрыгивая через синие весенние лужи, Катя вдруг вспомнила, что она впервые увидела улыбку Александры, когда та сообщила классу, что наконец ей предоставили отдельную, однокомнатную квартиру – с просторной кухней, в новом доме – и что скоро они с мужем туда переедут из своей коммуналки в центре Москвы, где они жили с пятью соседями.

- О такой квартире я не могла и мечтать! – сказала Александра и улыбнулась.

И улыбка эта поразила Катю. Мягкая, добрая – она на короткое мгновение осветила лицо Александры, обычно строгое, со сжатыми в тонкую полоску губами.

Переходя по деревянным мосточкам от одного дома-близнеца к другому, ребята не без труда нашли нужную. многоэтажку. Дороги еще не успели заасфальтировать, и их дружной компании время от времени

приходилось хлюпать ногами по серой, жидкой грязи и обходить горы строительного мусора.

Войдя в еще пахнувший свежей краской подъезд, ребята в два приема поднялись в лифте на девятый этаж. Позвонили в нужную квартиру. Дверь неожиданно быстро распахнулась. На пороге предстала Александра Антоновна – в синем, домашнем байковом халате и туго повязанной на голове косынке. Она, видимо, ждала кого-то. Но не своих учеников.

За ее спиной, поперек коридора, на блестящем новом линолеуме лежал небольшой мужичок в серых брюках и белой рубашке. Он был мертвецки пьян и бормотал что-то невнятное. Ребята в смущении попятились.

Но только минуту длилось замешательство Александры Антоновны. Она решительно распахнула дверь.

- Входите! – сказала Александра. – Мальчики: Саша, Петя, Володя и Денис, обратилась она к своим ученикам. – Оттащите его на кухню! – Александра указала пальцем на мужичка. – Там стоит раскладушка. Положим на нее.

Привыкнув выполнять все распоряжения своего классного руководителя, мальчики, даже с какой-то радостной готовностью, бросились претворять в жизнь и это, не сосем обычное поручение.

Девочки тоже подключились. Они взяли Александра Антоновича за волочившиеся по полу ноги в желтых ботинках, приподняли их, и вместе с мальчиками потащили мужа учительницы на кухню. Александра Антоновна показывала им дорогу:

- Осторожней! Не ударьте его головой! Здесь острый угол. Теперь чуть-чуть приподнимите его – и на раскладушку!

Несмотря на малый рост, муж Александры Антоновны оказался довольно тяжелым. Тело его сильно про-

висло. Рубашка выбилась из брюк и белым хвостом скользила по полу. Голова безжизненно болталась из стороны в сторону. Из рта вылетали какие-то непонятные короткие слова.

- Замолчи сейчас же! – рявкнула Александра Антоновна.

Ее муж покорно умолк. Ребята с трудом взвалили его на зеленую парусиновую раскладушку.

- Катя, принеси из комнаты красное одеяло! – строго, как в классе распорядилась Александра. Оно на диване лежит.

Катя стрелой бросилась в комнату, схватила одеяло, отнесла на кухню и протянула его учительнице. Заботливо укрыв мужа, Александра Антоновна облегченно вздохнула и сказала:

- Ну, вот и все. Пусть проспится. А мы сейчас чай будем пить!

Она доставала из кухонного буфета печенье, сухари, конфеты, варенье и передавала девочкам. Те, осторожно обходя свисающие с раскладушки ноги Александра Антоновича, относили угощение в комнату и расставляли на столе.

Мальчики нарезали хлеб, поставили на плиту чайник. А когда вода закипела, Александра Антоновна вручила им желтую коробочку с нарисованным на ней слоном:

- Индийский – очень хороший! – с гордостью объявила она, и ребята заварили крепкий, душистый чай.

Общими усилиями обеденный стол был придвинут к дивану, и все расселись по росту – кто повыше – на диван, остальные – на стульях и табуретках.

Александра Антоновна разливала по чашкам чай и говорила резко, отчеканивая каждое слово, как на родительском собрании:

- Я ему так и сказала. Ты, Александр Антонович, -

пропащий человек, пьяница и алкоголик. Всю нашу жизнь утопил в вине. И даже свои ордена и медали пропил! Ничего от тебя не осталось. Ты – ноль! А ведь был ведущий инженер, герой войны! А теперь – что?! – и она безнадежно махнула рукой в сторону кухни.

Закончив свою речь, Александра тяжело вздохнула, опустила на стул и, не смотря ни на кого, принялась раздавать наполненные чашки.

Ребята сидели, потупив глаза, в неловком молчании. Из кухни доносилось жалобное завывание и горестное оханье.

Александра вдруг встрепенулась, и глаза ее загорелись:
- Знаете что, ребята! У меня появилась идея! Почему бы нам не устроить особенный классный вечер? Пусть каждый самостоятельно испечет что-нибудь к чаю – печенье или торт и поделится рецептом со своими товарищами. И мальчики и девочки! Вот будет замечательно! Вы ведь почти взрослые. Не успеете и глазом моргнуть – семьями обзаведетесь!

Ребята захихикали.

- А что? – Александра Антоновна раскраснелась. – К семейной жизни надо заранее готовиться! Это дело, ох, какое сложное!

В понедельник утром прозвенел звонок, и в класс широкими шагами, прямая, как стрела, вошла Александра Антоновна.

- Ну что, отдохнули от меня! – начала она, как обычно резко. Но вдруг осеклась и выговорила четко и спокойно, по-учительски:

- Здравствуйте, дети!

И начался урок.

ПРОСТАЯ КОШКА

- У вашего мальчика - глисты! - доктор посмотрела на Лидию строгим взглядом поверх очков. - У вас есть домашние животные: кошки, собаки?

- Есть - кошка Мурка, - тихо ответила Лидия.

- На улицу выпускаете? - спросила врач.

- Да. Мы ее с улицы и подобрали маленьким котенком. Она привыкла. Мы на первом этаже живем. Так она через форточку приходит и уходит.

- Ликвидировать! - не терпящим возражения тоном объявила врач. - Ребенок болезненный, ослабленный. Посмотрите, какой худой да бледный! - она посмотрела на притихшего Мишу. - Да еще глисты из него соки высасывают! А с кошкой в доме мы с этой проблемой не справимся. Вот так. Ликвидировать - и точка! А вы, мамаша, сомневаетесь, что ли? - врач окинула внимательным взглядом Лидию, молча сидевшую на кончике стула. - Что кошка какая-то особенная? Сибирская?

- Да нет. Кошка простая, гладкошерстная. Только любит он ее без памяти. Жить без нее не может ни минуты. И она его тоже. После школы встречает, ластится. Днем ведь это единственное живое существо в доме. Мы - то с мужем только вечером приходим. Она и по утрам его будит. Прыгнет на кровать и начинает его лапками пихать и мурлыкать так громко - звонче любого будильника.

- Здоровье дороже! - прервала ее врач. Вот рецепт. Через месяц зайдете. Сделаем еще анализ. А кошку - ликвидировать! - крикнула она вслед Лидии, которая выходила из кабинета, крепко держа за руку сына.

Не проронив ни слова, они вышли из поликлиники. У остановки автобуса Миша поднял на мать полные слез глаза:

- Мамочка, я прошу тебя - не лик-ви-ди-ро-вай Мурку! - с трудом выговорил он трудное слово. - Я буду руки мыть десять раз в день с мылом и горячей водой! И лекарства буду любые принимать - даже самые горькие! И без всяких уговоров! Только оставь Мурку, пожалуйста! Мамочка! Ведь она мне - друг! Больше даже, чем Петька!

- Мы поговорим об этом дома, Миша! - сказала мать, как можно строже, хотя жалость к сыну больно сжимала ее сердце. Но в душе она твердо решила избавиться от Мурки. «Здоровье дороже!» - повторила она про себя слова врача и вздохнула.

Первая мысль Лидии была поговорить с тетей Клавой. Тетя любила кошек и к Мурке относилась очень хорошо. Когда приходила в гости, всегда приносила гостинец - куриную печенку, до которой Мурка была большая охотница. И потом весь вечер играла с ней бумажкой, привязанной к длинной суровой нитке. И жила тетя Клава тоже на первом этаже. Так что для Мурки там были все условия. Но, позвонив тете Клаве, Лидия узнала, что она собирается лечь в больницу на месяц или два - стало барахлить сердце. А что дальше будет - тоже неизвестно.

Больше подходящих кандидатур у Лидии не было. И она, скрипя сердцем, решила отнести Мурку во двор мясного магазина. Недалеко - остановки две от их дома. К магазину прибудило много уличных кошек, и Лидия подумала, что Мурка - кошка умная, не пропадет. Во всяком случае, голодная не будет.

В выходной день, воспользовавшись тем, что Миша ушел гулять, Лидия достала из шкафа глубокую хозяйственную сумку и положила на дно мягкую тряпку. Посадила в сумку Мурку и вышла к остановке автобуса. Мурка на удивление всю дорогу вела себя тихо,

не мяукала, из сумки не вылезала и, казалось, даже не дышала. А у Лидии сердце колотилось так сильно, что даже в ушах гудело. Она чувствовала себя почти преступницей, хладнокровно предающей лучшего друга своего сына.

Пройдя через арку во двор магазина, Лидия вытряхнула Мурку из сумки. Мурка по кошачьей привычке принялась обнюхивать все вокруг себя, тревожно постукивая по асфальту хвостом. Лидия, не в силах смотреть на Мишину любимицу, развернулась и быстро зашагала к остановке. На углу она остановилась и оглянулась. Мурка была на том же месте, посреди двора. Лидии показалось, что кошка смотрит на нее с укором, но с места не двигается. Лидия решительно тряхнула головой и поспешила к прибывающему автобусу.

Вечером Миша стал спрашивать родителей: «Где Мурка?» Они молчали. А мать отвела глаза в сторону и шмыгнула носом. Тогда Миша решил больше никого не спрашивать, чтобы не узнать о Мурке что-нибудь страшное, а просто терпеливо ждать. Перед ужином он тщательно помыл руки горячей водой, подошел к матери и показал ей чистые, бело-розовые ладошки.

- Молодец! - сказала мать и погладила его по голове.

Прошло два дня. Вечером Лидия приехала с работы домой и положила у порога тяжелые сумки с продуктами. Затеками пальцами она открывала тугий, непослушный замок и вдруг услышала за дверью веселый голос сына:

- Мама! Мама! Мурка вернулась! Она нашлась! Не волнуйся! Теперь все будет хорошо!

Лидия толкнула дверь и увидела Мишу, стоящего у самого порога. Он счастливо улыбался. Мурка обнимала его цепкими лапками за шею. Ее гибкое тело спускалось Мише почти до колен. А длинный хвост отбарабанивал по полу радостную дробь.

Лидия налила кошке полное блюдце молока. Мурка вылакала все до последней капли и даже усердно вылизала блюдце. Потом благодарно мяукнула, рухнула на свой коврик и принялась чистить розовым язычком испачканные грязью лапы и хвост.

Ночью, ворочаясь в постели, Лидия спрашивала мужа:

- Юр, ну куда же ее отнести, чтобы она не могла найти дорогу обратно?

- Отнеси на кладбище, - сказал муж сонным голосом.

- Говорят, кладбищенские кошки тоже неплохо живут.

В воскресенье Лидия снова погрузила Мурку в хозяйственную сумку, села в трамвай и поехала к Ваганьковскому кладбищу. На этот раз кошка иногда высовывала из сумки круглую зеленоглазую головку и, прижав уши, принюхивалась к незнакомым трамвайным запахам.

На кладбище Лидия взяла Мурку под мягкое, потолстевшее брюхо, вытащила из сумки и опустила на молодую околomoгильную травку. Мурка не стала изводить Лидию тяжелыми минутами прощания. Она потянула воздух, подпрыгнула легко и скрылась в густых кустах, растущих за чугунной оградой.

Лидия облегченно вздохнула и вернулась домой веселее, чем в прошлый раз. С сумкой, набитой свежей весенней зеленью, купленной на Ваганьковском рынке - редиской, зеленым луком, укропом.

Прошла неделя. Мурка не возвращалась. В выходной день Миша, набывчившись и громко сопя носом, играл с отцом в шашки. О Мурке он не спрашивал ни слова. Но за короткую неделю как-то повзрослел и часто не по-детски тяжело вздыхал.

Лидия сидела на диване и пришивала пуговицу к Мишиной рубашке. Она старалась не думать о Мурке, отгоняя от себя грустные мысли. Главное - она сделала так, как велела врач, выполнила ее указание. Теперь

Миша начнет поправляться, исчезнут синяки под глазами, и на щеках появится румянец. А летом...

Не успела Лидия додумать приятную мысль о приближающихся летних каникулах, как что-то взерошенное, лохматое стукнулось о стекло, потом еще и еще раз. Наконец, с трудом вскарабкавшись на форточку, в комнату ввалилась Мурка. Вид у нее был изрядно потрепанный. Одно ухо надорвано, из хвоста и загривка выдраны клочья шерсти, к лапам прилипли комочки земли. Но она стояла посреди комнаты, задрав свой тощий хвост, и громко и радостно мяукала.

Миша с криком: «Мурочка моя!» - бросился к кошке, но мать остановила его грозным окриком: «Миша! Нельзя! Не трогай ее! Она грязная!» Но увидев, что лицо сына исказилось плаксивой гримасой, смягчилась и добавила уже спокойнее:

- Мы ее сейчас помоем, покормим, а потом ты ее погладишь. Хорошо?

Несколько дней Лидия придумывала, как избавиться от этой необыкновенной кошки, которая непостижимым образом находила дорогу домой за многие километры. Лидия представляла, как Мурка пробиралась по городу через незнакомые дворы и улицы, полные снующих машин, трамваев и автобусов. Украдкой, таясь за кустами, жалась к стенам домов, старалась проскользнуть мимо хулиганов-мальчишек с камнями в кулаках и рогатками в карманах.

Наконец, Лидия придумала. Она вспомнила о соседке по лестничной площадке, молодой особе, по имени Люся Бубенцова. Лидия иногда забежала к ней занять соли или лаврового листа. Люся заходила к ним тоже. Чаще всего за хлебом, который, порой, забывала купить.

Лидия знала, что Люся работает далеко, где-то на противоположном конце Москвы. Она жаловалась, что

тратит много времени на дорогу. Но зато добиралась Люся до работы только одним транспортом - автобусом. Лидия решила попросить соседку отвезти Мурку на противоположный конец Москвы и выпустить там с миром. Купив коробку мармелада в шоколаде, Лидия направилась к Люсе. Повела ее Муркину историю и свою просьбу. Люся неожиданно легко согласилась:

- Для меня данная проблема никакой сложности не представляет, - витиевато изъяснилась Люся. - Давайте сюда ваше животное.

Все. Мурка исчезла. «Теперь уже навсегда», - думала Лидия. А Миша помрачнел, молчал, насупившись, и даже руки забывал мыть. Приходилось матери ему напоминать.

И вот уже почти две недели минуло с того дня, как Лидия отнесла кошку Люсе. Как-то вечером, придя с работы, Лидия открыла холодильник и увидела, что там нет ни сыра, ни яиц. И мужа кормить на завтрак нечем. Она решила сбегать в ближайший продовольственный магазин, пока он еще не закрылся. Миша увязался за ней.

По дороге они зашли в булочную, и Лидия купила сыну тульский пряник. Чтобы Миша грязными руками его не хватал, она завернула пряник в захваченную из дома салфетку. Они пошли дальше. День был весенний, длинный. Вечер светлый, теплый. К магазину примыкал небольшой скверик и игровая площадка с качелями и каруселями.

- Мам, можно я в магазин не пойду, а на площадке поиграю, на качелях покачаюсь? - спросил Миша.

- Хорошо, иди, - сказала Лидия. - Только с площадки - никуда, ни шагу в сторону!

- Ладно! - крикнул Миша, убегая.

Лидия поднялась по ступенькам в магазин. Ей при-

шлось долго стоять в очереди. Стало смеркаться, и она начала волноваться о Мише. Выйдя с покупками из дверей магазина, Лидия обшарила глазами игровую площадку. Она была пуста. От волнения сердце у нее ушло в пятки, и перехватило дыхание.

Но вдруг Лидия услышала, как совсем рядом кто-то тихо, тихо плачет, как бы жалобно поскуливает. Она повернула голову и увидела сына. Миша стоял на коленях перед железной решеткой, закрывающей глубокий проем подвального помещения магазина.

А там, внизу, на задних лапках, опершись передними о стену, стояла Мурка и широко открывала рот. Но мяуканье было такое слабенькое, что его почти не было слышно из глубины подвала.

Миша, всхлипывая, отламывал маленькие кусочки пряника и бросал вниз своей верной хвостатой подружке. Но она не обращала на пищу никакого внимания. Приподняв исхудавшую мордочку, кошка жалобно смотрела на Мишу круглыми зелеными глазами. Она вытягивалась всем телом и пыталась выбраться, тщетно цепляясь коготками за гладкую бетонную стену.

Когда Миша с мамой возвращались домой, густые сумерки уже опустились на город. Миша помогал маме нести пакет, в котором тихо копошилась Мурка. Он старался идти быстро и, улыбаясь в темноте, думал: «Как хорошо, что мама захватила с собой запасную сумку!...»

ПОВЕСТИ

НЕ СКУЧАЙ!

Белоснежный красавец-теплоход издал басовитый гудок и, грузно покачиваясь на волнах, медленно отходил от причала.

Из репродуктора неслась веселая мелодия:

Ах, белый теплоход! Бегущая вода,

Уносишь ты меня, скажи куда?

Стараясь перекричать гудок и репродуктор, провожающие посылали вслед теплоходу свои прощальные слова и напутствия: «До свидания, до свидания!», «Прекрасного отдыха!», «Счастливого плавания!», «Отличной погоды!».

Лариса стояла на верхней палубе, обняв сынишку, Андрея, за плечи. Она видела на причале машущего рукой мужа и даже, кажется, различала его голос в шуме толпы: «Андрюша, не скучай! Слушайся маму! Отдыхайте хорошо!»

Андрей крикнул в ответ:

- Ты тоже не скучай, папа! Мы скоро вернемся! Всего четырнадцать дней! Правда, мама? - он поднял голову и вопросительно посмотрел на мать.

- Да, всего четырнадцать дней, - подтвердила Лариса.

Она улыбалась мужу и махала в ответ. Но сердце ее билось в волнении. И так было всегда, когда она отправлялась путешествовать на теплоходе. Почему, она сама не знала. У нее возникало странное чувство, как будто они уплывают в далекие, неизвестные края и никогда не вернуться обратно. Поэтому, хотя губы ее улыбались, но на душе было беспокойно.

«Какая глупость! - думала она. - Мы ведь не в первый раз путешествуем по Волге! И ничего - всегда приплывали обратно!» И она продолжала махать удаляющейся

пестрой, почти уже неразличимой толпе.

Теплоход, словно набрав грудью побольше воздуха, издал еще один продолжительный хрипловатый гудок. Он прощался с родным причалом и большим кораблем, всегда остающемся на суше - зданием Речного вокзала.

Многопалубный, с высоким шпилем-мачтой, этот корабль был построен на твердой земле. Уже много лет он провожал в дальний путь теплоходы и терпеливо ждал их возвращения, но сам так никогда и не познал тревожную зыбкость воды и таинственную силу могучей реки.

- Пойдем, Андрюша. Надо чемодан распаковать и в ресторан записаться, - сказала Лариса.

По длинному коридору, застеленному пушистой ковровой дорожкой, они прошли в свою каюту.

Лариса уже разобрала вещи, аккуратно развесила их на плечиках и разложила по деревянным полкам небольшого шкафа, как вдруг раздался стук в дверь. Она открыла. На пороге, заслонив атлетической фигурой дверной проем, стоял мужчина лет тридцати пяти. Мальчишеское круглое лицо, неровный румянец и блеск серых глаз - как-то не совсем подходили к могучему сложению. Смущенно улыбнувшись, он заговорил:

- Извините, пожалуйста. Я из соседней каюты. Я видел, что вы тоже с ребенком. У вас нет случайно йода? Дочка коленку поцарапала. Жена много всяких лекарств положила, а про йод забыла.

Услышав про дочку, Лариса сразу прониклась сочувствием к отцу, взявшему на себя такую ответственность - путешествовать одному с ребенком.

- Проходите, пожалуйста. Йод у меня есть. Сейчас я достану, - она вытащила из сумки пузырек. - А ватка у вас есть? Или пластырь? - спросила она.

- Есть. Спасибо, - он взял пузырек и протянул Ларисе огромную ручищу:

- Меня зовут Аркадий.

- Лариса, - представилась она, протягивая руку и с опаской поглядывая на выпуклые мощные бицепсы, выпирающие из-под коротких рукавов рубашки.

Аркадий осторожно взял ее руку и легонько, как теннисный мячик, подбросил несколько раз в своих ладонях.

- А это - Андрей! - сказала Лариса, обняв сына за плечи.

- Здравствуй, Андрей! Тебе сколько лет?

- Шесть.

- А моей дочке, Маше, - пять. Вы с ней обязательно подружитесь! Она - отличный пацан!

- Вам помочь? - спросила Лариса и кивнула на пузырек с йодом, вспомнив, каких трудов ей всегда стоило уговорить Андрея помазать ранку йодом.

- Спасибо. Маша очень терпеливая. Впрочем, если бы вы могли присутствовать, было бы очень хорошо.

Аркадий направился в соседнюю каюту, Лариса - за ним, следом за ней - Андрей. В небольшой каюте у окна стояла крепенькая розовощекая девочка с огромным белым бантом в кудрявых волосах. В руках она держала головой вниз большую куклу. Длинные светлые косицы куклы болтались почти до пола, а широко раскрытые синие глаза удивленно, снизу вверх смотрели на вошедших.

- А вот и наша Маша! - улыбаясь, проговорил Аркадий. - Иди сюда, Машенька! - сказал он. - Дай мне свою коленку.

Аркадий присел на корточки, смочил кусок ваты йодом и стал осторожно смазывать царапину. Маша, даже глазом не моргнув, внимательно наблюдала, как царапина превращается в толстую коричневую полоску.

Довольный своей работой, Аркадий подул на ма-

ленькую круглую коленку хотя никакой необходимости в этом не было - ребенок не проронил ни звука.

- Ты, Машенька, просто молодец! - похвалила девочку Лариса.

Аркадий поднялся, протянул Ларисе пузырек и проговорил, улыбаясь:

- А знаете что, Лариса! Давайте вместе пойдем в ресторан записываться! Вместе веселее!

- А нам и так не скучно, - сказала она. - Ну, хорошо! Только мне нужно Андрюшу переодеть во что-нибудь легкое, да и себя тоже.

- Конечно, конечно! - сказал Аркадий. - Я зайду за вами минут через пятнадцать. Договорились?

- Да, - ответила Лариса.

Когда они вернулись в каюту, Андрей вдруг сказал:

- А помнишь, мама, когда я был в последний раз у бабушки, я палец порезал? Я тогда сам себе его йодом помазал!

- Ты у меня тоже молодец! - рассмеялась Лариса, потрепав сына за плечо.

Она достала из шкафа для Андрея светлую футболку и коротенькие шорты, а для себя - бирюзового цвета сарафан. Застегнула молнию на спине. С удовольствием осмотрела себя в узком зеркале: талия тонкая, совсем девчоночья. Пригладила щеткой русые, до плеч волосы. Слегка провела по губам розовой помадой. «Так то лучше!» - подумала она, придирчиво вглядываясь в свое отражение.

- Отдых нам необходим! - вслух сказала она. - Правда, Андрей? - и она ласково посмотрела на сына темно-кариыми, слегка удлинненными глазами.

В это время раздался стук в дверь.

- Мы сейчас! - крикнула Лариса, и взяв за руку Андрея, вышла из каюты.

Аркадий стоял у противоположной стены коридора. В его глазах блеснул восхищенный огонек. Он пропустил Ларису вперед, и она спиной почувствовала, что он разглядывает ее с головы до ног.

Они прошли в ресторан. Служащая в очках на остром носу ткнула карандашом в длинный стол, стоящий у окна.

- Вы хотите вместе сидеть? - строго спросила она и внимательно посмотрела на Ларису.

- Да, конечно! - быстро ответил Аркадий.

Лариса промолчала. Служащая внесла их в длинный список и выдала карточки с номером стола.

- Вы извините, Лариса, что я навязываю вам свое общество, - говорил Аркадий, заглядывая ей в глаза, когда они возвращались в свои каюты.

- Мне безразлично, за каким столом сидеть, - сказала она довольно холодно, но потом, смягчившись, добавила: - Правда, у окна есть свои преимущества. В промежутках между первым и вторым можно любоваться речными пейзажами.

Аркадий сразу повеселел и у двери в каюту снова обратился к Ларисе:

- А что вы собираетесь... - но, заметив, что она даже не повернула к нему голову, осекся и забормотал невразумительно:

- Сейчас у нас свободное время. Да? И каждый волен распоряжаться им по своему усмотрению. Верно?

Лариса молча кивнула, вошла в каюту и закрыла за собой дверь.

Когда Лариса с Андреем пришли на обед, Аркадий с Машей уже сидели за столом. Аркадий тут же поднялся с места и галантно подвинул Ларисе стул.

С ними за столом оказалась еще одна пара - профессора вида лысоватый мужчина с аккуратно постриженной бородкой и его супруга - величественная полная дама с белой, матовой кожей лица и густыми темно-рыжими волосами, уложенными на затылке в низкий пучок. «В молодости, наверное, была красавица», - подумала Лариса, наблюдая, как супруга профессора холеной, в кольцах рукой достает из стоящей посреди не стола корзинки тонкий ломтик белого хлеба.

- Петр Михайлович, - представился профессор.

- Лидия Арсеньевна, - медленно протянула его супруга.

Лариса ела суп, краем глаза неотрывно наблюдая за Андреем, который с любопытством рассматривал убранство ресторана и пассажиров, дружно работающих ложками. Лариса дотронулась до его руки и взглядом показала на тарелку с супом. Андрей начал вяло есть, и Ларисе приходилось, наклонившись к сыну, ежеминутно шептать:

- Откуси хлеб. Ешь картошку. Возьми огурец.

Аркадий, улыбаясь, поглядывал на нее. Ему не было никакой необходимости уговаривать или подгонять Машу. Она сидела за столом с набитым ртом и вытаращенными глазами и старательно, не спеша, дожевывала котлету.

- Что же ты так маму свою мучаешь? - обратился Аркадий к мальчику.

Андрей, надувшись, молчал. Лариса бросила на Аркадия недовольный взгляд. Он понял свою оплошность, изменил тон и стал напропалую расхваливать и первое, и второе, и с деланным аппетитом поедать все подряд.

- Учись, Андрей! Хорошо кушай, тогда и у тебя будут такие мускулы! - Аркадий напряг мышцы на руке и для

убедительности ткнул в них пальцем. Видишь, какие твердые!

- Ага! - сказал Андрей и приналег на суп, а потом и на котлеты с картошкой.

Лариса повеселела и, облегченно вздохнув, благодарно взглянула на Аркадия. Он широко улыбнулся в ответ и подмигнул Андрею:

- А что, Андрей, если нам в качестве поощрения пройтись по кораблю и посмотреть, как матросы несут свою нелегкую службу?

Андрей вопросительно взглянул на мать:

- Можно, мама?

- А мы и маму с собой возьмем и Машу! Женщин без присмотра никак нельзя оставлять!

- Правда? - удивился Андрей. - А почему?

- А вдруг какая-нибудь буря случится или шторм! Кто же их спасать будет?

- Мы! - важно ответил Андрей, выпятив грудь.

Лариса рассмеялась, взлохматила ему волосы на голове. Но он отстранился, недовольный таким проявлением материнской ласки и сказал басом:

- Мам! Не надо! Я уже не маленький!

Маша ухватила за руку Андрея, и дети вышли на палубу. Лариса с Аркадием - за ними.

Аркадий несколько раз делал попытки взять Ларису под руку, но она, незаметно прибавляя шаг, уходила вперед. Вздохнув, он смирился и уже просто шел рядом с ней, стараясь приноровить свои широкие шаги к ее легкой, скользкой походке.

Андрей, и правда, быстро подружился с Машей. Она была совсем не похожа на его знакомых девочек. Хотя она и таскала всюду за собой головой вниз свою куклу,

подметая светлыми косицами узорчатые ковры в коридорах теплохода, но никогда с ней не играла, предпочитая машины, танки и пистолеты.

Особенно восхищался Андрей умением Маши ловко складывать из газетных листов бумажные кораблики. Она и в каюту к ним чаще всего являлась, держа в одной руке куклу, а в другой - лист бумаги.

Маша раскладывала лист на нижней полке, и высунув кончик языка и вдохновенно сопя, своими маленькими, еще пухлыми детскими ручками, необыкновенно быстро сооружала очередное морское транспортное средство. Причем, каждый раз что-то новое - то парусник, то военный корабль, а то - простую рыбацкую лодку.

Закончив, она вручала кораблик Андрею, и тот, внимательно его рассмотрев, давал судну подходящее название: «Смелый», «Буря» или «Пионер». Потом брал в руки карандаш и кривыми печатными буквами старательно выводил на борту данное кораблю имя.

Иногда они с Машей играли в разведчиков и из засады вели наблюдение за капитаном, или каким-нибудь, выбранным для этой цели, пассажиром.

Если случалось, что Маша во время игры попадала в плен, она никогда не выдавала своих товарищей. Стояла молча, исподлобья посматривая на Андрея, который на допросе задавал ей разные коварные вопросы, например: «Из какого пункта вы плывете?» или «Назовите номер вашей каюты».

И вообще, она была молчалива, не трещала без умолку, а затаив дыхание, слушала Андрея, особенно, когда он рассказывал про деревню, где отдыхал летом и про разных диких зверей: зайцев, лисиц и даже волков, которых ему как-то раз пришлось увидеть. И еще, как однажды дедушка посадил его с собой верхом на лошадь, и они скакали далеко-далеко - до соседней деревни.

Спустя какое-то время, в каюту стучался Аркадий, и справившись у Ларисы, не мешает ли ей Маша, приглашал прогуляться по палубе.

Лариса обычно отдыхала от долгих экскурсий по старинным городам на верхней полке, погружившись в прихваченную в поездку книгу.

Отложив чтение, она спрыгивала вниз. Аркадий, как бы желая помочь, стремился, обхватив за талию, поймать ее в воздухе, но она ловко избегала западни, и соскакивала с полки, лишь слегка опираясь на его руку. Лариса одевала на сына легкую куртку с капюшоном, сама набрасывала на плечи пушистую, вязанную шаль. Они выходили на палубу и вглядывались в смутные очертания берегов и изредка мерцающие огоньки деревень и поселков.

Маша с Андреем вставали на цыпочки и, уткнувшись носом в перила, рассматривали поблескивающую далеко внизу реку.

Часто на корме устраивались танцы, и молодежь лихо отплясывала под грохот современных ритмов, оглашающих дремлющие берега непривычными звуками.

Лариса любила танцевать. Но, когда однажды Аркадий пригласил ее, она отказалась, сославшись на нежелание путаться в ногах у веселящейся молодежи. Аркадий удивленно взглянул на нее:

- Я не считаю ни вас, ни себя пожилыми людьми.

- После того, как я стала мамой, я ощущаю себя таким взро-о-слым, серьезным человеком, которому посещать легкомысленные танцульки уже негоже, - полшутя сказала Лариса.

- Можно танцевать танго. Думаю, танго не повредит вашей репутации серьезного человека.

- Но здесь таится другая опасность. Танго надо уметь исполнять по всем правилам, с особенными движения-

ми, поворотами. В противном случае, это уже не танец, а нечто совсем другое, - сказала она.

- Даже если это и так, ничего страшного нет. Зачем упускать возможность расслабиться и получить удовольствие! Я имею в виду танцы, конечно! – быстро добавил он. - Или я неправ?

Лариса не проронила ни слова. Двусмысленность его высказывания ей не понравилась. И она, тут же попросившись, взяла за руку Андрея и ушла в каюту.

Судя по вытянувшейся физиономии, Аркадий понял, что ляпнул что-то не то, и что с Ларисой надо быть начеку и обычные игривые намеки ни к чему хорошему не приводят.

В тот день Лариса с сыном после обеда не вернулись, как обычно, в каюту, а вышли на палубу. Лариса нетерпеливо вглядывалась в проплывающие мимо волжские берега. Сегодня по расписанию место стоянки теплохода - Плес.

- Скоро Плес, - сказала она Андрею, сжимая его маленькую ручку. – Ты помнишь, Андрюша, как там красиво!

- Помню, - неуверенно проговорил он.

Лариса вздохнула, вспомнив их первое знакомство с Плесом. Это произошло ровно год тому назад, когда она увидела городок с борта теплохода, медленно огибающего излучину реки.

Плес террасами поднимался вверх по поросшим густым лесом холмам - уютные белокаменные домики и церкви, по самые маковки утопающие в пышной зелени. Глубокие овраги и крутые обрывы разрезали возвышающийся над Волгой берег. Узкие мощеные улочки, словно горные ручьи, спускались со склонов холмов к

набережной. По обе стороны от пристани, белой крепостной стеной обрамляя ее, тянулись добротные, кирпичные особняки, тесно примыкающие друг к другу.

Они тогда не успели посетить музей Левитана - он был уже закрыт. И все оставшееся до отплытия время бродили по набережной, поднимались к величественному, белокаменному Успенскому собору. По старой деревянной лестнице забрались на высокую гору Левитана и смотрели вниз на мерно текущую реку, рыбацьи лодки, покачивающиеся у пристани и песочный пляж, золотившийся под теплыми лучами заходящего солнца.

Ларисе сейчас так не терпелось поскорее добраться до Плеса, что она принялась мысленно подталкивать их белоснежный красавец-теплоход и даже тащить его на ремнях, как знаменитые бурлаки.

Когда из-за поворота реки показался Плес, было уже поздно, и она поняла, что с мечтой посетить музей и на этот раз придется расстаться.

- Ну, ничего, побродим по городу, - утешила она себя и Андрея.

Они спустились на нижнюю палубу и подошли поближе к трапу. Там их уже ждал Аркадий, предусмотрительно занявший удобные места у самого выхода с теплохода.

Пропустив Ларису с Андреем вперед, Аркадий сказал:

- Здесь так красиво! Я хочу в музей Левитана зайти. Как вы думаете, Лариса, он еще открыт?

- Боюсь, что нет.

- Как жаль! - покачал головой Аркадий. - А может быть все-таки открыт? Если нет - так хотя бы дом увидеть, где Левитан жил. Правда?

- Да. Посмотреть дом вы, наверное, успеете.

- А вы мне покажите, как туда пройти?

- Мы с Андреем тоже туда собираемся.

- Да! Так значит, мы вместе пойдем! - обрадовался Аркадий. – Нам здорово повезло! Надеюсь, я не нарушил ваши планы? - вежливо поинтересовался он.

- Нет, нет! Что вы! - успокоила его Лариса.

Уже спускали трап, когда металлический голос из репродуктора объявил:

«Стоянка теплохода в Плесе тридцать минут. Просим пассажиров не опаздывать к отплытию».

- Так мало! - удивилась Лариса.

- Ночью туман был, задержал, вот из графика и выбились, - объяснил матрос, помогающий пассажирам сойти на берег.

- А сколько времени нужно, чтобы до музея добраться? - на всякий случай решила уточнить Лариса.

- Минут пятнадцать быстрым шагом, - ответил матрос.

- Так что же нам делать? – обратилась она к Аркадию, который тоже уже сошел с трапа на пирс. - Времени очень мало! Только-только туда и обратно!

Он посмотрел на дорогу, потом - на Ларису, потом - на дочку и сказал:

- Лариса, если вы согласны, пойдете! Что тут на пристани полчаса делать? А так у Левитана отметимся. Когда мы еще раз сюда выберемся! А Машу я, в крайнем случае, на руках понесу.

И уже больше не раздумывая и не теряя ни минуты, оба родителя вместе с детьми быстрыми шагами устремились вдоль набережной по дороге, ведущей к музею.

За ними следовала небольшая группа любителей Левитана с теплохода. Но скоро многие отстали, испугавшись опоздать к отплытию.

Лариса не хотела волновать сына чрезмерной спешкой, и поэтому двигалась, как спортсмены на соревнованиях по спортивной ходьбе - с большой скоростью, но стараясь не сбиться на бег.

У нее создалось впечатление, что они идут уже целый час, а набережной Плеса нет конца. Лариса с облегчением вздохнула, когда, наконец, увидела знакомый белый дом с мезонином.

Подойдя ближе, Лариса приникла к затемненным окнам. Внутри горел слабый дежурный свет, и ей показалось, что она разглядела стоящий посреди комнаты высокий мольберт.

Она провела рукой по прохладной каменной стене дома. Тронула медную ручку тяжелой двери.

Андрей сказал тихо:

- Мама, пойдем обратно, а то наш корабль уплывет.

Лариса отыскивала глазами Аркадия. Он разглядывал скульптурный портрет Левитана, установленный рядом с музеем. Он почувствовал ее взгляд, посмотрел на часы и взволнованно проговорил:

- Идемте скорее обратно! До отплытия осталось десять минут!

Лариса, не мешкая, крепко схватила сына за руку и, буквально, потащила за собой. Андрей изо всех сил старался не отставать, но скоро его ноги стали заплетаться, мальчик споткнулся и едва не потерял сандалию.

Аркадий обогнал их. Он бежал, как олень, высокими, длинными прыжками, почти замирая в воздухе. Дочку он держал подмышкой, и ее белый бант раскачивался из стороны в сторону.

«Вот если бы папа поплыл с нами, он тоже взял бы меня на руки», - думал Андрей, но вслух ничего не сказал, только крепко сжал губы, не желая терять силы на напрасные разговоры.

Аркадий обернулся и крикнул:

- Ларочка! Не волнуйтесь! Я задержу трап! Я их предупрежу! Вдруг он одним прыжком оказался рядом с Ларисой и выхватил у нее из рук Андрея. И уже с дву-

мя детьми подмышками помчался к пристани.

С ноги Андрея свалилась сандалия. Лариса подняла ее. У самого причала у нее перехватило дыхание и закололо в боку. Она остановилась, не в силах больше сделать ни шага.

Она видела, как Аркадий, передав детей собравшимся у трапа пассажирам, бежит к ней навстречу.

Он взял ее под руку и, приподнимая от земли, почти донес до трапа.

С трудом переводя дух, на ватных ногах Лариса шагнула на палубу. Аркадий поддержал ее за локоть.

- Это все из-за меня! Я, дурачина, виноват, что вам пришлось участвовать в таком марафоне! - корил себя Аркадий, огромным кулаком стуча себя в грудь.

Лариса старалась его утешить, и все еще тяжело дыша, сказала:

- Да вы не переживайте так, Аркадий! Мы бы все равно пошли к музею.

- Правда, Андрей? - обратилась она к сыну.

Андрей ничего не ответил. Он был так рад, что они успели на теплоход, что сразу же забыл и про музей, и про Левитана, и про свою свалившуюся сандалию.

- Мама, пойдем наверх, посмотрим на отплытие! Ну, пожалуйста! - попросил Андрей.

- Хорошо, - согласилась Лариса, хотя самое большое ее желание было - забраться в каюте на полку и лежать, закрыв глаза и не шевелясь.

Но как-то не хотелось отказывать сыну, и потом - как же, расставаться с Плесом и не взглянуть на него еще раз!

Они все вместе поднялись на верхнюю палубу. Лариса оперлась на поручни. Аркадий стоял рядом, касаясь плечом ее плеча. Андрей примостился с другой стороны, возле Маши, и они наперебой давали команды снующим внизу матросам. Скоро трап убрали, и теплоход,

медленно и как бы нехотя, отошел от причала.

Вечерние сумерки спускались на водную гладь и темнеющие берега. Пассажиры провожали глазами Плес - маленькие домишки, забирающиеся высоко на холмы и светящуюся золотистыми огоньками белокаменную набережную, и дом с мезонином под зеленой крышей, пока его еще можно было различить в быстро надвигающейся темноте.

- Мама! Мама! Мама! - раздался за спиной Ларисы капризный голос.

- В чем дело, Андрей! - слегка раздраженно спросила Лариса.

- Я хочу смотреть на Плес отсюда!

- Откуда - отсюда?

- Вот отсюда! - Андрей показал пальцем на место у перил между Ларисой и Аркадием.

- Пожалуйста! - удивленно сказала Лариса.

Андрей протиснулся между взрослыми и обеими руками раздвинул их подальше друг от друга.

- Ну что, теперь все нормально? - спросила Лариса сына.

- Да! - ответил Андрей.

Она посмотрела на Аркадия. Он понимающе улыбнулся в ответ.

Провожая взглядом удаляющийся берег, Лариса спросила:

- Вам нравится Плес?

- Еще как! - отвечал Аркадий, заглядывая ей в глаза.

В их матовой глубине отражались ночные огни теплохода. Аркадий повернулся лицом к Ларисе, спиной к берегу и продолжал:

- Он мне так нравится, что я глаз не могу от него оторвать! Вот так бы все время и смотрел на него! - А вы ведь, кажется, тоже к нему равнодушны? Или я оши-

баюсь? –спросил Аркадий, слегка улыбнувшись.

- Нет. Вы не ошибаетесь. Чудесный город! И я отношусь к нему хорошо, может быть, даже очень. Но не больше! - ответила Лариса.

- Вот было бы замечательно, если бы это путешествие никогда не кончалось! - говорил Аркадий. - И мы снова и снова приплывали к Плесу. И вы узнали бы его лучше, и может быть, даже полюбили по-настоящему.

- По-настоящему я люблю только один город - Москву, и как бы далеко не уезжала, всегда с нетерпением жду возвращения.

- На свете много прекрасных городов. Не хуже Москвы, а возможно, даже и лучше, - сказал Аркадий.

- Мне с такими встретиться пока не пришлось, - сказала Лариса.

После дня хождений по большим и малым городам и коротких стоянок у крошечных пристаней, где главной достопримечательностью был неизменный базар с деревянными столами-прилавками, у которых шла бойкая торговля огурцами, помидорами, дынями и непременно - вялеными рыбками разных размеров и цветов, обычно вечером в каюту Ларисы стучался Аркадий.

Держа за руку улыбающуюся Машу, он протягивал Андрею очередной гостинец - дыньку-колхозницу - упругий золотой шар, или вяленую рыбку с серебряной чешуей и красными крапинками по бокам.

Лариса говорила:

- Аркадий! У нас все это есть! Мы тоже с Андреем были на рынке.

Но Аркадий таинственным голосом начинал рассказывать, что эту дыню хозяйка все лето поливала водой с медом, поэтому она самая сладкая на всем базаре.

А маленькая рыбка, оказывается, живет глубоко, у самого дна и только раз в год поднимается на поверхность, и тогда ее можно поймать. А тот, кто съест эту рыбку, будет удачлив всю жизнь!

Он обращался к Андрею, но смотрел на Ларису, и когда ловил ее взгляд, в его глазах загорались яркие огоньки.

Слушая его истории, Лариса не могла удержаться от смеха, а Андрей говорил восхищенно:

- Вот здорово, мама! Я съем эту рыбку и тебя угощу, и на будущий год, может быть, нам повезет, и мы достанем билеты и поплывем по Каме! Помнишь, ты говорила: «Нет нам удачи!»

- Помню! - смеялась Лариса. – Ну, что ж, давай проверим волшебную рыбку. А вдруг она на самом деле не серебряная, а золотая! А? Как вы думаете, Аркадий?

- Очень может быть! Не все же ей старикам в невод попадаться! Молодым тоже счастье заполучить не помешает!

Лариса доставала из сумки купленную на том же базаре рыбку - не золотую, а простую. И они делили рыбки по родительски - спинки доставались Маше с Андреем, а ребрышки - Ларисе с Аркадием.

Лариса нарезала дыни тонкими, похожими на рыбацьи лодки кусками. И усаживала Машу с Андреем за маленький столик у окна. Ребята ели дыни наперегонки, строя друг другу смешные рожицы, и сладкий медовый сок стекал у них по подбородкам.

Как-то незаметно для себя Лариса оказалась, словно паутиной, окруженной вниманием Аркадия.

Она вдруг почувствовала себя не рабочей лошадкой, прыгающей с неподъемными сумками из автобуса в

метро, а слабой женщиной, нуждающейся в заботе и покровительстве.

Записи на экскурсии, лучшие места на вечерних концертах в музыкальном салоне, даже предохраняющая от солнца жокейская шапочка на ее голове - результат предусмотрительных забот Аркадия. Он с радостью предлагал Ларисе свою помощь, и опережая ее мысли, безошибочно угадывал, в чем она нуждается.

И вот она - самостоятельная работающая женщина, постепенно превращалась в маленького ребенка, почти такого, как Андрей или Маша.

А впрочем, может быть, она и в самом деле была маленьким беззащитным ребенком и только притворялась взрослой мудрой женщиной. Кто знает?

И это превращение происходило как бы по ее собственной воле. Ее желания были главной движущей силой! А она - Лариса - центр вселенной! «Непостижимо! - думала она. - Просто китайская принцесса и только!»

Ей пришлось признаться себе, что она довольно быстро привыкла к ненавязчивому вниманию и недокучливой заботе и даже ждала... Да, ждала! Когда раздастся стук в дверь, и войдет Аркадий и с серьезным выражением лица начнет рассказывать что-то Андрею, не сводя глаз с нее. При этом его глаза и губы говорили разные вещи, и ей было приятно и немного смешно.

Молодые женщины на теплоходе поглядывали на Аркадия. Такой интересный мужчина! Великолепная фигура! И один! Вам не скучно? Он не обращал внимание или отшучивался. Дескать, отец-одиночка, скучать некогда - за ребенком нужно смотреть.

Но, однажды, в ресторане две разодетые красотки знаками пригласили его за свой стол. Аркадий подо-

шел к ним и, облокотившись на спинку стула одной из них - яркой брюнетки, стал о чем-то оживленно разговаривать, искоса поглядывая на Ларису.

В это время к Ларисе подошла полная дама, сидящая за соседним столом, и спросила, не возражает ли она, если Андрей поиграет с ее сыном.

- Они ведь ровесники. Им наверняка будет интересно! - сказала дама.

- Конечно! Пусть играют! - ответила Лариса.

Она встала и направилась к выходу. Мальчик лет шести-семи шел рядом с Андреем, показывая ему на ходу какую-то занимательную электронную игру.

Как только Аркадий заметил, что Лариса с Андреем уходят, он сразу же прервал разговор, наспех извинился, схватил Машу за руку и бросился вслед за ними. Догнал в коридоре, наклонился к Андрею и тихо, почти шепотом, сказал:

- Помнишь, я обещал тебе настоящие военные часы-компас показать? Хочешь, пойдем сейчас в нашу каюту. Они у меня на полке лежат.

- Конечно, хочу! - воскликнул Андрей.

Он взял Аркадия за руку и вприпрыжку побежал к каюте. За ними семенила Маша. Лариса вздохнула и, извинившись перед дамой, последовала за Машей. «Что за ребячество!» - думала она.

В Нижнем Новгороде, спустившись с трапа на пристань, Лариса сказала Аркадию:

- Я была в Нижнем несколько раз, поэтому мы с Андреем в город не пойдем, а только поднимемся на Чакаловскую лестницу, а потом заглянем в Строгановскую церковь. Ну, пока!

Он моментально из огорченного вида сделал равно-

душно-веселый и сказал:

- Счастливой прогулки! До встречи под нашими алыми парусами!

Но встреча произошла значительно раньше. Приближаясь к Строгановской церкви, Лариса заметила знакомую фигуру, маячившую у подножья высокого холма, на котором расположился нарядный краснокирпичный храм, причудливо украшенный кружевными каменными узорами .

- А мы с Машей тоже сюда забрели. Говорят, здесь интересный музей хохломской росписи, - говорил Аркадий. -Мы вам не помешаем? - спросил он, искоса взглянув на Ларису.

- Конечно, нет! - вежливо ответила она.

Андрей подошел к Маше и взял ее за руку.

- Пошли! - сказал он.

Они важно зашагали впереди взрослых. Андрей, захлебываясь, рассказывал Маше о знаменитом летчике Чкалове и его героических полетах.

Лариса с Аркадием шли молча. Молчание было какое-то натянутое, неестественное. Как будто старые, ни к чему не обязывающие слова были уже произнесены. Словесные хитросплетения только все путали. А другие слова - откровенные и прямые, оставались еще под запретным замком.

Чтобы прервать затянувшуюся паузу, Лариса достала из сумочки фотоаппарат и стала примериваться, стараясь захватить в объектив всю церковь - от основания до вершины.

- Знаете что, Лариса! - вдруг сказал Аркадий, и глаза его заискрились.- Заберитесь с Андреем вот на этот камень, и я сфотографирую вас на фоне церкви. Она вся уместится и вы тоже!

- Это вы прекрасно придумали! - обрадовалась Лариса.

Она посадила Андрея на высокий серый камень. Аркадий помог ей забраться наверх. Лариса встала рядом с сыном, обняла его за плечи и улыбнулась в объектив.

- Замечательно! - сказал Аркадий и щелкнул затвором.

Он отдал фотоаппарат Маше, осторожно снял Андрея с камня и поставил его рядом с дочкой. Повернулся к Ларисе и серьезно, без улыбки, смотрел, как она безуспешно пытается спуститься вниз с крутого, почти отвесного камня.

- Давайте, я вам помогу, - сказал он, подойдя ближе.

- Нет, нет! Не надо! Я сама! - заволновалась Лариса, пытаясь отыскать какой-нибудь выступ, на который можно было бы опереться ногой. Но не найдя ничего подходящего, приготовилась прыгнуть на землю.

- Не прыгайте! Это опасно! Вы можете ногу сломать! - запротестовал Аркадий. - Не бойтесь. Все будет нормально, - сказал он и поднял вверх руки. - Обопритесь мне на плечи!

Лариса наклонилась и собралась, упираясь в плечи Аркадия, соскользнуть на землю. Но он не дал ей этого сделать. Подхватил ее на руки и замер, не двигаясь и не отпуская ее.

Сердце у Ларисы бешено заколотилось, в ушах зашумело. Крепость, которой она себя окружила, оказалась сделанной из песка и рухнула от одного только прикосновения. Ничего непреодолимого между ними на самом деле не было. И принадлежала она в эту минуту не себе, не сыну, не мужу, а ему - едва знакомому мужчине, который бережно и властно держал ее в своих руках.

- Мама! Пойдем на корабль! Я пить хочу! - услышала она недовольный голос Андрея.

Аркадий медленно опустил Ларису в узкое пространство между камнем и собою, и она невольно уткнулась носом в его грудь. Лариса решительно отстранила Ар-

кадия от себя ладонями, освободилась из тесных объятий и, избегая его взгляда, подошла к сыну. Оправляя платье, нарочито весело сказала:

- Пойдем, Андрюша! Может быть, ты сока хочешь? Давай, зайдем в магазин, и я куплю тебе яблочный или виноградный.

- Нет! - упрямо заявил Андрей. - Я хочу на корабль!

Она взяла его за руку и стала спускаться к набережной. Пройдя несколько шагов, Лариса оглянулась и увидела, что Аркадий стоит, прислонившись спиной к камню, скрестив руки на груди, и смотрит ей вслед.

Лариса махнула ему рукой, и уже больше не оборачиваясь, поспешила к теплоходу. Она быстро разгадала эту странную историю с фотографией на фоне Строгановской церкви. «Он давно упрямо искал случая взять меня на руки. Зачем? - думала она. - Теперь ясно! Для того, чтобы я почувствовала, что все возможно, допустимо, и даже почти решено. И чтобы я поняла это сама, без единого его слова».

Аркадий догнал их у трапа. Они, молча, поднялись на палубу. Открывая ключом дверь каюты, Аркадий сказал тихо:

- Знаете, Ларочка, я купил очень интересный альбом по древнерусскому искусству. Давайте посмотрим его сегодня вечером, после того, как вы Андрюшу уложите. В моей каюте или в вашей. Хорошо? Маша спит очень крепко, мы ее не разбудим.

Голос его звучал мягко и вкрадчиво.

Лариса посмотрела Аркадию в глаза и сказала, четко выговаривая каждое слово:

- Я устала. Хочу раньше лечь спать. Альбом посмотрим завтра. При свете дня. Так будет лучше.

- Я понимаю, - спокойно ответил он. - Завтра - так завтра!

Лариса напоила Андрея водой из графина, взглянула в его погрузневшее лицо и сказала:

- Не скучай, Андрюша! Мы уже сделали поворот. Дальше к Москве поплывем - к папе! Скоро отплытие. Будешь смотреть? - спросила она.

- Что-то не хочется, мама, - сказал Андрей. - Давай в каюте останемся.

- А что же мы будем делать? - удивленно спросила Лариса.

- А ты расскажи мне что-нибудь про папу. Помнишь, ты мне рассказывала, как папа, когда был почти таким как я, ехал от бабушки в метро и потерялся? Как он бегал от платформы к платформе - не знал, в какую сторону ему ехать. А потом встал посередине станции и сказал себе: «Не трусь!» и стал читать, что написано на вывесках. Он ведь умел читать. Ему уже восемь лет было. Вот он и нашел название остановки, где он жил, где был его дом, и где мама с папой его ждали и волновались. И он сел в поезд и поехал в правильную сторону. И как все потом были рады, что он нашел свой дом - и мама, и папа, и бабушка, и что они снова все вместе... Ты ведь не забыла об этом, мама?

- Я все очень хорошо помню! Не волнуйся, сынок! - сказала Лариса и поцеловала сына в круглый вихрастый затылок.

ЖАСМИНОВЫЙ КАРНАВАЛ

1

Автобусы громко просигналили и остановились. Из открывшихся дверей высыпали дети и, собравшись группками, с любопытством осматривались по сторонам. Ребят подвезли к основному корпусу лесной школы, где им предстояло провести лето – целых три месяца.

Надя уже не в первый раз была в лесной школе и хорошо помнила, как когда-то маме объяснял врач, что лесная школа – «это специальное оздоровительное учреждение для ослабленных, часто болеющих детей, с отличным питанием, медицинским обслуживанием и условиями проживания намного лучшими, чем в обычном пионерском лагере».

В дороге Надя познакомилась с темноволосой девочкой, сидевшей рядом с ней в автобусе. Девочку звали Тамара. Разговорившись, они с удивлением обнаружили, что Тамара живет на Красной Пресне – там же, где и бабушка Нади – их дома располагались совсем близко друг от друга.

Надя с Тамарой стояли у автобуса, когда к ним подошла невысокая, спортивного сложения девочка, с коротко постриженными рыжеватыми волосами и большими серо-зелеными глазами. Она решительно протиснулась между девочками и спросила, оглядывая каждую с головы до ног:

– Вам сколько лет? Мне – четырнадцать. А тебе? – обратилась она к Наде.

– Мне – тринадцать.

– А тебе?

– Четырнадцать, – ответила Тамара.

– Давайте вместе в палату попросимся. Вы мне приходите, – уверенно заявила она. – Меня Валею зовут. Мне сказали, что палаты здесь на четверых. Трое у нас уже есть. Осталось четвертую найти.

Надя, широко открыв глаза, смотрела на бойкую девочку, которая так легко завязывает знакомства, и точно знает, что она хочет. «Я бы так не смогла, – думала Надя. – Стояла бы, как пешка, и ждала, когда кто-нибудь за меня все решит».

Она осматривала корпус и не могла не восхищаться прекрасным строением. Старинная, темного дерева, трехэтажная усадьба, была похожа на корабль. Через верхние этажи по всей длине дома, как широкие палубы, тянулись крытые балконы-террасы. Большие, светлые окна блестели. Крышу украшал резной деревянный бортик из полукруглых, кружевных кокошников. Дверь усадьбы выходила на крыльцо-веранду, к которому поднималась массивная лестница с широкими перилами.

Детей позвали в корпус. Девочки открыли тяжелые дубовые двери и замерли от изумления. Просторный вестибюль блистал хрустальными люстрами и зеркалами. На полу лежал пушистый узорчатый ковер. Покрытая красной ковровой дорожкой лестница поднималась на верхние этажи. На каждой площадке стояли высокие, до самого потолка, зеркала в старинных деревянных рамах, украшенных резными виноградными гроздьями и цветами.

Девочки получили у дежурной номер своей палаты и поднялись на второй этаж. К своему удивлению, в комнате они увидели некую особу, укладывающую вещи в прикроватную тумбочку. Она выпрямилась и поздоровалась: – Здравствуйте. Меня зовут Соня.

Надя смотрела на нее с восхищением. Соня выгляде-

ла не как девочка, а как уже вполне сформировавшаяся девушка, с округлыми плечами, пышной грудью и белыми полными руками. Вьющиеся смольные волосы были собраны на затылке красной лентой. Черные с поволокой глаза смотрели томно.

– А тебе сколько лет? – спросила Валя.

– Шестнадцать. А что?

– А ничего. Ты, значит, из самой старшей группы.

– Да. Эта школа для детей среднего и старшего школьного возраста, а в палаты расселяют независимо от того, кому сколько лет, – объяснила Соня и, наклонившись, продолжала раскладывать вещи.

Валя внимательно осмотрела комнату, потом подошла к Наде, взяла ее за руку и подвела к стоящей в углу возле стены кровати.

– Тебе нравится? Это хорошее место, – сказала она.

Надя кивнула. Она, правда, не знала, чем это место уж такое хорошее, но позже поняла. Если отвернуться лицом к стене, то можно представить, что ты в комнате одна, и никто тебя не видит, и можно скрыться от всех, не спать и думать о своем. Надю сначала удивила Валина забота, но, когда она узнала, что у Вали есть две маленькие сестры и брат, привычка заботиться о младших уже не казалась ей странной.

Тамара заняла кровать у самого окна, а Валя – у противоположной стены.

Палата была большая, светлая, паркетный пол тщательно натерт, у каждой кровати лежали мягкие узорчатые коврики. У стены возвышался вместительный трехстворчатый шкаф с зеркалом. В центре комнаты – круглый стол, застеленный кружевной скатертью.

Надя подошла к окну и стала смотреть на широкий балкон, сквозь решетку которого пробивались с улицы ветки жасмина и сирени.

- Тебя как зовут? – спросила ее Соня.
- Надя, – ответила она и спросила, показав на толстый том, лежащий на тумбочке: – А это что за книга?
- «Анна Каренина» Толстого. Ты читала?
- Нет еще.
- Хочешь, почитай. Очень интересная.

2

Надя достала из чемодана и переделалась в розовое, по-детски короткое платье, с круглым воротничком и двумя кармашками на лифе, скрадывающими ее маленькую, едва наметившуюся грудь. Поправила туго заплетенные светлые косички с белыми капроновыми бантами – уже не ребенок, но еще и не девушка. «Гадкий утенок» – так называла ее соседка по квартире. Но при разговоре с мамой на кухне добавляла, что день, когда гадкий утенок превратится в прекрасного лебедя, уже не за горами.

– Девочки! На медосмотр! – раздался в коридоре зычный женский голос.

Все вместе, вчетвером они спустились на первый этаж, где в кабинет врача выстроилась длинная очередь из разновозрастных девочек. Мальчики уже прошли медосмотр и расселись на перилах лестницы, разглядывая девочек и громко обсуждая их достоинства и недостатки.

– А кто проводит медосмотр? – спросила Надя.

– Главный врач – Николай Савельевич, – ответила всезнающая Валя. – А с ним старшая медсестра – Полина Федоровна. А ты что, трусишь? – спросила она Надю. – Не бойся – зубы сверлить не будут!

Надя, и правда, не любила медицинских осмотров, чувствовала себя в кабинете врача уязвимой, незащищенной, даже с мамой, а тут – совершенно одна. Незаметно подошла их очередь.

– Трое заходите, – выглянула из-за двери Полина Федоровна. Они вошли: Надя, Валя и Тамара.

– Раздевайтесь до пояса! – приказала Полина Федоровна.

Медсестра измерила их рост, взвесила на весах. Записала данные в медицинскую карточку. Захватив карточки с собой, повела девочек к доктору.

– Агатова Надежда, тринадцать лет, – прочитала она, открыв Надину карточку.

– Здравствуй, курнося! – весело сказал врач.

И хотя Надя точно знала, что нос у нее совершенно не курносый, она улыбнулась. Впервые в сознательной жизни ее осматривал мужчина, и она, стесняясь, прикрывала грудь локтями. Но Николай Савельевич так смешил Надю своими шутками, что она незаметно успокоилась и даже искоса разглядывала его.

Николай Савельевич, главный врач лесной школы, был похож на доктора Айболита из сказки Чуковского – сухонький, седовласый старичок, с аккуратно подстриженной бородкой клинышком, в пенсне, через стекла которого добродушно поблескивали небольшие светлые глаза.

Он приставил к ее груди стетоскоп:

– Дыши! Не дыши! Замечательно! Повернись спиной! Дыши! Не дыши! Прелестно!

От напряжения Надя ссутулилась, и острые лопатки проступили сквозь тонкую кожу.

– А вот сутулиться не хорошо! – сказал Николай Савельевич, распрямляя ей спину. – Для барышни осанка – самое главное! Да-с!

Доктор наклонился, приложил пальцы одной руки к ее спине и стал постукивать по ним пальцами другой.

– Недурно! – заключил он. – Какой рост, вес? – спросил он у Полины Федоровны и, услышав ответ, взял

Надину карточку и поставил на обложке жирную красную галку.

Прощаясь, Николай Савельевич сказал Наде:

– А вас, любезная моя, прошу раз в неделю ко мне на осмотр. Вот так-с!

Направляясь к выходу, она услышала, как Николай Савельевич давал медсестре указания измерять Тамаре каждое утро температуру.

Девочки вышли из кабинета слегка озадаченные. Тамаре тоже поставили красную отметку на карточке. И что это означает, не знала даже Валя. Но подругам недолго пришлось ждать случая, когда странная тайна была раскрыта.

Наступило время обеда. Здание столовой располагалось недалеко от корпуса. Внутри помещение было светлое, уютное. Легкие тюлевые занавески на окнах, белые скатерти на столах, цветы сирени в маленьких вазочках. К ним за стол посадили незнакомую девочку из младшей группы. «А Соня, наверное, обедает со старшими ребятами в другом конце столовой», – подумала Надя.

Принесли суп. Поболтав в нем немного ложкой, Надя отодвинула тарелку.

– Агатова! Ты съела только три ложки супа! – раздался за спиной возмущенный голос.

От неожиданности Надя подпрыгнула на стуле, чуть не опрокинув на себя тарелку. Она оглянулась. За спиной стояла медсестра Полина Федоровна и грозно смотрела на нее.

– Нужно съесть десять ложек! – приказала она. – Считай!

Надя начала считать, стараясь в каждую ложку набирать поменьше супа.

– Полных ложек! – уточнила Полина Федоровна.

На второе принесли горячее жаркое – мясо с картошкой. Надя неохотно ковыряла вилкой, стараясь раздавить картошку и превратить ее в пюре, чтобы невозможно было сосчитать, сколько картошек она съела.

А Тамара съела только картошку, оставив мясо на тарелке.

– Тамара! Все! Мясо! Съесть! – раздельно, с ударением на каждом слове проговорила Полина Федоровна.

Надя с Тамарой переглянулись. Теперь они поняли, что означают жирные красные галки, которые поставил Николай Савельевич на их медицинских карточках.

На третье принесли розовый клюквенный мусс со сладкой подливкой, такой вкусный, что заставлять его есть не было никакой необходимости. И Полина Федоровна величественно удалилась, чтобы доложить вездесущему Николаю Савельевичу о проделанной работе.

3

Из всех девочек, живущих с ней в одной палате, Соня выбрала в подружки, почему-то, Надю. «Но, если подумать, – рассуждала Надя, – то это вполне понятно. Тамара – грубовата. Валя – остра на язык и насмешлива».

А Надя любила и умела слушать. Затаив дыхание, внимала она Сониным сердечным тайнам, которые та поверяла, забравшись к Наде в постель, прижавшись молодым горячим телом и жарко нашептывая ей в самое ухо.

Сердечных тайн у Сони было много. Начитавшись увлекательных любовных романов, она горячо влюблялась почти каждый день в нового мальчика из своей группы, а однажды даже в инструктора по физкультуре, который по Надиным меркам был довольно старый – лет двадцать.

Соня настойчиво расспрашивала Надю, какой мальчик ей нравится. И бедной Наде пришлось просто-напросто обмануть подругу. Не могла же она признаться, что больше всего ей нравится взять за руки Тамару и Валю и гулять с ними по самым отдаленным уголкам бесконечного парка и слушать, как они поют разные душевные песни своими удивительными голосами: Валя – высоким, сильным, а Тамара – низким, глубоким, и даже подпевать им иногда тоненьким голоском.

Девочки знали много песен – и тех, что звучали по радио, и других, почему-то запрещенных, про любовь и измену, страдания и разлуку, какие передавались в те годы только из уст в уста.

Нет, Соня ни за что бы этому не поверила! И тогда Надя, перебрав всех мальчиков в группе, выбрала себе объект безответной любви – Костю Соколова. Это был очень серьезный мальчик со смуглым тонким лицом и удлиненным разрезом темных глаз. Когда бы Надя ни встречала Костю, он был или за шахматной доской, или с книжкой в руках.

Как-то раз, случайно разговорившись, Надя и Костя с удивлением обнаружили, что читали одну и ту же редкую книгу – «Борьба за огонь» Ж.. Рони – и очень обрадовались, что есть с кем обсудить необычайно увлекательные приключения первобытных людей.

Дальше этого разговора отношения не продвинулись, и Наде приходилось прилагать большие усилия, чтобы описывать Соне придуманные взгляды, слова, улыбки.

И вот однажды, забравшись к Наде в постель, Соня страшным шепотом объявила, что она окончательно и бесповоротно влюбилась в мальчика по имени Олег. Надя хорошо знала мальчика с таким именем – знаменитого на всю лесную школу сердцеда и задаваку. Рослый, плечистый Олег был старше многих мальчи-

шек и поэтому держался среди них вожаком. Каждое утро в окружении свиты приближенных к нему дружков, он стоял в вестибюле и встречал и провожал каждую проходящую девочку колкими замечаниями и насмешками.

Наде тоже доставалось от него. Он называл ее малявка, добавляя, что, поскольку ее детское платье такое короткое, хорошенькие ножки можно рассмотреть без труда. А, видя кармашки на лифе, справлялся, нельзя ли ему проверить содержимое этих почтовых ящиков.

Чтобы избежать этих обидных шуток, Надя старалась пробежать через вестибюль как можно быстрее, ссутулившись и обеими руками одергивая юбку. Наконец, не выдержав, написала письмо домой с просьбой привезти ей в родительский день длинное платье и без всяких карманов.

Олег считал себя неотразимым. У него была привычка небрежно отбрасывать со лба волнистые каштановые волосы, пристально смотреть серыми, окаймленными густыми ресницами глазами, и беззастенчиво разглядывать девочек с ног до головы.

Соня рассказывала Наде, что Олег заигрывает со всеми девчонками в ее отряде, делая вид, что ему нравится то одна, то другая, но, добившись ответного признания, тут же бросает бедную девочку, да еще потом смеется и издевается над ней. Девочки все это прекрасно знали, но устоять перед его злыми чарами не могли.

«И как только нежная, чувствительная Соня удосужилась влюбиться в такого противного типа?» – думала Надя.

Соня постепенно совсем теряла голову. Чтобы чаще встречаться с Олегом, она записалась с ним в одну теннисную секцию. Но своей медлительностью и неловкостью вызывала только постоянные насмешки Олега.

В столовой Соня попросила медсестру дать ей место за столом, где сидел Олег. Тут уж он совершенно распоясался: за обедом попрекал Соню каждым куском и злорадно предрекал ей скорое превращение в кустоди-евскую купчиху. Но Соня не теряла надежды.

И вот как-то раз, когда они на крыше корпуса принимали солнечные ванны, она обратилась к Наде с неожиданной просьбой.

Дни стояли жаркие, и Николай Савельевич, свято веривший в «целительную силу солнечной энергии», распорядился, чтобы девочки и мальчики попеременно принимали солнечные процедуры в специально оборудованном солярии. Там рядами поставили деревянные лежаки и покрыли их белыми махровыми полотенцами с круглой печатью «Лесная школа N».

На всех четырех углах крыши грозными стражами стояли медсестры, зорко наблюдая за тем, чтобы ни один безответственный хулиган не забрался на дерево и не подсматривал за лежащими в одних трусиках девочками. В центре солярия возвышалась Полина Федоровна с большими тренерскими часами на руке и через каждые пятнадцать минут зычно объявляла:

– Пер-ревор-рачиваемся!

Поскольку, «только строго дозированное солнечное облучение полезно для детского здоровья».

Так вот, когда девочки лежали на животе, уткнувшись носом в полотенце, Соня, пододвинула голову к Наде и шепотом спросила:

– Надя, ты можешь выполнить очень важную мою просьбу?

– Конечно! – легкомысленно согласилась Надя.

– Тогда передай, пожалуйста, от меня записку Олегу.

– Что?! – громко воскликнула Надя, чем вызвала недовольный взгляд Полины Федоровны.

– Да, да! Я очень тебя прошу! – шептала Соня. – Только тише, пожалуйста!

Надя, как огня, боялась Олега, его язвительных шуток, бесцеремонных вопросов. Но делать было нечего: она любила свою старшую подругу и не могла ей отказать.

На следующий день, Надя получила от Сони записку, и поклявшись, что читать ее не будет, отправилась на поиски Олега.

Она довольно быстро нашла мальчика. С ракеткой на плече он шагал на теннисный корт.

Догнав его, она окликнула:

– Олег!

Он обернулся.

– А, это ты, малявка! Что тебе от меня нужно?

Не обращая внимания на его грубый тон, Надя продолжила:

– Одна девочка просила меня передать тебе записку.

– Знаю, знаю, кто это девочка, – насмешливо улыбаясь, сказал он и добавил: – Я сейчас очень спешу. Принеси записку через полчаса. Знаешь скамейку около корпуса под кустом сирени?

– Знаю!

Надя обрадовалась, что Олег не послал ее куда-то дальше с этой злосчастной запиской и что просьбу Сони ей, возможно, удастся выполнить.

Через полчаса, когда она подошла к скамейке, Олег уже сидел там, насвистывая какую-то мелодию.

– Ну, микроб, давай послание!

Надя протянула ему сложенный листок. Олег небрежно развернул бумагу и начал читать. Записка была длинная, читал он ее долго. Потом скомкал, положил в карман брюк и поднялся со скамейки.

– А ответ? – неожиданно настойчиво спросила Надя.

– Ответа не будет!

– А когда будет? – опять спросила Надя.
– Никогда!
– Так что же мне передать этой девочке?
– Передай, – он наклонился к Наде, – что для нее лучший ответ – ни да, ни нет. Поняла, малявка!
– Воображала! – вдруг выскочило у Нади, и, показав Олегу язык, она побежала к корпусу.

В палате она застала Соню одну и все ей рассказала. Та почему-то обрадовалась словам Олега и благодарно чмокнула ошеломленную Надю в щеку. Тем не менее, Надя решительно заявила, что больше записок Олегу передавать не будет.

4

Наконец наступил родительский день! Единственный за все лето. Ребята с раннего утра толпились у ворот лесной школы.

За проходной тянулась бесконечная очередь родителей с сумками, кульками, баулами, жаждущих поскорее увидеть и обнять своих детей. Но никто не мог пройти на территорию лесной школы, минуя главный пост – проходную. Через открытую дверь было видно, что там производился тщательный досмотр родителей под руководством величественной Полины Федоровны и при внимательном наблюдении уважаемого Николая Савельевича.

Тщательному обследованию подвергалось все – сумки, мешки и даже карманы. Содержимое вываливалось на стол и только после скрупулезной проверки каждого предмета и куска пищи родителям позволялось собрать все обратно и пройти на территорию. С радостными криками: «Ниночка!», «Сашенька!», «Вовочка!» матери и отцы осыпали горячими поцелуями свое драгоценное дитя, повисшее на шее долгожданных родителей.

Исключений не было ни для кого, и проверочному

осмотру подвергались все – важные руководящие работники и служащие в шляпах и шелковых теннисках с женами в нарядных крепдешиновых платьях и простые рабочие в засаленных кепках и с несмываемыми следами мазута на руках.

В спорных случаях Полина Федоровна обращалась к Николаю Савельевичу, и тот провозглашал окончательное решение, предварительно исследовав «не повредит ли данный продукт здоровью ребенка и не слишком ли много в пакете сладостей, которые так разрушают детские зубы».

Пища, вызывающая сомнение, а также колбасы, сыры и другие скоропортящиеся продукты изымались железной рукой Полины Федоровны и складывались в специально выделенные для этой цели шкафы.

Надя увидела, что ее родители приблизились к проверочному пункту и подбежала к проходной. Как раз в это время Николай Савельевич отчитывал какого-то провинившегося родителя. Грозя сухоньким пальчиком одной руки и брезгливо, двумя пальцами другой держа за горлышко бутылку жигулевского пива, возмущенно говорил:

– Вы, милейший, наверное, забыли, куда приехали! Это вам не пивная! Это детское оздоровительное учреждение! И вести себя здесь нужно соответствующим образом! А какой пример вы подаете детям! – голос Николая Савельевича сорвался на фальцет.

«Милейший», понуро опустив голову и вытянув руки по швам, вяло оправдывался, проклиная про себя, наверное, «въедливого старикашку»:

– Да мы понимаем, не маленькие... Да я даже не знаю, как это получилось... Да в другой раз мы этого не допустим...

– Другого раза, слава Б-гу, не будет! Ну, все! – реши-

тельно закончил разговор Николай Савельевич, и добавил, смягчившись: – Идите, голубчик, а то ваш Вовочка от нетерпения уже прыгает у двери.

Родители Нади благополучно прошли досмотр, и она радостно бросилась к ним и крепко обняла отца и мать.

Они направились к корпусу. Отец шел, горделиво осматривая территорию лесной школы. Уютные, утопающие в зелени корпуса, тенистые аллеи и увитые плющом беседки. Ведь если бы не его упорство и настойчивость, а главное, уникальные очки, которые ему удалось достать для главного врача диспансера, вряд ли бы ему удалось отправить дочь в лучшую в Подмосковье лесную школу.

Они присели на скамейку в тени жасминовых кустов. Мать достала из сумки гостинцы: желтую, с розовыми бочками черешню, яблоки, маковые сушки, апельсиновое печенье, конфеты, несколько сушеных вобл и еще много чего в кульках и пакетах.

Родители спрашивали Надю о лесной школе; прежде всего, хорошо ли кормят, внимательные ли врачи и воспитатели, чисто ли в палатах, и сожалели, что, по распоряжению дирекции, они не могут зайти в корпус и посмотреть, как устроилась их дочь.

Отец вертел в руках выданную ему в проходной Николаем Савельичем справку, которая гласила, что «Надежда Агатова за проведенное в лесной школе время с... по... поправилась на триста грамм».

– Ты, Наденька, наверное, в туалет перед взвешиванием не успела сбегать, – пошутил отец.

Мать гладила ее по голове, рукам, плечам, ласково смотрела на дочь. Надя заметила, что ее лицо было бледное, осунувшееся.

– Мама, ты что, на работе сильно устаешь? – спросила Надя.

– Да поясница что-то стала часто болеть, – ответила

мать. – Врач растирания всякие выписал, но что-то не очень помогает.

– Мам, а вы привезли платье и туфли. Я вас в письме просила.

– Конечно, конечно, – спохватилась мать. – Леня, достань из сумки пакет, пожалуйста.

Наде очень понравились платья, они были достаточно длинные, до колен, с узким лифом и сильно расклешенной юбкой.

Наде пора была идти на обед. Отец и мать остались ждать ее на скамейке. Они тоже решили перекусить привезенными специально для этого румяными калорийными булочками и золотистыми, ароматными антоновскими яблоками.

Когда Надя вернулась, родители уже готовились уезжать. Они должны были покинуть лесную школу до мертвого часа.

Надя пошла проводить их до проходной. Ей вдруг стало очень грустно, захотелось домой, в привычную жизнь, без ранних подъемов, строгого распорядка дня и обязательных мероприятий. Она заметила, что у многих ребят, провожающих родителей, лица были печальные. «Наверное, тоже мечтают уехать», – подумала она. У ворот мать в последний раз обняла дочку, и слезы выступили у нее на глазах.

– Кушай, доченька, хорошо. Поправляйся. Не скучай. Пиши нам почаще. Следующим летом, может быть, опять в деревню поедешь.

А отец назидательно проговорил:

– Отдыхай, набирайся сил, Надежда, чтобы в следующем учебном году получать только пятерки!

– Постараюсь, – сказала Надя, вздохнув и подумав про себя, что вряд ли такое возможно.

Родители прошли через проходную за ворота, и она долго смотрела им вслед и махала рукой.

Во время обеда Полина Федоровна объявила:

– В воскресенье в лесной школе состоится «Жасминовый Карнавал»!

Время проведения «мероприятия», как назвала его старшая медсестра, было выбрано как нельзя удачно. Лесная школа утопала в цветущем жасмине. Белая пелена нежных цветов окутывала корпуса, беседки, площадки для игр. Тонкий, сильный аромат жасмина проникал повсюду: в палаты, коридоры, медицинские кабинеты, даже в столовую, смешиваясь с запахом пищи, и сердил поваров, мешая их нелегкой работе по приготовлению вкусных, аппетитно пахнущих блюд.

Огороженная высоким глухим забором, лесная школа напоминала жасминовый остров. Никто не знал, что происходит за этим забором, но внутри его царило пьянящее, праздничное возбуждение. Девочки украшали свои волосы цветками жасмина, а мальчики при каждом удобном случае задиристо наскокивали друг на друга.

Молодое, искрящееся вино искало выхода, и вот Николай Савельевич решил: пора организовать жасминовый карнавал. «Веселье и развлечения так полезны для здоровья детей!»

Активную Валу выбрали в комиссию по проведению карнавала, и она, не теряя времени, занялась обеспечением своих подружек нарядными костюмами. Из каких-то подвалов было извлечено немыслимое количество расшитых блестками юбок, бархатных плащей, масок, шляп с перьями, кружевных вееров.

Отобрав самое, на ее взгляд, лучшее, Валя принесла в палату огромную охапку костюмов и бросила их в кучу на свою кровать. Девочки принялись внимательно выбирать наряды.

Надя знала, что Соня возлагает большие надежды на карнавал и мечтает о том, что бы Олег пригласил ее на танец. Поэтому Соня очень тщательно подбирала себе костюм и остановилась на испанском: ярко-фиолетовая юбка с широкими красными оборками, обтягивающий лиф с глубоким вырезом, белый ажурный веер. Валя убежала куда-то и тут же вернулась с алой розой в руках и вколола ее Соне в темные кудри. Лиф платья немного жал, но Валя распустила его по бокам, и все сидело как нельзя лучше.

Надя с Тamarой восхищались Сониным костюмом, а Валя тем временем озабоченно рылась в куче, бормоча себе под нос:

– Надюша такая маленькая. Неужели ничего нет ей по росту?

Наконец, из-под самого низа она достала какой-то костюм.

– Кажется, это чешский, – сказала она, – должен быть тебе как раз в пору, – и она приложила к Наде пышную, короткую вишневого цвета атласную юбку с круглым белым, отделанным кружевом фартуком, розовую блузку с пышными рукавами-фонариками и черный бархатный корсаж, затягивающийся на талии золотой шнуровкой.

– У тебя есть подходящие туфли? – спросила Валя.

Надя молча достала из-под кровати и показала ей уже довольно стоптаные сандалии и красные босоножки.

– Не годится! – решительно заявила Валя и вынула из шкафа черные лаковые лодочки на небольшом каблучке.

– Померяй! – предложила она.

Наде лодочки были как раз в пору.

– А как же ты? – спросила она.

– У меня будет матросский костюм, – объяснила

Валя. – А нам, морякам, лодочки на ногах ни к чему – нас в море корабли ждут!

И она прошла по палате, как по палубе, по-матросски – вразвалочку, засунув руки в воображаемые карманы. Все так и покатились со смеху, упав на аккуратно убранные кровати.

Тамара выбрала себе костюм ночи – синее, расшитое звездами платье и темная прозрачная накидка на голову.

Накануне карнавала Надя ворочалась в кровати с боку на бок, стараясь заснуть. Валя с вечера закрутила ей волосы на твердые бигуди, которые врезались Наде то в ухо, то в шею, то в висок.

Валя раздобыла где-то коробку театрального грима, чтобы нарисовать себе усики, и несколько очков и полумасок, отделанных кружевом.

Все воскресение школа гудела, как разбуженный улей. Нянечки носились по корпусу со стульями и пластинками, медсестры украшали вестибюль и танцевальный зал букетами жасмина. Каждый уголок лесной школы – столовая, игровые площадки, беседки – были наряжены разноцветными гирляндами и мишурой. Пакетики с конфетти лежали на скамейках и стульях.

За закрытыми дверями палат раздавалось веселое хихиканье и дружный хохот. Шла примерка костюмов, грима, масок.

Среди этой суеты только Николай Савельевич и Полина Федоровна сохраняли полное спокойствие и важно шествовали из помещения в помещение, проверяя, все ли на месте и не забыта ли какая-нибудь важная мелочь. За ними, приосанившись, следовал аккордеонист дядя Петя. Сегодня он был главным по музыкальной части.

В Надиной палате все, кроме нее, были уже облачены в карнавальные костюмы, а она все бегала от подруж-

ки к подружке, помогая приладить цветок к волосам, закрепить ленту на бескозырке, потуже затянуть пояс на платье.

Наконец, наступила ее очередь. Надя натянула костюм, расправила белоснежные нижние юбки, затянула корсаж, распушила рукава. Валя посадила ее на стул перед зеркалом и расчесала туго завитые локоны. Взяла грим, мазнула по губам и щекам. Хотела подкрасить Наде брови, но, присмотревшись внимательно, сказала:

– И так темные!

Надя надела лаковые лодочки и девочки расступились, чтобы она могла взглянуть на себя в зеркало.

Надя смотрела и не могла узнать себя. Прелестное юное существо удивленно взирало на нее из зеркала. Темные карие глаза блестели, тонкие стрелчатые брови поднимались к вискам, яркие рябиновые губы подрагивали от улыбки, щеки пылали. Светлые, золотистые волосы пышными волнами спускались на плечи, непокорными кольцами вились у самого лба.

Не в силах поверить, что это – она, Надя потрогала себя за руки, потом за ноги. Девочки залились смехом.

– Надька! Это же правда – ты! – хохотала Валя.

Соня подошла и обняла Надю за плечи.

– Ну ты и хороша! – прошептала она. – Кто бы мог подумать?!

– А костюм-то как сидит! – с гордостью за свою добычу сказала Валя.

Надя перевела взгляд на костюм, но видела не его, а эту незнакомую девочку с тонкой талией, затянутой в бархатный корсаж. Розовая блузка с широким вырезом открывала хрупкие ключицы, мягкими сборками подчеркивала и увеличивала грудь. Из-под короткой юбки были видны стройные ножки и точеные колени. Валя протянула ей серебристую полумаску, отороченную

черным кружевом. Надя надела, закрепила резинку под волосами.

– Тебя, Надежда, никто не узнает! – уверенно сказала Соня, и девочки вышли из палаты, взволнованно посмеиваясь.

Когда они спустились в танцевальный зал, карнавал был уже в разгаре. Ребята, одетые в яркие костюмы, маски, широкополые шляпы, кружились в вихре танца по блестящему паркетному полу. Музыка, смех, звонкие голоса. Все это оглушило Надю, и она стояла у двери, не решаясь войти. Но к ней подскочил веселый трубочист в черном котелке с измазанной сажей физиономией и увлек ее в быстром вальсе в самую гущу танцующих. Все мелькало у Нади перед глазами, и она с удивлением и тайной радостью ловила на себе восхищенные и любопытные мальчишеские взгляды.

Подбежал Костя в гусарском костюме с эполетами, со смешными, приклеенными усиками и, церемонно поклонившись, пригласил ее на танец. Дядя Петя, широко развернув аккордеон, играл томительное и грустное танго «Брызги шампанского». Костя обнял Надю за талию и попытался привлечь к себе, но она отстранилась, упираясь в его плечо.

- Кто ты? - спросил он серьезно. - Как тебя зовут?

Надя молчала, улыбаясь. Она еще не научилась, не привыкла мучить мужскую половину человечества. Просто не хотелось, чтобы ее узнали. Надя была уверена, что завтра все кончится и она станет прежней Надей и кто-то снова, может быть, будет смеяться над ней или дразнить.

Танец закончился, но Костя стоял рядом и не уходил. Вдруг, какой-то высокий мальчишка в костюме мушкетера и в черной бархатной маске бесцеремонно отодвинул его и, не спрашивая Надю, утащил ее в центр зала.

Она успела увидеть, как Костя направился к стоящей у рояля Вале. Больше она ничего не видела. Высоко подпрыгивая и громко топая ногами, пары закружились в веселом ритме польки. Надя внезапно почувствовала, что сильные руки партнера приподняли ее от пола и он продолжает танцевать, держа ее, как куклу, на вытянутых руках.

- Э-эй! - недовольно крикнула Надя. - А ну-ка отпусти!

- А-а! Это ты, крошка! - узнала она голос Олега и увидела в разрезе маски серые смеющиеся глаза.

Надя вырвалась из рук Олега, выбежала из зала, через вестибюль - из корпуса на улицу. Она неслась по парку, не разбирая дороги, продиралась сквозь кусты, натыкалась на скамейки, отталкивалась от стволов деревьев. Сердце ее бешено колотилось, едва не выпрыгивало из груди. Наде хотелось убежать прочь от нового, незнакомого существа, которое незаметно выросло в ней и захватило ее чувства и мысли.

- Надя! - услышала она за собой голос Кости. - Поймай!

Но она припустилась бежать еще быстрее, потеряла маску, остановилась, с разбегу едва не врезавшись головой в беседку, и начала искать маску в траве. Подбежал Костя. Тяжело дыша, он, не улыбаясь, смотрел на нее.

- Надя! Ты что ищешь? - спросил Костя.

- Маска слетела и упала куда-то! - ответила Надя, и вдруг ей стало так смешно, что она начала безудержно хохотать, и чем больше она смеялась, тем легче становилось у нее на душе. - Теперь... я буду... совсем... без маски! - запинаясь, проговорила она и взглянула на Костю.

- Надя! Ты сегодня такая красивая! - все также серьезно сказал Костя.

- Я знаю! - ответила Надя и дотронулась рукой до безрезки, склонившейся к беседке.

Костя подошел ближе и накрыл своей ладонью ее руку, обнимавшую шершавый ствол.

- Пойдем обратно в зал, - сказала Надя.

Костя взял ее за руку, и она не отняла у него своей ладони. Они медленно, не произнеся больше ни слова, направились к корпусу. Из здания усадьбы доносились смех, музыка, веселые голоса жасминового карнавала. У самого входа Надя высвободила свою руку. Костя открыл дверь, и кто-то высыпал на них горсть разноцветных конфетти. Жасминовый карнавал продолжался.

6

Наде казалось, что со дня карнавала все изменилось в жизни лесной школы. Прежде всего она не узнавала себя. Надя подолгу стояла у зеркала, разглядывая свое отражение, даже утыкалась носом в гладкую, холодную поверхность, пытаясь разгадать, кто она, эта девочка, совсем непохожая на прежнюю Надю.

- Дырку просверлишь в зеркале! - смеялась Валя, но раз в неделю обязательно закручивала Надины светлые волосы на бигуди.

Подруги уже не гуляли втроем по старому парку. Валя познакомилась на карнавале с Лешей из старшей группы и целыми днями играла с ним в волейбол и настольный теннис.

Олег неожиданно притих и перестал задевать девочек в вестибюле, смотрел рассеянно вверх голов, погруженный в себя. Его дружки исчезли куда-то, и Надя видела, что даже в теннис он играет чаще всего один, отбивая мяч о стенку. Соня сказала, что он перестал ехидничать и дразнить ее и, как ей казалось, даже переменял к ней свое отношение. Но она все еще была

обижена на Олега за то, что он ни разу не пригласил ее на танец во время жасминового карнавала.

В теплые, погожие дни Николай Савельевич подолгу стоял на крыльце, протирая пенсне, и, прищурившись, наблюдал за парочками, гуляющими по аллеям.

Наде уже не надо было придумывать для Сони несуществующего романа. Она часто бродила с Костей по тенистому парку, рассказывая ему что-то или, затаив дыхание, слушая его. Надя узнала, что Костя мечтает стать летчиком, как его отец, который погиб несколько лет назад при испытании нового самолета. Они часто вспоминали жасминовый карнавал, и Костя, сокрушенно качая головой, говорил:

- Как это я тебя раньше не замечал! Мы столько времени потеряли!

Надя удивлялась его словам. Она еще не ощущала безвозвратного течения времени, и только настоящее и совсем недавнее прошлое имели значение для нее. Иногда, гуляя по парку, она вырывала у Кости из рук книгу и убегала от него. Он догонял ее, пытался отнять книгу, и они начинали бороться, соприкасаясь телами, руками. Он ловил ее руки и держал крепко, приблизив к себе. Они оба дышали тяжело, глаза их блестели. Вырвавшись, Надя оставляла книгу в руках у Кости, а сама убегала, находила какую-нибудь укромную скамейку и сидела там тихо, боясь пошевелиться. Но он находил ее, устраивался рядом, осторожно брал ее руку в свои ладони, и они долго сидели так в полном молчании, под сенью могучих, старых деревьев.

После отбоя, лежа в кровати и повернувшись к стенке, Надя вспоминала каждую минуту, проведенную с Костей: что он говорил, как смотрел на нее, как прикасался к ней, держал ее руку.

Надя ничего не рассказывала Соне. Это была тайна, ко-

торая принадлежала только ей и Косте - так думала она.

Лето подходило к концу. Как-то раз, выходя из корпуса, она лицом к лицу столкнулась с Олегом.

- А, это ты, малышка! - сказал он, загоразвивая ей проход.

Надя попыталась пронырнуть под его руками, но Олег схватил ее за локоть и сказал тихо заговорщическим тоном:

- У меня есть записка для Сони. Приходи на ту же скамейку возле сирени. Хорошо? - спросил он, глядя Наде прямо в глаза.

Надя, молча, кивнула. В душе она страшно обрадовалась. «Неужели Олег влюбился в Соню? Вот здорово!» - думала она.

Надя вернулась в палату, чтобы сообщить Соне эту потрясающую новость, но там никого не было. «Пусть для нее это будет сюрприз», - подумала Надя и вернулась в парк. На скамейке она увидела Олега.

- Где записка? - спросила она, подойдя ближе.

- Куда ты спешишь, крошка? Садись, поговорим.

Надя села на другой конец скамьи, подальше от Олега. Он усмехнулся.

- Где записка? - упрямо повторила Надя.

- Что же ты так переживаешь за Соню? - внезапно спросил Олег.

- Она моя подруга, - ответила Надя.

- Подруги хороши только до первого мальчика, который встанет между ними, - медленно проговорил Олег.

- Это неправда! Неправда! - запальчиво повторяла Надя. - Ты ничего не понимаешь!

- Вот увидишь, как я прав! - многозначительно промолвил Олег.

Он положил руку на спинку скамьи и дотронулся до Надиного плеча. Она вскочила.

- Давай записку, или я сейчас же уйду! - решительно заявила Надя.

- Не кипятись, дюймовочка, - сказал Олег примирительно. - Какая же ты еще маленькая, глупенькая!

Он достал из кармана и протянул Наде сложенный листок. Она взяла, но Олег крепко держал записку, не отпуская, перетягивая Надину руку к себе. Она вырвала листок и, показав Олегу язык, как в былые времена, побежала в корпус.

В палате Надя увидела Соню. Та собирала в большой пакет вещи из тумбочки. Соня уезжала из лесной школы на два дня раньше срока. Родители получили новую квартиру и забирали дочь в Москву.

- Соня, тебе Олег записку передал!

Надя размахивала листком, подпрыгивая на месте от нетерпения. Соня бросила пакет на кровать и схватила записку. Развернула и жадно принялась читать. Записка была короткая. Соня побледнела и, скомкав листок, бросила на тумбочку. А сама упала на кровать и расплакалась, уткнувшись в подушку.

- Соня, Сонечка, перестань! Что он написал тебе, дурак? - спрашивала Надя, тряся Соню за плечи.

- Возьми, прочитай, - сквозь слезы проговорила она.

Надя развернула листок. На нем крупными буквами было написано:

Кругла, красна лицом она,

Как эта глупая луна

На этом глупом небосклоне.

«Вот балда! – подумала Надя. - Зачем-то Пушкина пришел!»

- Успокойся, Соня! Ты - красавица! Умница! А он - грубый болван!

- Оставь меня одну, Надя, пожалуйста, - попросила Соня, не отрывая лица от подушки.

Надя вернулась в палату только вечером. На кровати Сони стоял раскрытый чемодан, и она сердито бросала в него свои вещи. Увидев вошедшую Надю, Соня зло посмотрела на нее и ледяным тоном сказала:

- Предательница!

- Что случилось, Соня? - недоуменно спрашивала Надя.

- Ты все выпытывала у меня, а сама за моей спиной строила ему глазки!

- Соня, что ты, опомнись! Никакие глазки я ему не строила! Да он мне и не нравится совсем!

Соня молчала и больше не произнесла ни единого слова.

Наде было больно, обидно, но она не знала, что сказать, не могла найти слов, чтобы утешить подругу, чтобы она поверила ей, Наде, больше, чем Олегу.

- Я поняла. Это он нарочно. Чтобы доказать, что он прав, - пробормотала она.

Соня ее не слушала. Затолкала собранный чемодан под кровать, разделась и легла спать. Надя слышала, как Соня долго ворочалась и тяжело вздыхала.

Утром ее кровать была пуста. Соня уехала до завтрака, ни с кем не попрощавшись.

Надя сидела на кровати, грустная, низко опустив голову. К ней подошла Валя и погладила по голове:

- Не переживай, Надюша. Все знают, что ты тут не причем. Просто этот Олег - мерзавец!

- Но Соня об этом знать не хочет, - тихо сказала Надя.

- Это не твоя вина, - ответила Валя.

От Валиных слов Наде стало немного легче.

- Девочки! Забирайте чемоданы! - раздался в коридоре голос нянечки.

Втроем они спустились в кладовую, вернулись в палату и засунули чемоданы под кровати. Подругам не

хотелось торопить расставание и, отложив сборы на завтра, они занялись своими обычными делами.

Когда Надя, причесывала волосы перед зеркалом, собираясь на обед, к ней сзади подошла Валя и обняла за плечи. Девочки стояли у зеркала и, улыбаясь, смотрели на свое отражение.

- А что, если бы это было волшебное зеркало, и мы могли бы увидеть свое будущее? Вот было бы здорово!
- сказала Валя.

- Ага! - согласилась Надя.

Она прощалась с лесной школой, и чувствовала, что оставляет здесь свое детство и навсегда расстается и с Костей, и со своими подругами - Валею и Тамарой.

Спустя несколько месяцев, в Москве ее разыскала Тамара. Они встретились в Краснопресненском парке и долго говорили, вспоминая время, проведенное в лесной школе. Расставаясь, девочки обещали звонить друг другу. Больше они уже никогда не виделись.

КРЫМСКАЯ ИСТОРИЯ

1

Началось все неудачно. Это было первое лето, когда Настя и Марина самостоятельно поехали отдыхать на юг. Они закончили первый курс института, и родители решили наградить их заслуженным отдыхом, без бдительного присмотра пап и мам.

Подруги выбрали Крым. Маринина мама, предварительно списавшись с хозяйкой, вручила им адрес в Алушке. Комната прекрасная, море рядом, столовая и магазины недалеко, и хозяйка добрая, гостеприимная.

И вот Марина и Настя, с чемоданами, стояли перед этой гостеприимной хозяйкой, которая говорила, что вчера сдала комнату, которая предназначалась им.

– Вы понимаете, девчата, – говорила краснощекая, дородная хозяйка, скрестив руки под мощной грудью. – Уж больно отдыхающие попались хорошие. Деньги большие заплатили и жить будут не четыре недели, а три месяца. Очень для меня подходящие.

– А как же мы? – спрашивала Марина. – Ведь мама с вами списалась, и вы обещали!

– Да, обещала, – соглашалась хозяйка. – Но отдыхающие попались уж очень хорошие, – повторяла она.

– Как же нам теперь быть? – говорила Марина. – Уже поздно, мы ничего не сможем себе найти!

– Да вы, девчата, не переживайте! Я вам уже место устроила. Пойдемте, покажу.

Она повела их во двор, где посередине участка они увидели нечто, огороженное с четырех сторон простынями.

– Пожалуйста, прошу! – сказала гостеприимная хозяйка, приподняв простыню.

Там стояли две раскладушки.

– Отдыхайте на здоровье! – заключила она и пошла в дом.

Настя с Мариной многозначительно переглянулись. Осмотревшись вокруг, они увидели, что во дворе имеется еще несколько подобных «комнат», огороженных простынями.

– А если дождь? – спросила сама себя Настя и посмотрела наверх. – Крыша у нас – небо. «Это ошен поэтишно! Ви помниль яблук в цвету?» – процитировала она «Приключения капитана Блада».

Но делать было нечего. «Утро вечера мудренее», – решили девушки и улеглись на еще влажные после стирки простыни.

Всю ночь кто-то кашлял в одном углу, в другом – долго и безутешно плакал ребенок.

Утром, едва проснувшись, Марина решительно объявила:

– Надо убраться из этой «вороньей слободки»!

– Куда? – задумчиво проговорила Настя. – Может быть, в Мисхор? Мы два года назад там с родителями отдыхали. Хозяева хорошие, гостеприимные! – она улыбнулась. – Вдруг у них есть свободная комната?

– Давай в Мисхор. Это недалеко, – согласилась Марина. – А в Алушке я оставаться не хочу!

Девушки подхватили чемоданы и, попрощавшись с удивленной хозяйкой, вышли на шоссе к остановке автобуса. Дорога была пустынна. Но вот показался автобус, который неторопливо ехал в противоположную сторону.

– Кажется, там дальше конечная остановка, и он скоро повернет обратно, – сказала Марина.

За автобусом, издавая страшные стреляющие звуки, промчался неизвестно откуда взявшийся мотоциклист,

высоко подпрыгивая на сиденье, как в седле норовистой лошади. Он скрылся за поворотом, но тут же вернулся обратно и со скрежетом остановился рядом, обдав их клубами желтой пыли. Это был парень лет тридцати – бронзово-загорелое лицо, белозубая улыбка.

– Привет, девчата!

– Здравствуйте!

– Вы приезжаете или уезжаете?

– Вот приехали.

– А вы откуда? – продолжал спрашивать загорелый парень.

– Из Москвы.

– Вот здорово! Я тоже из Москвы. А вы где в Москве живете?

– На Аэропорте.

– А я на Войковской! Надо же! Мы с вами почти соседи. На одной ветке метро живем! А вы что приуныли?

Парень спрашивал так участливо, говорил так сердечно, что они все ему рассказали.

– А знаете что? – задал он им хитрый вопрос. – Хотите в Симеиз? У хозяйки, моей зазнобы, – уточнил он, – комната освободилась очень хорошая. Она даже просила меня найти ей кого-нибудь поспокойнее. Вы ведь не шумные, девчата?

– Нет, мы тихие. А что такое Симеиз?

– Место замечательное. «Дикарей» не так много. Боятся приезжать. Кругом – туберкулезные санатории. Но у них отдельные пляжи. Ничего опасного нет. Парк красивый, пляж большой, танцплощадка.

– А столовая? – поинтересовалась практичная Марина.

– И столовая большая, новая. Маруся – хозяйку так зовут – чайником разрешает пользоваться. Ну что, поехали? Я вас отвезу. Меня Петром зовут. А вас?

– Настя.

– Марина.

– А как же мы вдвоем на мотоцикле уместимся? – сказала Настя, с сомнением разглядывая маленькое заднее сиденье. – Да я и не ездила ни разу на мотоцикле.

– Да это ничего! Я вас по очереди отвезу. Ну, решайтесь! Только я вас предупреждаю, что Маруся сначала на вас косо смотреть будет. Ревнует она меня зверски, особенно, к москвичкам. Но вы внимания не обращайтесь. Жизнь у нее трудная. Муж бросил. С ребенком оставил. Я вот третий год к ней на все лето приезжаю. Электриком на подстанции работаю. Она надежду на меня имеет. Вот и ревнует.

Петр слез с мотоцикла.

– Ну, садись, кто посмелее.

Марина вызвалась ехать первой. Петр приладил чемодан, усадил ее на сиденье и велел крепко держаться за его плечи. Нажал на газ и, страшно фыркая и стреляя, мотоцикл стремительно удалился с Настиных глаз.

Она осталась одна. И тут страшные мысли стали приходить ей в голову. Как же она отпустила подругу одну с совершенно незнакомым человеком, не зная ни его фамилии, ни адреса. В волнении она схватила чемодан и уже собралась идти по шоссе в Симеиз. Но потом успокоила себя – все должно быть хорошо. И села на чемодан на обочине дороги.

Мимо протарахтел грузовик. В кузове сидела и стояла шумная компания молодежи, «наверное, студенты» – подумала Настя. Они стали кричать ей:

– Такая симпатичная девушка и одна на чемодане сидит! Поедьте с нами! У нас место в палатке свободное есть!

Настя недовольно махнула рукой: «Отстаньте! Не до вас!»

Когда она, наконец, издали увидела приближающийся мотоцикл, то ужасно обрадовалась, вскочила, замахла руками.

Петр притормозил рядом с ней.

– Ну, все в порядке! Доставил твою подружку по назначению. Маруся еще с работы не пришла. Как раз к твоему приезду появится. Садись, Настя, держись крепче!

Мотоцикл взревел и помчался. Настя крепко ухватилась за плечи Петра и, чтобы ничего не видеть, боязливо уткнулась носом в его спину и закрыла глаза. Ветер свистел в ушах, и ей даже показалось, что мотоцикл уже оторвался от земли, и она летит, как на самолете, над Крымским полуостровом, иногда подпрыгивая на небесных ухабах. Наконец, последний раз лихо поднявшись на дыбы, мотоцикл опустился на землю и остановился.

Настя отлепила нос от спины Петра и осмотрелась вокруг. Прежде всего она увидела Марину, которая, улыбаясь, стояла у калитки, ведущей к беленькому, чистенькому домику. Настя слезла с мотоцикла, и Петр подтащил ее чемодан к калитке.

Неширокая дорога спускалась террасами к шоссе, а там, недалеко, уже было видно синее-синее Черное море. Рядом с дорогой росла старая, раскидистая шелковица, вся усыпанная темнеющими ягодами. Молодая женщина поднималась вверх по дороге по направлению к дому.

– А вот и Маруся! – громко сообщил Петр. – А я тебе, Марусенька, постояльцев привез. Вот этих хороших девушек – Настю и Марину.

Маруся подошла поближе и исподлобья подозрительно оглядывала Настю и Марину с головы до ног. Насте даже захотелось повернуться и показать Марусе, что ни хвоста, ни рожек у нее нет.

– Здравствуйте, – сказала Марина.

– Добрый день, – сказала Настя.

– Ну, здравствуйте, – басом ответила Маруся.

Она поправила тяжелые косы, собранные на затылке в пучок и пригласила любезно:

– Ну, заходите, раз приехали.

Настя и Марина шли сзади, делая друг другу удивленные рожицы, а Петр оглядывался и ободряюще подмигивал им обоими глазами. Талия у Маруси была тонкая, и цветастая кофточка плотно ее обтягивала. Она открыла дверь комнаты и с гордостью показала рукой:

– Вот здесь вы жить будете.

– Ой, какая замечательная комната! – воскликнула Настя, бросив на пол чемодан. – Как красиво, нарядно!

Маруся довольно улыбнулась. Действительно, было чем гордиться.

Большая, просторная с двумя окнами комната. Две широкие кровати стояли у противоположных стен, посередине – круглый стол. Трехстворчатый шкаф с высоким зеркалом, белоснежные занавески на окнах и полотняные разноцветные коврики на чистом деревянном полу.

– Ну так вот, – решительно заявила Маруся, – молодых людей не водить! И чтобы тихо было! Я шума не люблю, да и ребенок у меня маленький.

Настя только сейчас заметила светлоголовую девочку, выглядывавшую из-за материнской юбки.

– Тебя как зовут? – спросила она.

– Дуня, – ответила девочка.

Настя порылась в кармане и достала конфету.

– На, Дуня, конфету. Вкусная, московская!

Дуня конфету взяла, но сразу же снова спряталась за мамину юбку.

– Ну, пойдете, – смягчилась Маруся. – Я вам кухню покажу, чайник выдам и посуду. А душ у нас – на улице.

Петр обернулся и показал Насте поднятый большой палец – дескать, молодец, имеешь подход.

Симеиз ничем не обманул их ожиданий. Утром они сбегали вниз с гористых улиц туда, где ласковое море мягкими волнами поглаживало галечный берег; уступчатая скала, до которой они доплывали, и отдыхали на горячих, влажных, гладко отшлифованных водой камнях; дорога, проложенная по горным отрогам и ведущая куда-то далеко в неведомый Форос. Если подойти к краю дороги, то внизу видны скалы, острые, похожие на башни разрушенного замка, между которыми кружили пенистые сине-зеленые волны.

На пляже молодые люди сразу заметили подруг и уже вились над ними, как осы над сладким виноградом. Даже местный красавец, окруженный толпой ярко накрашенных девиц, подошел крадущейся, тигриной походкой и спросил любезно:

– Милые девушки! У нас вечером собирается компания повеселиться. Не хотите ли к нам присоединиться?

– Не хотим, – за двоих ответила Настя, – и, чтобы прекратить разговор, взяла Марину за руку и повела ее к морю. – Мы ему для счета нужны, чтобы весь пляж охватить, – сказала она.

Они разбежались и, смеясь, бросились в прохладные волны.

Вернувшись с моря в свою комнату, Марина с Настей внимательно посмотрели друг на друга. Было ясно – они основательно обгорели, можно сказать, почти обуглились. Уцелели только носы, предусмотрительно прикрытые пластмассовыми нашлепками.

К вечеру спина и руки стали красными и горели огнем. Настя обратилась за помощью к Марусе, и та выдала им целое блюдо сметаны. Со стонами и оханьем они покрывали друг другу обгорелые места целебным молочным продуктом, одновременно обсуждая запла-

нированный на завтра поход на танцплощадку. Но это – только завтра, а сегодня – бай-бай. И подружки повалились на кровати, усталые от моря и солнца.

На следующий вечер, Настя достала из чемодана туфли на высоченных «шпильках». Тоненькая, легкая, Настя привыкла носить обувь на высоких каблуках. Но здесь, в Симеизе?

– В горы я еще на «шпильках» не ходила, – сказала она. – Ну ничего – не на Эверест, до танцплощадки как-нибудь доползу.

– Ты всегда можешь положиться на меня, – обнадежила ее Марина. – Мы ведь в одной связке.

– Ты – настоящий друг, – сказала Настя, – хотя и подруга.

Высокая, крепкая Марина в каблуках не нуждалась.

Танцплощадка, расположенная в глубине городского парка, была полна молодежи. Их оглушили звуки музыки и шум толпы. Почему-то девушки были в меньшинстве, и, хотя Настя немного волновалась за Марину из-за ее высокого роста, никому не пришлось стоять у стенки – они были нарасхват.

Танцы кончились, и подружки направились к выходу. Настя видела, что за ней идет парень, который чаще других приглашал ее танцевать. «Наверное, хочет проводить», – подумала она. Но вдруг сбоку, из толпы кто-то протиснулся и осторожно взял Настю за локоть.

– Как же вы, девушки, так обгорели? – спросил веселый голос.

Настя обернулась и увидела рядом с собой молодого человека – смеющиеся зеленые глаза, волосы, постриженные ежиком. Белая рубашка обтягивала его мускулистые руки и плечи. Не давая ей опомниться, он продолжал задавать вопросы, одновременно оттесняя плечом парня, с которым Настя танцевала.

– Вы откуда?

– Мы из Москвы.

– А мы из Ленинграда, из Питера. Разрешите представиться – Дмитрий Лисецкий. Друзья зовут меня Митя. А это – мой друг, – он сделал широкий жест в сторону стоящего рядом с ним молодого человека, – всем известный ленинградский поэт – Игорь Кузнецов.

Настя с Мариной, удивленно подняв брови, с недоумением переглянулись.

– Ну, может быть, не всем, – поправился Митя. – Но очень скоро о нем заговорит вся огромная наша страна!

– Хватит, Митя, ты меня смущаешь, – пытался протестовать Игорь.

Высокий, с мягкими чертами лица и спокойным взглядом больших светлых глаз, Игорь подошел к подругам и спросил, слегка наклонив голову:

– А вас, девушки, как зовут?

– Марина.

– А меня – Настя.

– Очень, очень приятно! – сказал он.

– Да, да! Нам необыкновенно повезло! – говорил Митя. – Но, согласись, Игорь, если бы не моя смелость, мы бы никогда не познакомились с Настей и Мариной.

– Кто же с этим будет спорить? – ответил Игорь.

– А вы где, девушки, живете? – спросил Митя.

– Здесь в Симеизе, недалеко.

– Позвольте, мы вас с Игорем проводим. Таким хорошеньким девушкам опасно ходить без охраны в темное время суток!

– Ну, хорошо, – согласились Настя с Мариной, слегка смущенные его замысловатой речью.

Они спустились к шоссе. Митя говорил не умолкая, смешил их, поддразнивал. Игорь тоже порой вставлял какое-нибудь меткое словцо. Это как-то само собой получилось, что Игорь с Мариной ушли вперед, а Митя

продолжал смешить Настю всякими забавными историями, наклоняясь к ней и блестя веселыми глазами. Про себя он рассказал, что через год заканчивает институт. «Последний бой» – как выразился он, и принялся расспрашивать Настю о том, где она учится, где живет. В Москве он был несколько раз и довольно хорошо ее знал.

– А я в Ленинграде была только один раз, – призналась Настя.

– Ну, ничего – это поправимо. Все еще впереди, – утешил Митя.

Оказалось, что они с Игорем живут с большой компанией студентов из Ленинграда в палаточном лагере рядом с Симеизом.

Подойдя к дому, у шелковицы они увидели Марину и Игоря.

– Так завтра в восемь мы будем ждать вас здесь, у шелковицы. Пойдем в парк или на танцы. Хорошо? – быстро спросил Митя.

Настя молча кивнула, а Марина сказала:

– Хорошо!

И они расстались, махнув друг другу рукой на прощание.

– Вот и попали в оборот! – сказала Настя уже в комнате. – Теперь не отвертеться.

– А ты, что, хочешь отвертеться? – спросила ее Марина.

– Совсем наоборот! – рассмеялась Настя.

3

На следующий вечер Митя и Игорь встретили подруг у шелковицы. Они направились в парк. Марина с Игорем – далеко впереди. Настя с Митей – за ними.

В парке Митя нашел уединенную скамейку под раскидистой старой акацией.

– Уютное местечко, – сказал он. – Присядем?

Настя согласно кивнула и устроилась на скамейке, закинув ногу за ногу и подперев кулачком подбородок. Митя сел рядом, повернулся к Насте лицом и, улыбаясь, смотрел на нее. Она искоса взглянула на него, и, заметив его улыбку, слегка пожала плечами.

– Настенька, давай перейдем на «ты». Согласна? – спросил он.

– Согласна, – ответила Настя, с любопытством ожидая, что же будет дальше.

Митя оживился.

– Замечательно! – воскликнул он. – А теперь, Анастасия, я хочу знать о тебе все! Буквально с момента рождения! Какой был вес, рост, цвет глаз. И дальше – детский сад, школа, любимые предметы, учителя, сердечные привязанности.

Настя рассмеялась.

– Уж очень личные вопросы тебя интересуют. А я, между прочим, вообще предпочитаю слушать!

– Я так и знал, что мне никогда не удастся узнать твой рост и вес в момент рождения! Зато мне теперь ясно, что ты не любишь рассказывать другим людям о себе. Это уже что-то! Ну что ж! – сказал Митя, – придется начать с себя. Буду говорить, как на духу. Но у меня есть к тебе одна просьба.

– Какая?

– Можно я при этом буду держать твою руку. Это мне поможет не сбиться с пути истинного.

Настя не успела сказать ни «да» ни «нет», как Митя уже держал ее руку в своих ладонях. Он что-то рассказывал ей. Она смеялась, спрашивала его о чем-то. Он отвечал невпопад и тоже смеялся вместе с ней. Но все это было неважно. Главное было то, что ее рука лежала в его теплых ладонях, и высвободить ее Насте совсем не хотелось.

Прощаясь у поворота дороги, Митя попытался привлечь ее к себе. Настя выскользнула из его рук и побежала вверх, стуча каблучками по камням.

– До завтра, Настенька! – услышала она у себя за спиной.

– До завтра! – ответила она.

С того дня каждый вечер Митя и Игорь встречали подруг у шелковицы. Танцевальная площадка была забыта – слишком шумно и много народа. Их ждал парк.

Митя всегда шел не рядом, а лицом к Насте. Настя говорила:

– Ты сейчас упадешь, или тебя собьет машина.

– Зато последнее, что я увижу – будешь ты! – отвечал он.

– Вот и не смешно! – сердилась она.

– Строго сказала Настя, грозя пальчиком непослушному шалуну, – комментировал Митя.

– С тобой невозможно говорить серьезно.

– А ты попробуй, может быть и получится. Не хочешь?

Она махала на него рукой.

Тенистые аллеи парка, днем нагретые теплым крымским солнцем, а вечерами окутанные пряным ароматом южных цветов, были идеальным прибежищем для влюбленных парочек. Молчаливое уединение царило вокруг. Только мерный шум прибоя доносился издалека.

В парке Настя и Митя тут же теряли из вида Марину и Игоря. Митя брал Настю за руку и быстро вел ее к заветной скамейке – под раскидистой старой акацией.

– Что ты так спешишь? – спрашивала она, нарочно замедляя шаг.

– Ни за что не догадаешься! – отвечал он. – Это мой

секрет, который я открою только на этой замечательной скамейке.

И, когда длинные ветви акации скрывали их от людских глаз, Митя, улыбаясь, спрашивал Настю:

– Хочешь ли ты узнать мой секрет, коварная?

Лукаво улыбаясь, Настя качала головой.

– А секрет мой такой, что лучше тебя нет никого на свете. И ты, девочка моя, прекрасно это знаешь.

Он обнимал ее крепко и нежно, горячо целуя ее глаза, волосы, шею, плечи. Тяжело дыша, он пытался поймав ее губы, но она отстранялась, говоря тихо:

– Нет, не надо.

Он отпускал ее, ласково шепча:

– Прости меня, старого. Я больше не буду тебя пугать. Ты же у меня еще маленькая!

Иногда он жаловался:

– «Нет и не надо» – только эти два ласковых слова я и слышу от тебя, о, строгая!

Порой он брал ее лицо в свои ладони и смотрел Насте в глаза долгим взглядом. И потом говорил, что, закрыв глаза, он видит ее так ясно, как наяву, и что каждый день засыпает и просыпается с мыслями о ней.

Настя подумала, что где-нибудь вдали от Симеиза, Митины слова показались бы ей слишком красивыми, нарочитыми. Но здесь, в Крыму они не выглядели такими. Они как будто принадлежали этим горячим камням, щедрому солнцу, прозрачным, соленым волнам.

* * *

Неумолимое время бежало все быстрее и быстрее. Однажды, Настя с Мариной поехали на целый день на экскурсию в Ливадию. Настя встретила с Митей только на следующий вечер. Он стоял под шелковицей бледный, хмурый. На скамейке признался ей:

– Ты знаешь, Настюша, я ведь совершенно не могу без тебя, ни минуты! Весь день ходил, как потерянный. Кашу пересолил. Меня скоро из лагеря выгонят. Ты меня приютишь?

– Ни-ни. Маруся тебе в саду из простыней пристанище соорудит.

– Жестокосердная! – обиженно проговорил он.

Настя ласково потрепала его по вихрастой голове.

– А я тебе персиков принесла! Маруся нас угостила. Сладкие!

– Не подлизывайся! – улыбнулся он и обнял ее за плечи.

Он говорил ей о своей любви, но она сердилась, что он бросается такими словами, и закрывала ему ладонью рот.

– Перестань, Митя.

Он целовал ее ладонь.

– Я не знаю, что делать. Я говорю – ты говоришь – «перестань». Я целую тебя, ты тоже говоришь – «перестань». А это ведь только две вещи, которые у меня с тобой хорошо получаются.

– Почему? Ты еще хорошо умеешь молчать.

– Да? Тогда я буду молчать, только для этого мне нужно тебя обнять. Иди ко мне, малыш!

Он прижимал Настю к себе, и они долго так стояли, молча.

* * *

Август принес прохладу в Симеиз. Можно было подняться террасами в горы, сесть на светлый, шершавый камень, трогать рукой уже пожелтевшую, высохшую траву и смотреть с высоты, как нетерпеливый ветер взъерошивает море, гоняет по нему беспокойные волны, и они шумят недовольно.

Осталась всего неделя до Митинога отъезда.

В этот вечер в парке он сказал Насте:

– Ты знаешь, что я решил, Анастасия?

– Что?

– Я хочу жениться на тебе. Ты не возражаешь?

Настя растерянно молчала. Он продолжил:

– Через год я кончаю институт – солидный, взрослый человек с хорошей зарплатой. Завидный жених. Я тебя люблю. Ты – девушка строгих правил – будешь хорошая жена. И самое главное – я буду видеть тебя каждый день, не говоря уже обо всем остальном. Решено?

Она сказала:

– Но мы же живем с тобой в разных городах, Митя!

– Ну и что! Всего шесть часов езды. Я буду приезжать к тебе каждый выходной в течение года. А потом мы поженимся. Да ты не бойся! – он улыбнулся, видя ее растерянность, – ты подрастешь, повзрослеешь. Еще целый год впереди!

Настя говорила ему нерешительно:

– Мне кажется, что это все – Крым. Сейчас мы с ним одно целое. А что случится, когда его не будет? Ведь все может разрушиться!

– Уж не думаешь ли ты, жестокая, что мы простимся навсегда?

Настя молчала. Он долго смотрел на нее, потом привлек к себе и сказал:

– Ты нарочноводишь меня с ума! На самом деле, ты так не думаешь.

Она ничего не сказала, только вздохнула, уткнувшись в его плечо.

4

Настя распрощалась с Митей, как всегда, у поворота к своему дому. Она не хотела, чтобы строгая хозяйка видела их и потом ворчала: «Вот, мальчиков водят!»

Тьма была крошечная. Настя с трудом разбирала дорогу. «Вот уже и шелковица, еще совсем немного осталось», – подумала она.

Вдруг сзади кто-то набросился на нее, схватил за плечи.

– Ой! – вскрикнула она.

– Тише, тише! Молчи! – услышала она глухой, хриплый голос.

– Кто это?! – опять вскрикнула Настя, пытаясь оглянуться.

Она успела только увидеть звериный оскал, и пряди длинных волос, спадающих на лицо.

– Тише! – зашипел он.

Ей стало безумно страшно. Кто-то держал ее за плечи, чтобы она не могла повернуться. Она попыталась вырваться. Но он схватил ее за руку и потащил за шелковицу, к забору.

В ужасе, пытаясь удержаться, она схватилась за ствол шелковицы, крепко уцепилась за него, прижалась изо всех сил. Он продолжал тащить ее, отрывая от дерева. Кора впивалась в ладони, но она не отпускала руку. Тогда он навалился ей на плечи, пытаясь повалить на землю. Царапая руки о ствол, Настя не поддавалась. Он ударил ее по ногам. В отчаянии хватаясь за ветки, она чувствовала, что силы ее покидают. Тогда, в последней надежде спастись, она громко закричала.

– Пустите меня! Пустите меня! – кричала она, не останавливаясь.

– Заткнись! – прорычал он.

Вдруг она услышала стук открываемого окна, и мужской сонный голос недовольно проговорил:

– Вы что здесь хулиганничаете! Людям спать не дадите!

– Пустите меня! Мне больно! – кричала Настя и, по-

вернувшись, с отвращением увидела слюну, капающую из перекошенной пасти.

– А ну-ка, валите отсюда! А то я сейчас милицию позову! Эй, Серега, – обратился он к кому-то в доме, – доставай пистолет! Тут хулиганы разбуянились!

Тот, кто держал Настю, ослабил свою хватку. Она вырвалась. Он, в бешенстве прохрипев: «У-у, стерва!» – толкнул ее на дорогу.

Она упала, сильно ударившись рукой о камень, тут же вскочила, и помчалась к дому, не разбирая дороги. Вбежав на крыльцо и открыв дверь, оглянулась – никого не было, все исчезло в непроглядной тьме. Если бы не острая боль в руке, она бы решила, что все это ей привиделось в страшном сне.

Она вбежала в комнату и без сил опустилась на кровать. Марина сидела за столом и читала книгу. Увидев, что Настя держится за руку, она подошла к подруге.

– Что случилось?

– Вот шла... темно... споткнулась о камень... упала... локоть разбила... – несвязно объясняла она.

– Надо йодом смазать, – сказала Марина, вытащила из шкафчика пузырек и приложила кусок ваты к Настинному локтю.

Наверное, было очень больно. Она ничего не чувствовала. Ей было омерзительно, она вся дрожала, ее тошнило.

Марина внимательно смотрела на нее.

– Что с тобой, Настя? Ты бледная, как смерть, и тебя трясет, как в лихорадке!

Она села на кровать рядом с Настей и обняла ее за плечи. Не в силах больше сдерживать себя, Настя разрыдалась и, уткнувшись в Маринино плечо, захлебываясь слезами и запинаясь, рассказала все, что только что с ней произошло.

– Когда Митя ушел... Кто-то напал на меня... У шелковицы... Не знаю, кто... Темно... Не разглядела... Пытался повалить на землю... Тащил к забору... Я так испугалась! Стала кричать... Спасибо, старик-сосед из дома напротив выглянул из окна... Он спас меня! Я вырвалась... А этот швырнул меня на камни... Я локоть разбила... Вскочила и убежала...

– Какой ужас! – воскликнула Марина. – Бедная ты моя! – она гладила Настю по волосам, по спине. – Слава Б-гу, что тебе удалось вырваться! Кто же это мог быть? Какая сволочь!

Она встала, налила стакан воды из графина, протянула его Насте. Та глотала воду, и зубы ее стучали о стекло.

– Успокойся! Все уже позади! – сказала Марина. – Ложись спать. Я разберу тебе постель. Я теперь буду встречать тебя. Мы договоримся, в какое время.

Марина помогла Насте осторожно, не задев локоть, стянуть платье, и заботливо укрыла одеялом. Настя провалилась в тяжелый сон.

Утром, придя на пляж, Настя выбрала место в самом конце, у стенки, настороженно оглядывая всех мужчин, проходящих мимо.

Марина не отходила от нее и молча сидела рядом.

– Иди, Мариша, искупайся. Я не пойду. Что-то чувствую себя не очень, да и локоть будет щипать от соленой воды. Иди, не теряй времени.

Марина ушла. А Настя сидела, обняв колени руками и положив на них подбородок. Все было как обычно на пляже. Какой-то парень бросил ей мяч. Она не отбила его, как бывало раньше. Он подошел, взял мяч и, улыбаясь, спросил:

– Вы что, девушка, на солнце перегрелись?

Настя, ничего не ответив, отвернулась. Мужчины вызывали у нее страх и отвращение.

Вернулась Марина – мокрая, веселая. Стараясь расшевелить Настю, стала щекотать ее холодными, влажными руками. Настя, тихо смеясь, извивалась и увертывалась от нее.

Они позагорали немного и собрались в столовую. Настя шла, все время оглядываясь.

– Не бойся, за нами никого нет, – сказала Марина.

– Такое чувство, что кто-то в спину смотрит.

Настя поежилась.

– Со мной тоже так бывает, – старалась успокоить ее подруга.

Вернулись домой, Марина сказала:

– Ложись, поспи. Тебе надо отдохнуть. А я в магазин за хлебом и молоком схожу, а то утром завтракать будет нечем.

Настя проснулась, услышав знакомый стук в окно. Она нехотя встала с кровати.

– Может быть, мне не выходить сегодня? А, Мариш? – обратилась она к подруге. – Мне кажется, что я не хочу его видеть.

– Причем здесь Митя! – возразила ей Марина.

– Я их всех теперь боюсь!

– Ты не права! – спорила Марина. – Не мешай всех в одну кучу! Ведь он ничего тебе плохого не сделал?

– Нет.

– Ну, тогда иди! Ведь он целый день ждал встречи с тобой! Ведь правда?

– Так он говорит, во всяком случае, – вздохнув, сказала Настя и стала поправлять перед зеркалом прическу.

– Иди, иди! Нельзя же из-за какого-то идиота никуда не ходить. Запереть себя в комнате и грустить. Не для

того мы сюда приехали! – убеждала Марина подругу.

– Что бы я без тебя делала? – Настя ласково обняла Марину за талию. – Но только Мите я ничего об этом не скажу! – твердо заявила Настя.

– И ты, наверное, права, – согласилась Марина.

– А Игорь придет? – спросила Настя.

– Да, только позже. Он сегодня дежурит, кашеварит в лагере. Возвращайся осторожней. Я буду тебя встречать. Смотри под ноги, не падай. А то нос разобьешь, всю красоту свою испортишь.

– Постараюсь.

Она вышла. У шелковицы ее ждал Митя. Он протянул букетик ярко-красных цветов. Она рассеянно взяла их и стала машинально мять пальцами нежные лепестки.

– Даже не замечая, ты делаешь то же самое с моим сердцем, – улыбаясь, сказал Митя.

Настя шла молча, опустив голову, не откликаясь на его веселые шутки. Он внимательно посмотрел на нее и тоже замолчал, задумался.

На скамейке Митя придвинулся к Насте и положил ей руку на плечо. Она резко дернулась, сбросила его руку, гневно взглянула на него и сказала тихо, но зло:

– Все мужчины – свиньи!

– Ого! – отшатнулся Митя. – Чем же несчастный представитель этого мерзкого племени заслужил такой гнев?! Неужели тем, что в слепом обожании прикоснулся к мраморному плечу?

Настя подавленно молчала. «Не надо было нам встречаться сегодня, – думала она. – Я не хочу ни с кем разговаривать!»

Вдруг он заметил ее разбитый локоть. Жалость и сострадание исказили его лицо.

– Девочка моя! Где же ты так ударилась, бедненькая? Как это случилось? Тебе больно?

Настя кивнула. Митя осторожно взял ее руку и, прильнув к своим губам, стал тихонько дуть на рану. Его дыхание было такое теплое, ласковое, что Настя закрыла глаза. Слезы душили ее. Ей захотелось прижаться к его плечу, разреветься и все рассказать. Но она сдержала себя. Митя нежно поглаживал ее руку, приговаривая:

– Не плачь, маленькая, все пройдет до нашей свадьбы... Настя дернула плечом. – До твоей, – успокоил он ее, – все непременно заживет!

Она сказала ему, что вчера после того, как они расстались, она в темноте упала и разбила локоть о камень.

– Больше я тебя одну ни на шаг не отпущу от себя, – сказал он. – Буду провожать до самой двери. Обещаю вести себя тихо.

И, взяв ее руки в свои, стал покрывать их легкими, нежными поцелуями.

– Ну что, смягчилось наше колючее сердечко? – спросил он, немного погодя.

– Не совсем, – правдиво ответила Настя.

– Что же, приходится нам, мужчинам, с этим мириться. Даже розы, и те – с шипами, а что уж говорить о красивых девушках! – сказал он, сокрушенно качая головой.

Проводив ее до двери, Митя сказал:

– На днях у нас в лагере будет прощальный ужин – каша, вино, какао. Приходите с Мариной. Хорошо?

– Конечно, придем.

– Я буду очень ждать!

– Ш-ш, – сказала она, оглядываясь на окна дома. – Тише. Пока.

5

В назначенный вечер, подкрасившись и надев нарядные платья, Настя и Марина спустились к шоссе и увидели Митю и Игоря, ожидавших их у поворота. Митя

сделал вид, что поражен увиденным, прикрыл глаза рукой и сказал:

– Прелестные графини Анастасия и Марина на бал отбыть готовы!

Игорь добавил:

– Жаль, что нельзя сказать: «Кареты поданы, господа!»

Он взял Марину под руку, и они направились по шоссе к невысокой, плоской горе, на которой расположился их лагерь.

По дороге Митя остановился и взял Настю за руки, повернул к себе лицом и, глядя прямо в глаза, сказал:

– Ты знаешь, Настя, в последнее время одна вещь мучает меня. Мне кажется, ты отдалилась от меня, спряталась в норку. Иногда выскакиваешь, шипишь. Я натыкаюсь на твои острые локотки, – он взял ее руку и поцеловал в разбитый локоть, – а ты вся дрожишь, храбришься... Как будто какая-то стена вдруг возникла между нами...

Настя вздохнула.

– Просто наша крымская жизнь заканчивается, – сказала она. – И я подумала, Митя, что ведь в ней нет ни вчера, ни завтра – только сегодня. Все остальное – там – в Москве, в Ленинграде – в настоящей жизни... И что будет дальше, никто из нас не знает.

– О, мудрая, я преклоняюсь пред тобой! Но это – неправда. Я знаю, что я люблю тебя и чувствую, как бьется и твое маленькое сердечко!

Когда они пришли в лагерь, уже стемнело и вечеринка была в разгаре. Отовсюду были слышны громкие разговоры, смех, звуки гитары. Митя взял Настю за руку, отвел подальше от компании и усадил на поросший мхом каменный выступ.

– Ты что будешь есть? – спросил он. – Кашу?

– Нет.

– Тушенку?

– Нет.

– Вино?

– Нет!

– Надо же, вот какой полезный в хозяйстве человек – не ест и не пьет!

– Я какао буду!

– Ага! Значит, мы все-таки что-то употребляем! Подожди меня здесь, я быстро вернусь.

Скоро Митя пришел, держа каким-то образом в руках миску с кашей и две кружки, а подмышкой – куртку.

– Всю тушенку, пираты, уже уничтожили! – недовольно проворчал он, – встань, я подстелю тебе куртку. Я слышал, девушкам вредно сидеть на камне.

Они уселись рядышком. Митя принялся за кашу. А Настя отхлебывала маленькими глоточками горячее, сладкое какао. Она смотрела, как Митя уплетает за обе щеки кашу, и подумала, что он, наверное, все время был голодный. Да и что толкового можно приготовить на костре! Она протянула руку и ласково дотронулась до его плеча. Взглянув на нее, он отбросил миску и, схватив Настину руку, прижал к своей щеке.

– Так значит, ты все-таки что-то чувствуешь ко мне! Да, малыш?

Настя высвободила руку. Взяла миску, набрала в ложку каши и поднесла к Митиному рту. Он проглотил кашу, по-собачьи преданно смотря ей в глаза. Она дала ему еще каши.

– Если бы у меня был хвост, я бы здорово им сейчас вилял! – признался он.

Настя смеялась, потом сказала:

– Иди, возьми еще каши и мне какао принеси.

И обжигаясь, проглотила, то, что осталось в кружке.

– Я не хочу от тебя никуда уходить. Но ради какао – ладно.

Он вернулся с какао и кашей.

– Еще не все слопали, черти!

Закончив с едой, он взял кружку с вином.

– С вашего разрешения, хлебну для храбрости. Ты не будешь?

– Нет.

– Какой же ты подвиг собираешься совершить, что тебе храбрость нужна? - с плохо скрываемой тревогой в голосе, спросила Настя.

– Это секрет, потом узнаешь. – Но, каким-то образом почувствовав ее беспокойство, сказал: – Не волнуйся, дорогая, никаких физических глупостей. Всего лишь один вопрос...

– А-а!

Они сидели молча.

– Тебе не холодно? – спросил Митя и крепко обнял Настю за плечи. – Ты знаешь, я целый день жду, когда мы будем с тобой вдвоем, одни на целом свете...

До глубокой ночи они просидели на скале.

– Уже очень поздно – пора домой, – сказала Настя. – Пойдем поищем Марину с Игорем.

Они нашли их у костра. Марина и Игорь сидели рядом, и золотые искры отражались в их глазах.

Кто-то напевал грустную песню Окуджавы, подыгрывая себе на гитаре.

– Пойдем домой, Марина, – сказала Настя.

– Пошли.

Игорь неохотно поднялся и протянул Марине руку, помогая ей встать.

– Как хорошо сидеть вот так у костра, смотреть на огонь и не думать ни о чем, – сказал он.

Когда они спустились с горы и вышли на шоссе, неожиданно сильный порыв ветра ударил им в лицо, чуть не сбив с ног. Нагнувшись, они продолжали идти впе-

ред. Потом повернулись спиной, чтобы дать отдохнуть лицу от сухого, резкого ветра. Море гневно шумело где-то в темноте ночи.

Игорь, идущий с Мариной впереди, прокричал:

– Митька! Держи Настину прическу, а то улетит! Маринина чуть не улетела! Шпильки во все стороны рассыпались!

Они хохотали, стоя на ветру, а Игорь засовывал шпильки обратно в Маринину «бабетту».

Ветер немного стих, но временами его порывы обрушивались на землю, гоняя по шоссе песок и мелкую гальку.

– Тебе песок в глаза попадет, – сказал Митя и взял Настю на руки. – Уткнись мне в плечо.

Всю оставшуюся дорогу он нес ее на руках. Держа Настю в своих объятьях, он иногда опускал ее на цыпочки на дорогу. Его руки страстно блуждали по ее телу, поцелуи стали жгучими, хмельными, он дрожал, как в ознобе. Он усадил Настю на парапет и горячо, прерывисто дыша, целовал ее колени.

Вывавшись, она сердито и громко сказала:

– Прекрати это сейчас же! Я не хочу! Понимаешь!

Он отшатнулся, и, очнувшись, потряс головой.

– Прости меня, милая! Это все проклятое вино! Тушенки не досталось – вот и разобрало! Ведь сегодня наш последний вечер в Крыму. Завтра я уезжаю и уже больше не буду к тебе приставать. Ты ведь не заведешь себе кого-нибудь, ласточка? Нет? – с надеждой спрашивал он.

Настя, улыбаясь, отрицательно покачала головой.

Они дошли до шелковицы.

– Ты дашь мне свой телефон? Я сейчас запишу.

– Нет.

– Почему? – удивился Митя.

– Телефон – это слишком просто. Позвонил, отменился и все – отделался.

– Мудрости мне твои непонятны, Анастасия. А адрес?

– Пиши. Письма писать труднее, на это надо решиться, время найти, слова подобрать, – объясняла Настя.

– Непостижимо загадочно женское существо! Нам, сирым, никогда его не разгадать! – воскликнул Митя.

Они поднялись к дому, где тускло горел одинокий фонарь. Митя написал что-то на листке бумаги.

– Вот мой адрес и телефон. Может быть, позвонишь когда-нибудь.

– Вряд ли, я мальчикам не звоню.

– Ах вот мы, значит, какие старорежимные! Ну, простите, мадемуазель, что я, дерзкий, даже осмелился предложить такое!

– Ну, так уж и быть – прощаю! – рассмеялась она.

Уже светало, когда Настя пришла к себе в комнату. Марина уже спала. Быстро раздевшись, она нырнула в постель и тут же, обессиленная впечатлениями прошедшего дня, уснула.

Утром она услышала, как кто-то осторожно стучит в окно.

Отодвинув занавеску, она увидела Митю. Он знаками звал ее выйти. Накинув халатик, она, сонная, растрепанная вышла на крыльцо. Он бросился к ней, обнял и крепко поцеловал в губы.

– Такая ты мне нравишься еще больше! – сказал он. – Я пришел попрощаться. Грузовик ждет. Попросил ребят завернуть на минутку. Я хочу сказать, что ты должна мне верить. Я люблю тебя!

Раздался нетерпеливый гудок машины. Пятясь, он держал ее руки, пока они не выскользнули из его ладоней.

Настя видела, как ребята помогли ему забраться в ку-

зов. Грузовик прощально просигналил и газанул, подняв столбы пыли. А она стояла и махала Мите рукой, пока машина не скрылась за деревьями.

6

Через несколько дней Настя с Мариной вернулись в Москву. Настю закружила суета московской жизни. Началась учеба в институте – лекции, контрольные, курсовые, встречи с подругами. От Мити никаких вестей не было, и постепенно ее крымское лето становилось далеким, почти не реальным.

В ноябрьские праздники на институтском вечере Настя познакомилась со студентом-старшекурсником. Его звали Володя. Они стали проводить много времени вместе, ходили на концерты, в театры – в «Современник», в новый – на Таганке. Настя почувствовала, что, кажется, дело серьезное – она влюбилась.

Встречаясь с Мариной, она замечала, что та грустит, часто вздыхает и поговаривает о том, что хорошо бы съездить в Ленинград. Видимо, от Игоря тоже ничего не приходило, и Мариныны мысли блуждали где-то между Крымом и Ленинградом.

Настя видела, что подруга страдает, и, не зная, как ей помочь, предложила пойти в Ленинскую библиотеку и найти сборник стихов Игоря Кузнецова. Марина очень обрадовалась. Как это она сама не догадалась?!

– Еще одна встреча, – сказала она.

В Ленинке им выдали новенький, только что изданный сборник стихов «молодого, талантливого ленинградского поэта» – так было написано в аннотации. Они раскрыли книгу и стали читать. Насте стихи Игоря очень понравились. Они были такие светлые, чистые, идущие от молодого, открытого сердца. Он видел поэзию в простых вещах – летнем лесу, вокзальной суете,

в честных и смелых людях. Марине стихи тоже понравились, и она взяла листок и начала переписывать одно стихотворение. Настя заглянула ей через плечо. В стихотворении говорилось о неожиданных встречах и разлуках навсегда. Когда Марина закончила, Настя обняла подругу за плечи и сказала:

– Пойдем, Мариша, ты хотела материалы к курсовой работе поискать.

И они поспешили к каталогу.

Как-то раз Настя возвращалась из института домой. На улице было слякотно, дул промозглый декабрьский ветер.

Настя поднялась на свой второй этаж и стала искать ключи в сумочке.

– Настенька, здравствуй! – услышала она такой знакомый голос, и сердце ее заколотилось.

– Митя! Ты!

Короткий ежик, зеленые глаза.

– На все сто процентов – я, – ответил он. – Вот видишь – полуострова нет, а я – есть! И всего-то шесть часов!

– Ты давно здесь стоишь? – спросила она.

– Не очень. Звонил, дома никого нет. А на улице погода – почти питерская – мокро, слякотно. Вот я и решил в подъезде перебиться.

Они молчали.

– У тебя кто-то есть? – спросил он.

Она кивнула, не говоря ни слова.

– Да ты не объясняй мне ничего. Я все понял, – сказал Митя. – Я только хотел... Глупо, конечно, сейчас об этом вспоминать... Я хотел спросить тебя об одном. Скажи, ведь там, в Крыму у нас все было хорошо, но потом ты вдруг переменялась. Что-нибудь случилось?

– Да.

– Я сказал какую-нибудь глупость, чем-то обидел тебя?

– Нет, Митя, ты тут ни при чем, не мучай себя. Это – ужасный случай, и я хочу его забыть, – сказала Настя.

Она замолчала и долго смотрела на Митю.

– Может быть, зайдешь? – спросила Настя.

– Знаешь, я, пожалуй, пойду. Скоро поезд. Прощай, Москва, – и ты! Пора возвращаться в Питер. «Граф, вас ждут великие дела!» Да! Чуть не забыл! Я хотел еще спросить тебя. Ты мои письма получала? Впрочем, это уже не имеет никакого значения!

– Письма? Какие письма? Я ничего не получала! Как это странно! – в растерянности говорила она.

Митя подошел ближе.

– А можно я тебя чмокну в щеку, по-дружески, на прощание?

Она кивнула. Он кольнул ее в щеку сухими губами и, быстро повернувшись, побежал вниз по лестнице, прыгая через ступени.

Настя услышала, как сильный порыв ветра захлопнул дверь подъезда.

ЛЕТНИЕ КАНИКУЛЫ

Вот уже который день после приезда Евгения Николаевна по утрам приходила на пляж и, уютно устроившись в легком, удобном кресле, не могла насмотреться на необыкновенное море, не похожее ни на синее Черное, ни на серое Балтийское.

Морская гладь переливалась всеми оттенками зеленого цвета – от нежно-бирюзового до темного, почти черного. Где-то вдали сияло яркое, изумрудное пятно, и тут же рядом – светлое, молочно-травянистое. Как будто перед глазами калейдоскоп, в котором вращаются стеклышки бесчисленных разновидностей зеленого цвета.

Даже солнце и ветер были благосклонны к удивительному морю. Ветер не разгонял по поверхности сердитые, буйные волны. И море отвечало ему веселой, трепещущей рябью.

А солнце не раскаляло воду палящими лучами до самой глубины. Впрочем, казалось, что глубины-то вовсе и не было. И все море – пологое, как ладошки ребенка, когда он сомкнул их плотно, зачерпнул воды и песка, а потом раскрыл и рассматривает внимательно, не попалась ли рыбка или какой-нибудь еще морской житель.

Песок тоже, как нельзя лучше подходил зеленому морю – мельчайший, светлый, почти белый. Он шелковисто шелестел под ногами и плавно переходил в море, без крутых спусков и глубоких ям и, тем более, острых камней. Просто пляж, покрытый теплой прозрачной водой. Только свистящий шелест песка уже не был слышен, а при каждом шаге ноги проваливались по щиколотку в бесшумную сыпучесть мягкого дна.

– Hola, señora! - услышала Евгения Николаевна молодой звонкий голос.

Она повернула голову. Рядом с креслом стоял смуглый официант в белой рубашке и темных брюках. В руках он держал поднос, на котором стояли бумажные стаканчики с прохладительными напитками.

Евгения Николаевна взяла розовый стаканчик:

– Gracias!

Официант исчез. Она отпила глоток ледяного, терпкого сока, и, задумавшись, опять устремила взгляд на изумрудное море. Но сейчас она не видела его – мысли ее были далеко.

Евгения Николаевна прикрыла глаза, уставшие от неумолимого света безоблачного, тропического дня, и все, что было давным-давно, вдруг вспомнилось необычайно легко и ясно. Может быть, тому виною были зеленое море и белый песок или вот этот бумажный стаканчик?..

В закрытый санаторий для высокопоставленных номенклатурных чиновников на берегу Черного моря Женя попала совершенно случайно.

Она заканчивала десятый класс. Впереди - летние каникулы, а потом - последний одиннадцатый класс.

Родители Жени уже несколько лет подряд снимали дачу в большом поселке под Москвою на берегу Десны. Там у нее было много друзей и подруг – как местных, так и приезжих из Москвы – таких же дачников, как они. Женя с нетерпением ждала встречи со своими старыми знакомыми.

Но неожиданно, одна из близких школьных подруг, Лида, предложила Жене поехать с ней и ее родителями в санаторий на Черноморском побережье Крыма.

Женя никогда еще не была на море, и представившаяся возможность привлекала ее. Но закрытый санато-

рий звучал почти, как место заточения, и она сомневалась, стоит ли менять привольную жизнь на даче на, хотя и обеспеченный всеми удобствами, но жесткий и размеренный распорядок дня организованного отдыха. Тем более, Женя знала, что ревнивая Лида не будет отпускать ее ни на шаг от себя.

Поэтому она сказала, что подумает и посоветуется с отцом и матерью. Но, видимо, Лида поставила своим родителям ультиматум: или она едет в Крым с Женей, или не едет вообще. И тогда за дело взялся отец Лиды – Федор Васильевич. Он позвонил отцу Жени и написал все прелести отдыха в райском уголке Крыма. Он также напирал на то, что «Жене необходимо укрепить здоровье перед последним решающим школьным годом, так как она долго болела зимой и сильно побледнела и похудела. А Крым, как известно, для этого – лучшее место». А они с Марией Петровной, Лидиной мамой, «берут все заботы об устройстве Жени и билетах на себя».

– А полетим мы для экономии времени на самолете!
– бодро закончил он свою речь.

Отец Жени был тронут вниманием родителей Лиды и стал уговаривать дочь поехать с ними на юг.

Он сказал, что Федор Васильевич договорился о комнате на территории санатория. Эту комнату сдает главный повар и Жене будет обеспечено у него в доме трехразовое питание. Узнав, что она будет жить в отдельной комнате, пусть и по строгому распорядку, Женя согласилась.

Лида крепко расцеловала подругу в обе щеки, и они принялись обсуждать подробности поездки, что нужно взять с собой, какие лучше купить купальники, темные очки и всякую другую мелочь.

Лида смотрела на Женю счастливыми глазами. Нако-

нец-то она будет принадлежать только ей, Лиде, и уже не придется, как всегда, делить Женю с другими подружками, в особенности, с Верой. Вера была лучшей ученицей в классе и, по мнению Лиды, Женя проводила с ней слишком много времени.

- Тебе не будет там скучно! Не думай! – сказала Лида, обняв Женю за плечи. – Мы будем плавать с тобой далеко-далеко! Может быть даже за буйки! Соленая вода так хорошо держит! Ты себе не представляешь! Любой может в море плавать! Правда-правда!

– Ну что ж, посмотрим, – сказала Женя. – Только ты все равно далеко от меня не уплывай. Я боюсь глубины!

– Куда же я денусь?! Я всегда буду рядом! Не волнуйся! – успокоила ее Лида.

Они отправились в магазин, где Женя купила себе темные очки со стеклами модной формы – слегка приподнятыми к вискам.

– Вылитая Брижит Бардо! – сказала Лида, любуясь подругой.

Наступил день отъезда. Отец помог Жене закрыть чемодан.

– Ну, давайте присядем на дорожку, – сказала мать.

Она волновалась, в первый раз отправляя дочку так далеко от дома одну. Да еще на самолете!

– Позвони, как доберешься, Женечка, или телеграмму отбей, – говорила она, с тревогой посматривая на дочь.

– Да не беспокойся ты, мама! Я же не в Сибирь на каторгу еду, а на курорт! И под таким бдительным приглядом! Все будет хорошо!

– Пора выходить, – сказал отец. – Машина, наверное, уже приехала.

Они спустились на лифте вниз и вышли из подъезда.

И как раз в это время к дому подкатила машина черного цвета и остановилась возле подъезда. Выскочил водитель. Взял у отца чемодан и уложил его в багажник. Потом открыл перед Женей заднюю дверцу машины. Она попрощалась с родителями. В глазах у матери блеснули слезы. В это время из автомобиля вышел Федор Васильевич.

– Не волнуйтесь, пожалуйста! – сказал он уверенным басом. – Мы, как зеницу ока, будем беречь ваше сокровище. И доставим обратно в целости и сохранности – загоревшей и окрепшей!

– Большое спасибо! – сказала мать.

Все расселись по местам. Федор Васильевич кивнул шоферу. Машина тронулась, а Женя, обернувшись, махала рукой отцу и матери, все еще стоявшим у дверей подъезда.

В аэропорту Симферополя их встретил веселый, молодой водитель, присланный из санатория, и они с ветерком понеслись по извилистым крымским дорогам.

Через стальные ворота они въехали на территорию санатория. и Федор Васильевич первым делом распорядился доставить на место Женю. Машина подъехала к двухэтажному белому домику. Водитель достал из багажника чемодан, Женя взяла подмышку свою сумочку, и они втроем – Федор Васильевич, Женя и Лида – направились вслед за шофером к дому. Мать Лиды, Мария Петровна, осталась в машине.

В дверях их встретил высокий загорелый мужчина с худым, длинным лицом и острыми, костлявыми плечами:

–Здравствуйте! Я – Иван Семенович. А вы, должно быть, Федор Васильевич? Да? Очень приятно познакомиться!

– А это Женя! – Федор Васильевич взял Женю за плечи и выставил вперед. – Прошу любить и жаловать!

Женя несколько удивленно поглядывала на Ивана Семеновича. Она не могла себе представить, что существуют такие тощие повара.

– Здравствуй, Женечка! – приветливо улыбаясь, проговорил Иван Семенович. – Поднимайся наверх, я покажу тебе твою комнату.

Небольшая светлая комнатка на втором этаже понравилась Жене. Аккуратно застеленная кровать с тумбочкой. Зеркальный шкаф, круглый столик в углу – в общем, все необходимое, а веселые ситцевые занавески на окнах придавали комнате уютный, домашний вид.

– Ну как, тебе нравится? – спрашивала Лида, заглядывая Жене в глаза.

– Очень симпатично! – ответила Женя, улыбаясь.

– Ну вот и отлично! – обрадовано проговорил Федор Васильевич. – Да, между прочим, Иван Семенович, а какой распорядок питания?

– Очень простой, – ответил Иван Семенович. – Завтрак – в девять, обед – в два, ужин – в семь. Все очень вкусно. Тебе, Женя, понравится. Только прошу не опаздывать!

– Буду стараться, – сказала Женя.

– Разбирайся, отдыхай, а потом и к нам приходи, – закончил разговор Федор Васильевич. – Наш номер – тридцать шесть. Не забудь!

Иван Семенович вышел из комнаты, неслышно прикрыв за собой дверь. Отец Лиды подошел к Жене поближе и сказал тихо:

– Если тебя, Женечка, кто-нибудь на пляже или в парке спросит, где ты живешь, ты скажи - в номере тридцать шесть. Поняла?

– Поняла, – ответила Женя. – А кого это может инте-

ресовать? - спросила она.

– Ну, мало ли кого. Да ты не беспокойся! Это я так, на всякий случай. Ну, пошли, пошли, Лидочка! Нам тоже разбираться нужно. И мама в машине уже, наверное, заждалась!

И они спустились по лестнице, оставив Женю одну.

На следующее утро жена Ивана Семеновича, полная, румяная женщина, накормила Женю вкусным, обильным завтраком. «Вот кому надо быть поваром!» – подумала Женя.

Покончив с едой, она забежала за Лидой в просторный двухкомнатный номер, обставленный легкой, современной мебелью, с широким балконом, с видом на море и синими, под цвет волн, шелковыми шторами на окнах.

Женя с Лидой взялись за руки и, смеясь без причины, просто от избытка молодых сил, побежали на пляж. Но на удивление Жени, оказалось, что пляжа как такового нет. Вместо него – гладкое, дощатое покрытие и длинный пирс, врезающийся далеко в море. Заглянув под деревянный настил, Женя поняла, почему пляжа нет, а спуститься в море можно только с пирса, по скользкой металлической лестнице. Весь берег был усеян острыми, неровными камнями и валунами, поросшими зеленоватыми водорослями. Нигде нельзя было ступить ногой, не повредив себе ступню и не порезав пальцы.

Вдоль берега стояли разноцветные кабинки для переодевания и душ с пресной водой. Ветер играл пышными воланами разноцветных зонтиков, установленных над деревянными лежаками и полосатыми парусиновыми креслами.

Солидные дамы и их важные половины восседали в креслах, прикрыв лица широкополыми шляпами. Пе-

реодевшись в кабинке, девушки выбрали два стоящих рядом лежака, бросили на них свою одежду и направились по нагретым солнцем доскам вдоль пирса к спуску в море.

Проходя через пляж, Женя отметила, что молодежи совсем мало и что, если бы она отказалась поехать, не очень общительной Лиде было бы довольно скучно. Но как раз в то время, когда они подошли к самому краю пирса, из воды выбирался юноша примерно их возраста. Он окинул быстрым взглядом подруг. Женя про себя отметила, что, судя по светлой коже, он тоже недавно приехал и еще не успел загореть. Ничем примечательным молодой человек не выделялся: небольшие голубые глаза, круглое лицо. Женя тут же забыла о нем.

– Поплаваем, Жень! – предложила Лида и начала спускаться по ступенькам в воду.

– Ой, страшно! – поежилась Женя, заглядывая в зеленовато-синюю бездонную глубину.

– Не бойся! – Лида с размаху бросилась в воду, обдав Женю холодными брызгами.

Она отплыла в сторону, и, держась рукой за опору пирса, прищутив один глаз, смотрела, как подруга не спеша и осторожно, поеживаясь, спускается по ступенькам.

– Давай быстрее! – торопила она Женю и вдруг резким взмахом руки обдала ее водой с головы до ног.

– Что ты делаешь, Лидка! – завопила Женя, и уже не раздумывая, нырнула и поплыла, медленными движениями рук разгребая воду и отталкиваясь ногами от других волн.

Морская вода действительно хорошо держала, и Женя скоро почувствовала себя вполне уверенно. Они долго плавали сначала под пирсом, от опоры до опоры,

а потом, осмелев, стали удаляться в открытое море и добрались почти до буйков.

– Поворачиваем обратно! – сказала Женя, слегка задышавшись. На первый раз достаточно!

Девочки выбрались на пирс и улеглись на горячие лежаки. Женя закрыла глаза. Сердце колотилось, в ушах шумело, а в голове проносились короткие, счастливые мысли: «Какое красивое море и острые скалы вдали!.. А этот мальчишка так посмотрел на меня!..» Она улыбнулась, уткнувшись носом в махровое полотенце.

– Девушки! Не хотите ли почитать новую «иностранку»? – раздался сверху ломающийся юношеский голос.

Женя перевернулась на спину. «Так и есть. А вот и он!» – подумала она.

Молодой человек присел на стоящий рядом пустой лежак и проговорил почему-то тихо, почти шепотом:

– Давайте познакомимся. Меня зовут Володя.

– Женя, – тоже шепотом ответила Женя.

Она с опаской оглянулась по сторонам, но никого, кроме полной дамы, с аппетитом вгрызающейся в красное яблоко, вблизи не было. Покончив с яблоком, дама быстро, но цепко оглядела молодых людей. Внезапно, непонятно откуда, у нее в руках появилось второе яблоко, величиной почти с волейбольный мяч. Держа увесистый фрукт обеими руками и деликатно откусывая от него небольшие порции, дама прошествовала мимо, оглашая пляж морозным хрустом.

– А меня зовут Лида, – сонным голосом протянула Лида, даже не открыв сомкнутых глаз.

– Так как же насчет «иностранки»? – сказал Володя уже громче, провожая взглядом даму с яблоком. Он помахал перед подругами толстым журналом. – Есть интересные вещи.

– А какой номер? – спросила Женя.

– Пятый.

– Я его уже читала, – сказала Женя.

Володя удивленно посмотрел на нее.

– Неужели? Он ведь только что вышел в свет!

– Не удивляйтесь! – сказала Лида, открыв глаза. – Женя как раз и читает со скоростью света.

В это время на пирсе появилась официантка в накрахмаленном фартучке и высоком кружевном кокошнике. В руках она держала поднос, сплошь уставленный бумажными стаканчиками. Она подходила к каждому отдыхающему и, наклонившись, с милой улыбкой предлагала освежающий напиток.

«Надо же! Как в ресторане!» – Женя замороженным взглядом следила за официанткой. Пить очень хотелось, но ей напиток не полагался – это ясно. «Скажи спасибо, что тебе санаторным пляжем дозволено пользоваться! – обратилась она мысленно к себе. А то прыгала бы сейчас на городском, как коза, с камня на камень!»

И когда официантка приблизилась к ним и проговорила, все так же улыбаясь: «Угощайтесь молодые люди! Напиток очень полезный, с витаминами!» – Женя отказалась: «Спасибо, я не хочу».

Лида посмотрела на Женю долгим взглядом и обратилась к официантке:

– А можно я возьму два стаканчика? А то вот подружка сейчас отказалась, а потом, может быть, пить захочет.

– Конечно, конечно! – сказала официантка, протягивая Лиде два стаканчика. – Но вы не беспокойтесь! Мы разносим напитки каждый час. Так что жажду вы всегда можете утолить.

Лида, видимо, угадала мысли подруги, и лицо ее нахмурилось, а губы беззвучно произносили возмущенные слова.

Володя, ничего не понимая, переводил глаза с Жени на Лиду. Чувствуя, что он лишний, Володя извинился и исчез, сославшись на то, что родители уходят с пляжа и нужно взять у них ключи от номера.

– Женька! Не дури! Почему ты отказалась? Ты что, хочешь меня обидеть, да? – огорченно сказала Лида.

– Нет. Не хочу. Ты тут ни при чем, – ответила Женя.
– Считай, что я просто не хочу пить, – она свернулась калачиком на жестком лежаке и закрыла глаза.

Подшло время обеда. Женя, проводила Лиду до корпуса, махнула на прощание рукой и поспешила к своему беленькому домику, проглядывающему среди зелени на высоком склоне холма.

Внезапно от раскидистого дерева отделилась фигура. Это был Володя. Женя не сразу даже узнала его в светлой рубашке с короткими рукавами и узких темных брюках.

– Женя, можно я вас провожу? – спросил он, поглядывая на нее исподлобья.

«Если я соглашусь, все сразу узнают, что я живу не в санатории, – подумала Женя и вздохнула. – Ну и пусть! – решила она. – Почему я должна прятаться?! Надоело! И потом, судя по взглядам, которые на меня бросают на пляже, это уже и так очевидно».

– Хорошо! – сердито сказала она. – Пошли! – и быстрым шагом устремилась вверх по дорожке.

Володя молча шел за ней. У беленького домика Женя остановилась и, показав на него рукой, проговорила:

– Вот здесь я живу. Снимаю комнату у главного повара вашего санатория. На втором этаже. Ну, пока!

Она повернулась, собираясь открыть дверь. И услышала, как Володя сказал негромко:

- А я тоже хотел бы снимать комнату в этом доме. На втором этаже.

- Свободных комнат нет! – рассмеялась Женя. – До свидания! – и она скрылась за дверью.

Вечером к ней в комнату заглянула дочка хозяина Галя – высокая девушка, лет двадцати:

- Женя! Пойдем сегодня со мной в город на танцы. У нас замечательная танцплощадка, большая, новая! Ее не только местные посещают, но и отдыхающие тоже! Известные люди! Артисты, певцы!

Женя обрадовалась:

- Вот здорово! А можно я свою подругу Лиду захвачу?

- Конечно! У нас компания дружная. Чем больше народу, тем веселее.

Женя побежала к Лиде и столкнулась с ней в дверях корпуса.

- А я к тебе собиралась пойти. Родители в кино звали. А я не хочу.

- Лида! Ты знаешь, здесь, в городе танцплощадка есть! Меня хозяйская дочка пригласила пойти с ней. Говорит, там очень хорошо. Настоящий оркестр играет! Народу – тьма! Знаменитости всякие! Артисты! Пойдем, потанцуем!

- Хорошо, – сказала Лида, – только я должна родителей предупредить.

- Давай, быстрее, а то нас уже ждут! – поторопила ее Женя.

Через короткое время Лида вернулась. Вид у нее был огорченный.

- Ты знаешь, Женя, я не могу с тобой пойти. Отец говорит, из нашего санатория никому нельзя на городскую танцплощадку ходить.

Женя удивленно подняла брови:

- Почему?

– Не знаю, – грустно проговорила Лида. – Нельзя и все! Но ты иди, иди, Женечка! Я знаю, как ты любишь танцевать. Я сказала, что ты с хозяйской дочкой пойдешь, отец не возражал.

– А ты? – спросила Женя.

– Я в кино с родителями пойду. Я уже решила. Ты и так со мной целый день провела. Я знаю, что тебе со мной скучно, – Лида грустно улыбнулась. – Я не такая интересная особа, как Вера.

– Какая чепуха! – с досадой проговорила Женя. – Зачем ты сравниваешь себя с Верой! Ты – не лучше и не хуже. Ты – другая. И мне с тобой хорошо. Даже до Турции и то не страшно доплыть!

Она приблизилась к подруге и дотронулась рукой до толстой пшеничной косы, перекинутой через плечо и спускающейся почти до пояса.

– Ну ладно, ладно! Беги! – Лида отстранилась от нее. – Тебя ждут. И я в кино опаздываю!

Подруги разошлись в разные стороны и скоро растворились в быстро надвинувшейся темноте южной ночи.

«А у меня, оказывается, тоже есть некое преимущество по сравнению с остальными – я могу на танцы ходить!» – думала Женя, взбегая по знакомой дорожке вверх, на холм. И она усмехнулась.

Было уже поздно, когда Женя возвращалась вместе с Галей домой. Они шли по слабо различимой дороге, смеясь и вспоминая время, проведенное на танцплощадке.

Женя остановилась у двери, пытаясь отыскать в сумочке ключ от своей комнаты.

– Спокойной ночи, Женя! – шепнула ей Галя на ухо. – Я пойду спать. А то отец ругаться будет, что поздно пришла. Завтра мне на дежурство рано утром.

Галя работала медсестрой в соседнем санатории.

– Иди, иди! Я сейчас! Ключ куда-то подевался, – сказала Женя.

Галя ушла и осторожно, чтобы не хлопнуть и не разбудить домашних, прикрыла за собой дверь.

Женя, наконец, нащупала на дне сумочки ключ, вытащила его и, зажав в кулаке, направилась к двери.

– Женя! Можно тебя на минутку? – услышала она за спиной громкий шепот.

От неожиданности она вздрогнула.

– Не бойся! Это я – Володя! Давай посидим на лавочке, вот тут рядом, поболтаем! Я тебя уже давно жду! Расскажи, как там на танцах, весело было?

Женя молчала в сомнениях. Спать ей еще не хотелось. Впечатлений было много. «Почему бы и нет?» – подумала она и прошептала в ответ:

– Хорошо!

Володя взял ее за руку и провел несколько шагов до садовой скамейки, ярко освещенной высоким изогнутым фонарем. Они сели. Володя, откинувшись, положил руки на спинку. А Женя чертила что-то на земле острым каблучком.

Она начала было рассказывать Володе о проведенном в городе вечере, но скоро замолчала. Ей стало скучно. Да и какой интерес говорить о танцах! Танцевать – совсем другое дело!

– А почему бы тебе самому туда не пойти? Вместо того чтобы меня расспрашивать! – поинтересовалась Женя. – Ты же – не древний старик и умеешь, наверное, танцевать?

– Умею! – отвечал Володя. – Еще как! В Москве я обязательно приглашу тебя на какой-нибудь вечер, и ты убедишься в этом!

У Жени с кончика языка едва не сорвалось: «А здесь,

в Крыму? В этой замечательной здравнице на берегу Черного моря?.. Бедный Вовочка! Жертва закрытого режима! На танцы ему пойти не разрешают! Серые волки его там съедят! Впрочем, – подумала она. – Не моя это забота. Еще на танцах мне его не хватало!»

И она сказала, поднявшись со скамейки:

– Спокойной ночи! – и поспешила к домику.

– Можно я завтра вечером приду сюда? Еще посидим, поговорим.

– Завтра видно будет. Я не строю планы на такое далекое будущее, – ответила Женя и, сняв туфли, чтобы не стучать каблуками по лестнице, вбежала на второй этаж в свою комнату.

На следующий день, действительно, произошли события, которые, внесли некоторое разнообразие в распорядок отдыха, не нарушив его тягучей монотонности.

Подруги стояли на краю пирса, когда Женя вдруг увидела вдали, на самом горизонте яхту под алыми парусами. Только недавно прочитав знаменитый роман Грина, она подпрыгнула на месте от восторга и закричала:

– Лида! Смотри, смотри! Алые паруса!

– Где? Где? – спрашивала Лида, вертя головой.

– Да вот! Прямо по горизонту! – Женя вытянула руку, стремясь показать Лиде нужное направление. Задела очки, они свалились в воду и сразу же пошли ко дну.

– Ой-ой-ой! - горестно застонала Женя. – Мои любимые очки! Утонули!

– Да! – «успокоила» Женю стоящая рядом дама в ярком купальнике и в розовой шапочке, казалось, сделанной из лепестков каких-то невиданных тропических цветов. – Можете распрощаться с вашими очками. Здесь такая глубина, что нырнуть до дна невозможно.

Да и никто из-за такого пустяка рисковать не станет!

– Не плачь! Мы тебе в городе новые очки купим! – шуточно успокаивала Женю Лида. – Еще лучше прежних!

– Не купим, не купим! – капризничала Женя. – Такие красивые только в Москве можно купить!

И вдруг прямо под ними из воды вынырнул аквалангист. Подняв руку высоко над волнами, он весело помахивал Жениными очками!

– Ура! Мои очки! Нашлись! – Женя схватила Лиду за руки, и подружки закружились по влажным и теплым доскам пирса.

Дама неодобрительно косилась на девочек.

– Повезло вам, дорогая! – сказала она и величественно удалилась.

В это время аквалангист выбрался по ступенькам на пирс. Снял маску, ласты, пригладил рукой мокрые волосы и, улыбаясь, протянул Жене очки:

– Вот ваши очки. Я спас им жизнь! Буквально вырвал из пасти акулы. Они должны быть благодарны мне до конца дней.

– Спасибо вам огромное! – сказала Женя. – Как здорово, что вы в это время оказались под водой!

– Во всякой случайности есть определенный смысл, – проговорил аквалангист, обнажая в улыбке белые, ровные зубы.

Женя только сейчас разглядела его. Это был стройный невысокий мужчина, лет двадцати пяти. Иссиня-черные волосы. Восточного типа, смуглое лицо с тонкими, правильными чертами. Большие, карие глаза.

Женя и Лида направились вдоль пирса к своим лежанкам. Женя заметила, что взгляды важных дам прикованы к молодому мужчине, который достал ее очки со дна морского и сейчас шел рядом.

Девочки остановились у своих лежаков, и в это вре-

мя подошла официантка с прохладительными напитками. Взяв стаканчик, аквалангист спросил:

– Могу я переместиться к вам поближе? А то одному скучновато как-то. Между прочим, разрешите представиться – Михаил, – и он слегка наклонил голову.

– Женья.

– Лида.

– Очень приятно! Женечка, могу я доверить вам свой стаканчик? Я сейчас принесу свои вещи и книги.

– Стаканчик? – спросила Женья, улыбаясь. – Стаканчик можете. Тем более что он небьющийся, а море далеко, уронить в воду его будет сложно.

Когда Михаил удалился от них на значительное расстояние, Женья с любопытством спросила:

– Лида, а кто это? Почему его все так едят глазами?

Лида наклонилась к ней и прошептала на ухо:

– Это сын самого!..

– А-а! – сказала Женья. – Тогда понятно. Впрочем, ну и что, что сын... Обычный мужчина.

– Ты что, Женька! Его отец – один из руководителей государства!

Женья, ничего не сказав, пожала плечами. «Куда же это тебя занесло, Женька!?» – подумала она.

Вернулся Михаил с рубашкой и брюками в одной руке и стопкой толстенных книг – в другой. Положил вещи на лежак, стоящий рядом с тем, на котором загорала Женья. Уселся поудобнее, взял книгу, открыл и начал читать. Женья рассмотрела название. Очень мудреное. Из области точных наук.

Михаил делал вид, что внимательно читает книгу, но на самом деле, Женья знала, он рассматривал ее, скрывая глаза за стеклами темных очков. За все время он ни разу не перевернул страницу.

Почувствовав ее взгляд, он отложил книгу и завязал

с подругами легкий разговор, постепенно расспросив обо всем – где они живут, где учатся, чем увлекаются, как проводят свободное время.

– В основном, за чтением, – сказала Женя.

– Что-то не верится, чтобы в таком возрасте были только книги на уме. А как же мальчишки?

Женя смутилась, не зная, что ответить, но ее выручила Лида:

– Нам учиться надо. Школу заканчивать. В институт поступать.

– Да, да! – обрадовано поддержала подругу Женя. – Как ты правильно все сказала, Лида! Именно этим нам и следует заниматься!

Михаил недоверчиво посмотрел на Женю. Но, хотя глаза ее смеялись, лицо было серьезно.

О себе он говорил скупое. А они ни о чем его и не спрашивали. Только, когда разговор заходил о подводном плавании, глаза его загорались, и он рассказывал о загадочных кораллах, хищных морских звездах, ярких тропических рыбах.

Женя с любопытством слушала, восклицая временами: «Как интересно! Вот это здорово!»

Михаил улыбался ее восторгам, приговаривая изредка: «Какая ты умная, Женечка!» Жене, конечно, приятно было слушать похвалу из уст такого взрослого мужчины, хотя она и не очень понимала, что же такого умного в произносимых ею восклицаниях.

Уходя домой, подруги распрощались с Михаилом, и он сказал, что завтра, пожалуй, опять присоединится к ним. «Потому что неизвестно, что еще Женечка задумает утопить в бушующей морской стихии, и его аква-ланг очень даже может пригодиться».

Женя проводила, как всегда, Лиду до корпуса, а сама поспешила по дорожке в гору. Неожиданно, ее путь

преградил молодой человек в сером костюме и галстуке. Она хотела его обойти и ускорила шаг. Он догнал и пошел рядом.

– В чем дело? – спросила Женя.

Не отвечая на ее вопрос, молодой человек в свою очередь спросил ее очень вежливо:

– Извините! Скажите, пожалуйста, вы давно приехали? Женя все поняла, и краска бросилась ей в лицо.

– Недавно, – ответила она.

– В каком номере вы поселились? – спросил он, глазами-буравчиками просверливая девочку насквозь.

– В тридцать шестом, – сказала Женя.

– Ясно, – коротко проговорил молодой человек. – Все в порядке. Извините. До свидания.

И скрылся в густой зелени так же неожиданно, как и появился.

Женя бежала, не разбирая дороги. Острые молоточки стучали в висках. «Зачем только я согласилась поехать в этот дурацкий санаторий! – кляла она себя. – Купалась бы я сейчас в Десне. Бродила с корзинкой по лесу. И никто-никто не спросил бы меня, в каком номере я живу!» – думала Женя.

Она вбежала к себе на второй этаж, захлопнула дверь, бросилась на кровать, вжалась головой в подушку. Незаметно задремала. Ее разбудил звонкий голос Гали:

– Женя! Спускайся! Обедать пора!

После обеда Галя спросила ее:

– Пойдешь с нами на танцы?

– Конечно, пойду! – ответила Женя.

На душе у нее стало легче, и она, напевая, поднялась к себе, раскрыла толстый журнал и погрузилась в чтение.

После танцев Галя проводила Женю до ворот, а сама поспешила дальше – в соседний санаторий. У нее сегодня было ночное дежурство.

Женя торопливо сбегала вниз по дороге. И у самого дома столкнулась с Володей. Женя совершенно забыла, что он собирался встретить ее вечером. Еще она вспомнила, что сегодня на пляже он ни разу не подошел к ней.

– Добрый вечер, Женя! – сказал Володя.

– Привет!

– Женя, давай посидим немного на скамейке? Ну, пожалуйста! Я очень тебя прошу!

Женя молчала. Потом, вздохнув, сказала:

– Ну хорошо. Только чуть-чуть. И если я решу уходить, не задерживай меня!

– Нет, нет! Что ты! – Володя, радостно улыбаясь, топтался на месте.

– Ну что же ты стоишь? Пойдем! – сказала Женя.

Они сидели рядом на скамейке. Женя закручивала на палец золотистую прядь волос, выбившуюся из прически, и думала: «Он ведь мне не нравится. Ни капельки». Она искоса взглянула на Володю и поймала его взгляд, который сказал ей, что она ему нравится и даже очень. Почему-то она вдруг вспомнила сегодняшней допрос в парке, и тоже решила спросить Володю о чем-нибудь:

– Что же ты не почтил нас своим вниманием сегодня на пляже?

– Ты была так занята, что я не решился вам мешать.

– Ну и напрасно! – кокетливо протянула Женя. – А может быть, я скучала!

– Правда?! – Володя не замечал ни ее холодности, ни неискренности.

Он поймал ее руки, крепко сжал их, не давая ей возможности высвободиться. Потом схватил за плечи и, прижав к себе, попытался поцеловать. Женя увернулась, и он ткнулся носом ей куда-то за ухо. Задыхаясь, он бормотал:

– Женечка! Ты такая красивая! Необыкновенная! Я

люблю тебя! Люблю! Честное слово! – при этом лицо его побагровело, он тяжело дышал, а руки становились все смелее и смелее.

Женя решительно высвободилась. Все это было так смешно, что она с трудом сдержалась, чтобы не расхохотаться. «Вот тебе и тихоня! Вот тебе и маменькин сыночек! – думала она. – Какой приткий! Посмотрите на него! Весь аж дрожит!»

– Ты что, с ума сошел? – сказала она сердито. – Что ты себе позволяешь? – и она отвернулась, чтобы он не видел, что она прикусила губу, стараясь скрыть улыбку.

Но Володя не отпускал ее руки и продолжал повторять и повторять, какие у нее «прекрасные глаза, волосы, фигура, руки, ноги». И как он ее «любит, любит, любит!»

Наслушавшись вдоволь, Женя сказала:

– Мне пора! – и встала со скамейки.

– Не уходи! – просил Володя.

– Ты обещал меня не задерживать, – напомнила ему Женя. – Нужно держать свое слово! Иначе, как я могу верить тому, что ты говоришь!

Он покорно вздохнул, а Женя, громким шепотом сказала: «Пока!» и побежала к дому.

Быстро пролетающее время каникул разделилось для Жени на две половины – дневную и вечернюю.

На пляже Михаил уже привычно располагался в кресле рядом с Женей и Лидой. Временами, он натягивал маску и ласты и исчезал в прохладной глубине. Возвращался и, приглаживая мокрые волосы, сообщал им о своих подводных приключениях.

Володя никогда не подходил к ним. Он сидел на другом конце пляжа, и Женя часто замечала, как он, украдкой, посматривает на нее. «Опасается высокого на-

чальства или родителей, – с насмешкой думала она. – А может быть, того и другого».

Девочки много плавали и уже без всяких усилий добирались до буйков и обратно.

Женя покрылась золотистым загаром. А бедняжка Лида из-за своей белой, нежной кожи только обгорала, краснела как рак, а потом кожа слезала с нее клочьями, и все повторялось сначала. Женя смазывала плечи подружки то одеколоном, то кефиром, то сметаной. Но ничего не помогало – настоящего загара так добиться и не удалось.

Как-то раз утром у входа на пляж Женю встретил Михаил. Лицо его от загара стало еще смуглее – даже карие глаза казались светлыми.

Весело улыбаясь, он дружески похлопал Женю по плечу:

– Женечка! У меня для тебя сюрприз.

– Какой? – спросила Женя, улыбаясь в ответ.

– Ты говорила, что любишь слушать хорошие музыкальные записи. Так вот. Один мой знакомый приехал отдыхать и по моей просьбе привез отличный японский магнитофон со стереофоническими колонками. Звучание необыкновенное! И еще один – маленький, величиной с твою ладонь. – Он взял ее ладонь и стал внимательно разглядывать, сравнивая, видимо с японским магнитофоном. – Давай зайдём в мой номер, я тебе все эти новинки покажу. Музыка послушаем. Тебе понравится!

Сердце у Жени гулко забилося, и она сказала, убирая ладонь:

– А вы можете принести маленький магнитофон сюда, на пляж? Лиде тоже будет интересно на него посмотреть.

Михаил пристально посмотрел на нее. Женя отвела глаза.

– Конечно, могу! – наконец ответил он. – А как же стереоколонки? – спросил он.

Женя молчала.

Вдруг что-то холодное и мокрое прилипло к спине.

Женя, вскрикнув, оглянулась. Это была Лида. Незаметно подкравшись, она прижалась к Жене влажным купальником и мокрыми руками обняла за плечи.

– Лидка, ты с ума сошла! – верещала Женя. – Холодно!

Но в душе была несказанно рада такому внезапному спасению.

– Где ты гуляешь? Я уже два раза купалась! – говорила сквозь смех Лида, довольная, что ей удалось так ловко напугать подругу.

Она схватила Женю за руку и сказала со смехом:

– Жень, пойдем скорее, поплаваем, пока купальник на мне не высох, да и твой пора как следует намочить!

И они побежали вдоль пирса к воде. Даже не заметив, что Михаил долго стоял и смотрел им вслед.

Весь день на пляже Женя сидела в кресле с книгой в руках, старательно избегая взглядов Михаила. Она боялась, что он опять пригласит ее в номер, и мучительно пыталась придумать вежливый повод отказать. «Ты что, дурак что ли? За кого ты меня принимаешь?» - звучало ясно, но не очень вежливо. А если поменять «ты» на «вы», то вообще ерунда какая-то получалась. Вздохнув, Женя углубилась в чтение.

Но Михаил молчал, сосредоточенно приводя в порядок свое акваланговое снаряжение. А после обеда принес на пляж маленький серебристый магнитофончик, и они втроем слушали музыку, по очереди надевая мягкие черные наушники.

Когда Михаил помогал Жене приладить наушники, он обеими руками взял ее голову, повернул к себе и внимательно взгляделся, как бы стараясь лучше рассмотреть лицо.

– Ну и глаза! – сказал он. – И акваланг не поможет – пойдешь ко дну! – и тут же опустил руки.

С наступлением темноты для Жени наступала другая – вечерняя жизнь.

Иногда она ходила с Лидой и ее родителями в кино, иногда – с Галей на танцы. Но неизменно было одно – когда она возвращалась домой, ее ждал Володя.

Чаще всего она говорила, что устала и хочет спать. Но порой, уступала его уговорам, и они сидели на скамейке под фонарем. Его влюбленность не столько раздражала, сколько смешила ее, особенно возбужденная дрожь и громкое сопение.

Володя лепетал какие-то ласковые слова, клятвы в вечной любви, в юношеском порыве пытаясь привлечь ее к себе. Она увертывалась, приказывала ему вести себя смирно, «а иначе она сейчас же уйдет домой!»

Он на короткое время подчинился. Сидел тихонько, что-то говорил, стараясь незаметно коснуться пальцами ее плеча. Женя небрежно сбрасывала его руку, отмахивалась от него, как от надоедливой мухи.

– Ты не представляешь, Женечка, как мне надоел этот санаторий! – жаловался Володя. – Так хочется в Москву! Мы бы с тобой ходили в театры, на концерты. Я могу достать любые билеты, куда угодно! Хочешь – в Большой театр, хочешь – в Малый! Только скажи – тут же будут билеты! И потом у нас прекрасные лыжные базы. Зимой на лыжах покатаемся! У меня горные лыжи есть.

– А у меня – нет! – вставила Женя, пытаясь остановить уже изрядно надоевшее ей хвастовство.

Но Володя, не поняв ее иронии и продолжал:

– Это ничего! Можно и на простых – по лесу, вдвоем! Красота! И потом, – Володя без удержу понесся по наезженной дорожке, – магазины всякие – покупай, что твоей душе угодно...

– А как насчет луны с неба? - прервала его Женя.
– Какой луны? – спросил Володя, непонимающе уставившись на нее.
Жене стало его жалко.

Как-то раз Михаил принес на пляж фотоаппарат – тяжелый, с выдвигающимся объективом.

– Ну вот, девушки! Кажется, вы уже достаточно загорели и вас уже можно запечатлеть на пленку. Хотите?

– Конечно! – хором ответили подружки.

Михаил поставил их рядом друг с другом. Женя обняла Лиду за талию.

– Улыбочку! – сказал Михаил, щелкнув пальцами около объектива. – Готово!

Потом усадил Женю в кресло, а Лида встала сзади, облокотившись на спинку.

Михаил сделал еще пару снимков.

– А теперь, – сказал он, – несколько индивидуальных. Начнем с Женечки.

И он принялся быстро щелкать фотоаппаратом, снимая Женю в разнообразных позах. Легкими прикосновениями поворачивая ее плечи, голову, складывая руки, перекрещивая ноги.

– Я думаю, уже достаточно! – сказала Женя, заметив любопытные взгляды, устремившиеся на них со всех сторон пляжа.

– Да, действительно! Кажется, я увлекся, – несколько смущенно проговорил Михаил и добавил: – Впрочем, ничего удивительного в этом нет! Правда, Женя?

Женя молча пожала плечами. Что она могла ответить? В мире взрослых людей многое казалось ей сложным, запутанным, как загадочный лабиринт. Хитросплетения мыслей и поступков, лжи и правды – во всем этом

ей еще предстояло научиться разбираться. А пока, чтобы правильно себя вести, она во многом полагалась на свою интуицию, стараясь инстинктивно найти верную тропинку к затерявшемуся выходу.

– Ну, теперь твоя очередь! – обратился Михаил к Лиде.

Он направил на нее фотоаппарат, попытался щелкнуть, но ничего не получилось.

– Кажется, пленка кончилась, – сказал Михаил. Но не огорчайтесь! Я заряджу новую и после обеда снова принесу фотоаппарат.

Но после обеда, воспользовавшись тем, что Лида с родителями задержалась у себя в номере, он продолжал фотографировать Женю. Все – как она плавает, ныряет с пирса, выбирается из воды, сушит волосы мохнатым полотенцем, расчесывает их щеткой. При этом говорил, торопливо переводя кадры:

– Ты ведь никогда не спрашивала о моей профессии. А я еще в школе фотожурналистом мечтал быть. А стал физиком. Так уж получилось. А общее между этими двумя профессиями только первая буква «Ф» – и все! – и он грустно улыбнулся.

Наконец, Женя не выдержала. Она спустилась с пирса в воду и сначала поплыла к буйкам. Потом вернулась и стала двигаться под пирсом от одной опоры к другой, или просто лежала на спине, слегка шевеля руками.

Вода под пирсом была темная, холодная и только узкие полоски солнечного света, проникающие через щели между досками, волнистыми золотыми линиями пробегали по поверхности.

Женя слышала над собой звонкое шлепанье босых ног, смех, разговоры. Но скоро она почувствовала, что замерзает. Когда ее, наконец, нашла Лида, Женя уже посинела, и губы дрожали от холода.

– Женька! Ты с ума сошла! Разве можно столько вре-

мени в воде сидеть! Я тебя ищу, ищу везде! Еще протудишься! Вылезай сейчас же! Я тебя полотенцем разотру!

Женя послушно выбралась на пирс. Подошла к своему лежаку. Ни Михаила, ни фотоаппарата нигде не было видно.

Лида взяла полотенце и начала с силой растирать ей плечи, руки.

– Пощади, Лидочка! – жалобно стонала Женя. – Ты с меня кожу сдерешь!

Но Лида не внимала мольбам подруги, растирая докрасна ее спину.

– А у Михаила что-то с фотоаппаратом случилось, – говорила она, тяжело дыша от усилий. – Он меня не смог сфотографировать. Вот видишь, даже фотоаппарат и тот меня не выдерживает!

– Замолчи сейчас же! – возмутилась Женя. – Или я пойду и спрыгну с пирса обратно в воду!

После того, как миновала половина отведенного для отдыха срока, время покатило к кубарем, как колобок с горки. И только в самые последние дни вдруг остановилось – будто колобок на мгновение замер у пасти лисы.

– Женя, Женя! Постой! Можно тебя на пару слов?

Женя оглянулась и увидела, что по дороге, ведущей с пляжа, ее догоняет Михаил. Белые брюки, светлая рубашка, ворот расстегнут. Вид франтоватый. Лицо покрыто коричневым, темным загаром.

– Ты – домой? – спросил он.

– Да, – ответила она.

– Я слышал, ты скоро уезжаешь?

Женя кивнула. Он протянул ей листок бумаги и сказал:

– Это адрес, по которому ты можешь получить свои

фотографии. Предварительно позвони и приезжай.

Женя растерянно вертела в руках бумажку. Адрес был домашний.

– Вы там живете? – спросила она.

– Ну... Я там бываю, – замялся он.

И, помолчав, добавил, заглядывая ей в глаза:

– Приезжай, Женя! Я отдам тебе фотографии и слайды крымские покажу. Я много сделал слайдов, очень красивые виды, и с тобой тоже. У меня прекрасный проектор. Я думаю, получится почти документальный фильм о летних каникулах в Крыму. Ты знаешь, в Москве для меня все будет намного проще да и для тебя, наверное.

Женя вопросительно взглянула на него: «Что – все? – подумала она. – А что касается Москвы, кажется, я уже слышала что-то подобное».

– А вы можете прислать мне фотографии письмом на почту, до востребования? – спросила Женя.

Михаил был явно удивлен ее просьбой. Покачал головой и, смерив ее взглядом с головы до ног, сказал:

– Ах, вот как! Мы, оказывается, уже взрослые! У нас и паспорт есть!

– Да, взрослые! Да – есть! – в тон ему ответила Женя.

– Ну что ж! Говори свою фамилию-имя-отчество. Я записываю, – и он тщательно записал все в маленький блокнот.

Стремясь поскорее закончить разговор, Женя сказала быстро:

– Извините, Михаил, я спешу. Мне собраться надо. До свидания!

–частливого пути, Женечка! – проговорил он, понимая улыбаясь. Потом потрепал ее по плечу и добавил. – А ты молодец! Взрослеешь на глазах!

Женя повернулась и побежала к своему домику.

– А фотографии я тебе пришлю! Обязательно!

– Спасибо! – крикнула она и помахала ему рукой.

Вечером Женя встретила с Володей. Он никак не хотел с ней расстаться. Заглядывал в глаза, надеясь найти ответ на вопрос, который не решался задать.

– В Москве все будет по-другому! – уже в который раз убежденно говорил он. – Ты увидишь. Я не мальчик, как здесь, при папе с мамой, под неусыпными взглядами их друзей и знакомых. Я совершенно самостоятельный молодой человек! Мне отец после окончания школы машину обещал подарить. Мы тогда с тобой можем поехать куда угодно – в Прибалтику, на Кавказ...

Женя, улыбаясь, слушала его, но мысли ее были далеко-далеко, у тихой Десны, скрытой шатрами склонившихся над медленной водой деревьев.

Володя опустил перед ней на колени. Зашептал тихо, и даже как-то всхлипывая:

– Милая, дорогая, любимая!

«Ну, это уже слишком!» – подумала Женя, отстранила его от себя и встала со скамьи.

– Ты знаешь, мне пора! Я еще не все собрала.

– Женечка, а ты когда завтра уезжаешь? Утром или днем? – спросил Володя, поднявшись с колен.

– После обеда, – ответила Женя, хотя точно знала, что машина заедет за ней рано утром.

– Тогда я забегу к тебе после пляжа. Принесу свои координаты и твои запишу. Хорошо?

– Хорошо. Ну, пока! – Она махнула рукой на прощание и закрыла за собой дверь.

У себя в комнате Женя облегченно вздохнула. «Завтра я уезжаю! – думала она. – Какое счастье! Скоро мне не придется, стремглав мчаться по парку к пляжу и обратно, в страхе перед очередной засадой под кустом и строгим допросом с пристрастием... Но зато, – она улыбнулась своим мыслям, – если у нас в школе будет

сочинение на тему «Как я провела летние каникулы», я смогу написать целый роман из жизни «высшего» общества под названием «Роковые очки» или «Драма на берегу моря», с коварным соблазнителем, отвергнутым несчастным влюбленным...

Правда, из-за отсутствия захватывающих приключений, скачек и дуэлей роман может получиться довольно нудным, как распорядок дня в санатории. Да и такой персонаж, как молодой человек с глазами-буравчиками, может не всем понравиться, и я останусь без пятерки, что крайне нежелательно! Ну что же! Придется отложить писательскую деятельность на будущее...» – И Женя с грохотом закрыла собранный чемодан и щелкнула блестящими замочками.

Летние каникулы закончились. Наступил сентябрь. Начался новый учебный год. Последний одиннадцатый класс.

В школе Женя ничем особенным не выделялась. Училась хорошо, но звезд с неба не хватало. Впрочем, у нее была одна замечательная способность – она прекрасно читала стихи. Так душевно, с выражением, что однажды растрогала до слез свою учительницу по литературе, Надежду Григорьевну.

Однажды на уроке учительница дала классу необычное по тем временам задание - выучить наизусть любое стихотворение, по свободному выбору.

Женя остановилась на стихотворении Окуджавы «До свидания, мальчики!», которое было напечатано в журнале «Юность».

Звонким, как натянутая струна, голосом она читала перед притихшим классом стихотворение полуопального поэта, а Надежда Григорьевна вытирала кружевным

платочком слезы, катившиеся из покрасневших глаз.

С этим стихотворением Женю послали на конкурс чтецов. И она, пройдя через школьные и районные соревнования, заняла по городу почетное второе место, чем несказанно обрадовала свою старенькую учительницу.

А в остальном Женя вела себя скромно. Волосы причесывала гладко, затянув их по бокам резинками в два пушистых, золотистых хвостика.

Кроме двух-трех близких подружек, ни с кем в классе не сходилась. Так – «Здрасте!» и «Пока!» – вот и все. Но даже своим ближайшим – Лиде и Вере – никогда не рассказывала о своих внешкольных романтических историях, опасаясь вызывать к себе неприязненные, завистливые чувства.

В классе она сидела за одним столом с Верой. Впереди расположились две девочки, Мила и Света. У них была своя замкнутая компания, в которую никого из «чужаков» не пускали.

Правда, Женя никогда и не стремилась попасть в этот «особый» круг. Ей вполне хватало самой себя и своих подруг.

О Миле и Свете она знала немного. Кажется, их родители были важные особы – Женя видела несколько раз, как их по утрам подвозили к школе на черных машинах.

Обычно они смотрели на Женю, как на пустое место. Но в начале учебного года Женя вдруг стала замечать на себе их любопытные взгляды.

И однажды утром, перед началом уроков Мила и Света подошли к ней и спросили, ласково улыбаясь:

– Ты так хорошо загорела, Женя! Где ты отдыхала летом?

– В Крыму, – коротко ответила Женя, удивляясь про себя такой необычной любознательности по отношению к своей особе.

Девочки переглянулись, и довольно хихикнув, ото-

шли подальше от Жени и зашептались о чем-то, искоса посматривая на нее. Женя пожала плечами и принялась выгружать из портфеля учебники и тетради.

Спустя неделю или две, на перемене Мила и Света остановили ее и, приблизившись почти вплотную, спросили тихо:

– Женя! Ты знаешь мальчика, которого зовут Володя Бобров?

Женя не понимала, откуда они узнали о Володе и, застигнутая врасплох, вспыхнула до корней волос.

– Да, знаю, – выдавила она из себя.

– Так вот, Женя! - сказала Мила заговорщическим тоном. – Он сегодня будет ждать тебя после уроков у школы на скамейке. Хорошо?

Женя кивнула. Девочки прыснули в кулачки и скрылись в глубине коридора.

Женя не знала, как ей поступить. Встречаться с Володей она не хотела. Если бы в школе был второй выход, она бы с удовольствием им воспользовалась. «Но в то же время убежать некрасиво», - думала она и, наконец, решила, что подойдет к Володе, поздоровается, скажет пару слов и все – до свидания.

После уроков Женя собрала портфель и, открыв тяжелую дверь, вышла на улицу. Холода еще не наступили. Неяркое осеннее солнце согревало все вокруг мягким теплом. Небо было светлое бледно-голубое, как бы размытое.

Женя огляделась вокруг и увидела на скамейке прямо перед школой Володю. Он сидел, небрежно развалившись и покачивая ногой в лакированном черном ботинке. По обе стороны от него примостились Мила и Света. Они улыбались, глядя на Женю.

Она сделала несколько шагов по направлению к скамейке. Потом остановилась на мгновение, решительно

развернулась на каблуках и крикнула, обращаясь к одному из одноклассников, выходящих из школы:

– Витя! Истомин! Ты домой идешь?

– Да!

– Подожди! Вместе пойдем! – и, весело помахивая портфелем, подбежала к Вите, своему соседу по подъезду, и они пошли вдоль здания школы, все дальше и дальше от скамейки.

Женя шагала стремительно, и чем дальше она уходила, тем сильнее возмущалась: «Как он смел меня разыскивать?! И через кого! Через каких-то девчонок! С которыми я не желаю иметь ничего общего! Наверное, нажаловался на меня! Бедненький! Да еще и в охрану к себе их взял! А они и рады – устроили спектакль! В Москве все изменится! – мысленно передразнила она Володю. - Маменькин сыночек!» - в душе у нее все кипело от гнева.

Витя едва поспевал за ней:

– Женя! Ты куда так несешься? У тебя молоко, что ли на плите стоит! – поинтересовался он.

– Ой, извини, Витька! Это мне, наверное, так школа надоела! Вот я и бегу от нее побыстрее и подальше.

Спустя какое-то время Женя узнала, что дачи Милы и Володи располагались по соседству в одном дачном поселке. Приехав из Крыма, Володя поведал Миле о своем неудачном романе с девушкой по имени Женя. А фамилию он узнал у хозяина, главного повара санатория.

Мила сначала поверить не могла, что можно было так влюбиться в какую-то там Женьку. Но все совпало, и им со Светой только и осталось в недоумении разводить руками и пожимать плечами.

Почти до середины зимы Женя регулярно забегала на

почту и спрашивала, показывая паспорт, нет ли на ее имя письма «до востребования».

Приветливая служащая тщательно перебирала письма на полке и говорила Жене:

– Нет, девушка, для вас ничего пока нет.

Не то, чтобы Женя ждала фотографии. Нет. Она была почти уверена, что никакого письма не будет. Ну, а если?.. Она не хотела, чтобы кто-то на почте, уничтожая невостребованные письма, рассматривал ее крымские фотографии.

Евгения Николаевна открыла глаза и поставила пустой стаканчик, который она уже давно сжимала в руке, на песок, рядом с креслом.

Тут же появился смуглый сборщик мусора с большим целлофановым мешком в руке. Гибким движением он наклонился, чтобы взять стаканчик. Евгения Николаевна подняла стаканчик с земли и протянула сборщику.

– Gracias, señora! – произнес он, мягко улыбаясь.

СКАЗКА ОБ АЛОЙ И БЕЛОЙ РОЗЕ

Посвящается

*Владимиру Яковлевичу Лакшину**

Как чудесно плыть на корабле темной-темной ночью! Корабль, как сверкающий разноцветными огнями остров, плавно движется, слегка покачивая белоснежными боками.

Вокруг ни зги не видно. Берега? Где-то они, конечно, есть. Но где - никто не знает. Далеко ли, близко ли? Какие они - пологие, крутые? А внизу река - черная. И, если блеснет изредка неярким отраженным светом, то сразу все облегченно вздыхают. Вот она, голубушка, рядом! Только притихла, задремала вместе с берегами короткой летней дремой. А если не блеснет, то можно подумать, что корабль и не плывет вовсе, а летит медленно, не спеша, к далеким звездам, чтобы соединиться с ними своими огнями и освещать сверху далекую землю и уснувшую реку красными, синими, зелеными звездами. Откуда-то издали доносится негромкая музыка, и вдали на широкой палубе видны силуэты танцующих пар. Иногда раздается смех, веселые голоса, но они только ненадолго, как всплеск весла о воду, нарушают умиротворяющую тишину. И снова все стихает. И продолжается таинственная, почти волшебная корабельная ночная жизнь.

- Мама, а это что за звезда?

- Какая?

- Вот такая - большая, голубая, круглая!

* Лакшин Владимир Яковлевич (1933-1993) – литературовед, критик. Заместитель главного редактора журнала «Новый мир» А. Г. Твардовского и главный редактор журнала «Иностранная литература».

- Это не звезда, а планета!

- А чем они отличаются?

- Звезда сама светит, а планета отражает свет других звезд.

- А как это - отражает? - спросил Андрей и повернул голову, стараясь заглянуть матери в глаза, но ничего не увидел, кроме красных и синих огоньков, отражающихся в зрачках. Лариса рассмеялась.

- Вот видишь - в моих глазах отражаются огни корабля! И еще. Если ты улыбнешься маме, то она в ответ улыбнется тебе. Верно? Это отразилась твоя улыбка. Понятно, Андрей?

- Да, - ответил Андрей. - Только вот про улыбку - не совсем. Ведь улыбка не горит!

- Но ты слышал, как говорят: «Его лицо осветилось улыбкой».

- Да, кажется, - неуверенно ответил Андрей.

- Значит, она светится! А если светится, то может и отражаться. - Лариса погладила сына по голове, слегка взъерошив темные, вьющиеся волосы. - Так что почаще улыбайся маме!

- Мам, я уж и так - стараюсь, стараюсь!

- Вот и молодец! - рассмеялась Лариса.

Она взглянула на сына.

- Ну, Андрей, спать пора! Глазки у тебя уже слипаются!

Она подхватила на руки легкое тельце и направилась к каюте. У самой двери сказала:

- Завтра - Константиново - родина Есенина. Помнишь, мы были в прошлом году?

Но Андрей ничего не ответил. Уткнувшись в мамино плечо, он крепко спал.

Утром они сошли с корабля и поднялись по покрытому мягкой травой и мелкими луговыми цветами крутому берегу Оки. На привольном, открытом всем ветрам

просторе протянулось Константиново - бревенчатые избы с резными наличниками, белокаменная церковь с колокольней, устремленной в синее небо. Лариса вышла на главную улицу и направилась к дому-музею Есенина. Андрей вприпрыжку бежал рядом, приговаривая: «Изба – избушка, а в ней живет старушка!»

Лариса рассмеялась:

- Не живет, а жила! А сейчас в избушке музей! Видишь, Андрюша, и на тебя действует Константиново! Ты даже стихи стал сочинять!

Андрей попробовал еще что-нибудь придумать, но как ни старался, больше ничего не получилось. Они вошли в дом с голубыми наличниками на окнах, и Лариса долго бродила по крошечным комнаткам, стараясь запомнить каждую вещь. Наконец, взяла Андрея за руку и вышла на улицу. Взглянула на часы - времени до отплытия оставалось еще много.

- Андрюша, давай зайдем в еще один музей? В прошлом году не получилось - ты еще маленький был. А сейчас уже большой! Правда? – говорила она ласково сыну, понимая, что он уже устал.

Андрюша молча кивнул головой. Лариса сжала его руку и поспешила к видневшемуся вдали белокаменному зданию. На середине пути Андрюша стал отставать и виснуть на руке у матери. А у самой двери остановился и проговорил тихо, поглядывая исподлобья на мать:

- Я не хочу в музей.

Лариса не стала его уговаривать.

- Ну, тогда посиди здесь, на скамейке. Хорошо? Я быстро! - и она посадила сынишку на лавочку рядом с музеем в тени раскидистого дерева.

- Мама, только ты возвращайся поскорее! - услышала Лариса его тоненький голосок.

- Обязательно! - крикнула она, и тяжелая, на тугих пружинах дверь с грохотом захлопнулась за ней.

Солнце стояло в зените, когда крупный, темноволосый мужчина, опираясь на палку, приблизился к скамейке, на которой сидел мальчик. Грузно опустился на край. Откинулся на спинку и вытянул вперед усталые ноги. Он повернул голову и посмотрел на мальчика. Увидел бледное лицо, искаженное то ли страхом, то ли тревогой, плотно сжатые губы. Глаза ребенка застилали непрерывно льющиеся слезы, и он то и дело смахивал их худенькой ручкой. Мальчик неотрывно смотрел на дверь музея, провожая разочарованным взглядом каждую выходящую из него фигуру. Мужчина все понял.

- Тебя как зовут?

- Андрей, - ответил мальчик, не отрывая взгляда от двери, и шмыгнул носом.

- А хочешь, Андрей, я тебе сказку расскажу?

Мальчик кивнул головой, мельком взглянул на сидящего с ним рядом мужчину и снова - на дверь. Но успел заметить веселый взгляд синих глаз, блеснувший из-под толстых стекол роговых очков, и аккуратно постриженные усы.

- А сказка добрая? - спросил мальчик.

- Добрая, - ответил усатый мужчина.

- И никто в ней не оставляет другого человека на скамейке и не заставляет ждать долго-долго и думать, что про него забыли или даже бросили совсем? - снова спросил мальчик.

- Нет. Ничего подобного в сказке нет, - проговорил синеглазый неторопливо, как человек, привыкший взвешивать каждое слово. - Напротив, все живут вместе и никогда не расстаются. Ну, если и расстаются, то только на чуть-чуть.

- На чуть-чуть - это ничего! На чуть-чуть – это можно! - с важным видом согласился мальчик. - А как называется ваша сказка?

- Она называется: «Сказка об алой и белой розе». Только она немного взрослая. Это - ничего? - спросил он мальчика.

- Рассказывайте, не бойтесь! – разрешил Андрей. - Я уже большой! В первый класс осенью пойду.

Когда Лариса, с трудом оторвавшись от фотографий и документов, взглянула на часы, она пришла в ужас. Она провела в музее больше часа и через двадцать минут отплытие теплохода! Лариса бросилась к выходу и распахнула дверь. Андрюша сидел на том же месте. Лицо его было испуганное и заплаканное. Рядом с ним на скамейке она увидела широкоплечего мужчину в очках. Наклонившись к мальчику, мужчина что-то тихо говорил. Заметив мать, Андрей бросился к ней. Слезы брызнули из его глаз. Лариса наклонилась к сыну, крепко обняла:

- Ну что ты, Андрюша! Успокойся! Я вернулась! Все хорошо! Ну, прости меня, вихрастик! - она гладила его по голове.

Видя, что мать рядом, Андрюша быстро успокоился и схватил ее руку, для верности обеим руками. Лариса подошла к сидящему на скамейке мужчине и проговорила смущенно:

- Спасибо Вам огромное, что отвлекли сынишку! Я в музее про все забыла... - Лариса вздохнула и замолчала. Мужчина кивнул головой:

- Я понимаю. Я рассказал Андрею сказку. Правда, немного грустную. Но с хорошим концом. Верно, Андрей?

- Верно! – согласился мальчик и потянул мать за руку.
- Пойдем, мама! А то опоздаем на пароход!

По дороге к пристани она спросила сына:

- Что за сказку он рассказал тебе?

- А кто он? Ты его знаешь?

- Да. Он - писатель, - ответила Лариса и замолчала.

Она вспомнила, как в первый день плавания случайно столкнулась с этим человеком. Медленно, тяжело опираясь на палку, он двигался по палубе ей навстречу. Лариса сразу его узнала - известный литературовед и критик, редактор крупнейшего журнала. Он вел ее любимые телевизионные программы, посвященные русским писателям. Лариса заметила, что в жизни его глаза были не такими серьезными, как на телевизионном экране, скорее веселыми, но в то же время мудрыми. Редкое сочетание! А усы очень приметные – эдакой щеточкой!

- А как называется сказка? – спросила Лариса.

- «Сказка об алой и белой розе».

- О чем она, Андрюша?

- Я не помню, мама. Я все забыл, - правдиво ответил сын.

- Ну, все-таки! Пожалуйста, вспомни хоть что-нибудь! - спрашивала Лариса, спускаясь с крутого берега к теплоходу.

Андрей весело прыгал вместе с ней с бугорка на бугорок. Вдруг он остановился, поднял на мать уже высохшие от слез, темные, блестящие глаза и сказал, хитро улыбнувшись:

- Эта сказка про любовь, мама!

- Про любовь?! - удивилась Лариса, но, помолчав немного, проговорила задумчиво: - А ты знаешь, Андрюша, ведь это правда, все сказки - про любовь!

Прошло двадцать лет. На окраине большого города в тени высоких деревьев спрятался уютный двухэтажный дом. В просторном кабинете за компьютером сидел темноглазый молодой человек. Двумя пальцами с за-

видной скоростью он набирал какой-то текст, беззвучно шевеля губами и часто поправляя сползающие на нос очки. Стол был завален книгами, журналами, копиями статей. На экране компьютера крупными буквами выделялось название: «Сравнительный лингвистический анализ творчества А.Чехова и Л. Толстого с применением современных компьютерных технологий». Молодой человек готовился к докладу на конференции специалистов по славянской литературе. Дверь открылась, и в комнату вошла невысокая женщина, с коротко постриженными русыми волосами и карими, живыми глазами. Ласково взглянув на молодого человека, она сказала:

- Андрюша, обед готов! Сегодня я свекольник приготовила. Холодный, со сметаной! Спускайся в столовую. Я тебя жду!

- Хорошо, мама! Я спущусь минут через двадцать. Мне раздел закончить нужно.

- Приходи, сынок, не задерживайся! - и мать бесшумно прикрыла дверь комнаты.

Андрей снова уткнулся в компьютер. «Надо еще раз посмотреть материалы по анализу творчества писателей на специальных сайтах», - подумал он. Набрал ключевые слова и скоро на экране появился перечень статей и книг. Одна из них заинтересовала его: «Точно по моей теме! Только литературно-художественный анализ и без компьютеров. Да и какие могли быть компьютеры в шестидесятые годы!» Андрей решил тут же получить информацию об авторе работы. На экране возникла короткая заметка, а в углу - фотография автора. Лицо показалось Андрею знакомым. Сквозь толстые стекла очков с экрана смотрели синие пронзительные глаза. Крупная голова. Короткие, темные волосы. И усы - аккуратной щеточкой над верхней губой.

«Где же я его видел?» - мучительно вспоминал Ан-

дрей. В памяти пролетали картины давно ушедших дней. Вот белый теплоход. Крутой берег реки. И он, Андрей, маленький, сидит на лавочке возле какого-то дома, и слезы текут по щекам. Вдруг сердце его сжалось, как когда-то в далеком детстве: «Где мама? Когда же она вернется? Неужели она забыла про меня? Бросила?!» Крупный мужчина, опираясь на палку, подходит к скамейке и тяжело опускается рядом.

- Как тебя зовут? - спрашивает он. - Хочешь, я расскажу тебе сказку?

И внезапно, сказка, которую Андрей, казалось, забыл навсегда, зазвучала в его голове ясно и четко, от первого до последнего слова, и он стал печатать ее прямо посредине своего доклада.

СКАЗКА ОБ АЛОЙ И БЕЛОЙ РОЗЕ

В далекой, прекрасной стране, где в лугах цветут веселые, желтоглазые ромашки, в полях - синие, задумчивые васильки, а в темных лесах - таинственные, ароматные фиалки, жил да был отважный юноша. Он брался за любое дело, не боялся никаких трудностей, и все преграды были ему нипочем. Сердце его закалилось на войне в южной, горной стране, на которую он не раз уходил и возвращался еще более сильным и смелым. Только глаза его смотрели на мир строго и не по-юношески серьезно. Звали его Святослав. В соседнем доме, добротном и красивом, с голубыми наличниками на окнах, жила прекрасная девушка. Пшеничная коса до пояса и глаза - таинственные, как фиалки в лесу. Звали ее Настенька. Полюбили они друг друга, и стал Святослав Настеньку замуж звать. А она говорит:

- Я пойду за тебя замуж, если ты достанешь для меня розу алую, что растет за темными борами и далекими лесами у чудесного озера Тишь. Люди говорят, что

роза эта цветет вечно и охраняет дом от всяких бед и напастей. Ты часто уходишь на войну, а с алой розой я буду с верой и надеждой ждать твоего возвращения, и сердце мое будет спокойно.

- Обещаю, Настенька, - отвечал Святослав. - Я достану для тебя алую розу, что растет у чудесного озера Тишь!

Были у Святослава два верных друга - златоглазый орел и конь вороной, буйногривый. Вышел Святослав в чистое поле и позвал громким голосом орла и коня. Прилетел орел, сел ему на плечо и сложил свои крепкие крылья. Прискакал конь, встал рядом, наклонил голову и бьет нетерпеливо копытом:

- Говори, Святослав, какая тебе от нас нужна служба?

Рассказал Святослав друзьям своим верным про Настенькино желание - про розу алую, волшебную.

- Знаю я это место, - говорит орел златоглазый. - Много раз пролетал я над чудесным озером Тишь. Только опасная туда дорога. Черные всадники рыщут по темным борам, и луки у них крепкие, тугие, а стрелы - острые, безжалостные.

- Я тоже знаю это место, - сказал конь вороной, буйногривый. - Пил я воду из чудесного озера Тишь. Вода в нем чудодейственная - любая рана мигом исцеляется. Только опасная туда дорога. Водятся в далеких лесах ползучие змеи. И ловушки они сворачивают страшные, колючие. Кто ступит ногой в ловушки - разорвет его на мелкие клочки - ничего не останется.

- Ну, что же, дело знакомое, - сказал Святослав. - На войне в южной, горной стране и от железных стрел приходилось спасаться и страшные ловушки обходить. Достанем мы для Настеньки розу алую, волшебную! Завтра и отправимся искать чудесное озеро Тишь. А сегодня - отдохайте, набирайтесь сил перед дорогой дальней, нелегкой.

Взмахнул крепкими крыльями златоглазый орел, поднялся в небесную вышину и исчез с глаз. Взвился конь вороной, буйногривый, встал на задние копыта, передними стукнул изо всех сил о землю и поскакал по чистому полю - только его Святослав и видел - скрылся конь за высоким холмом.

На следующее утро раным-ранехонько встретились в чистом поле Святослав и орел златоглазый. А конь вороной, буйногривый еще до рассвета ускакал, чтобы ждать Святослава у далекого леса. Сел Святослав на орла, крепко обхватил его шею. Орел взмахнул крыльями, взлетел высоко-высоко, и понеслись они вихрем к чудесному озеру Тишь.

Только приблизились к темному бору, как сразу увидели - черные всадники натягивают тугие, крепкие луки и пускают стрелы, острые, безжалостные. Но Святослав зорко смотрел и говорил своему другу, орлу златоглазому, в какую сторону поворачивать. Стал метаться орел то вправо, то влево, путать черных всадников. И как те ни старались, не смогли достать своими стрелами златоглазого орла. Долетел орел до дальних лесов. Говорит орел златоглазый:

- Не обессудь, Святослав, - дальше лететь не могу.

Опустился орел на землю, а там конь вороной уже поджидает. Обнял Святослав орла, попрощался с ним. Сел на коня вороного, буйногривого, и помчались они по далеким лесам. Святослав глаз с дороги не сводит и кричит коню:

- Не ступай на этот бугор - там ловушка!

Конь перепрыгнул через бугор и дальше поскакал. И еще много ловушек они миновали - под кочками да пнями, и даже на светлых полянах и веселых лужайках - везде злые змеи западни поставили. Но вот кончились леса, и показалось чудесное озеро Тишь.

Попрощался Святослав с вороным конем. Отпустил его отдыхать в зеленые луга, на вольную волю. А в обратный путь на следующий день решил отправляться. Подошел Святослав к чудесному озеру. Видит - вокруг озера розы растут - не счесть. Алые как кровь. А, побывав на войне в южной горной стране, Святослав хорошо знал, какого цвета кровь. Но приглядевшись, Святослав заметил, что стебель алой розы обвивает другая роза - белая. И так они крепко переплелись друг с другом, что нельзя отделить белую от алой. Сел Святослав на берег, голову опустил, пригорюнился. Что делать - не знает. Ведь Настенька просила добыть розу алую - она от бед и напастей защищает. Вдруг всплеснуло озеро громким плеском, и высунулся из воды старик - водяной - на голове водоросли висят, на бороде - лягушки и пиявки сидят.

- Не печалься, Святослав, - говорит. - Я твоему горю помогу. Будет алая роза для твоей Настеньки!

Плеснул старик-водяной хвостом на розу водой из чудесного озера Тишь - и пропала со стебля белая роза - осталась одна алая. Поклонился Святослав водяному в пояс. Закрутилась вода как в омуте - и скрылся водяной в глубине озерной вместе с лягушками и пиявками.

Выкопал Святослав алую розу. Платок голубой, что ему Настенька в дорогу приготовила, из-за пазухи вынул, в чудесном озере намочил и завернул в него корни алой розы - как его водяной научил. Да такая вдруг дремота на него напала, что он уснул прямо на берегу озера Тишь.

Ранним утром проснулся Святослав. Умылся в чудесном озере, руки, плечи ополоснул и видит, что шрам от раны на плече - исчез, будто его и не было никогда. «Правду говорят люди - волшебное это озеро», - подумал Святослав. А тут и конь вороной, буйногривый явился. Говорит Святослав коню:

- Добыл я для Настеньки розу алую, волшебную. Теперь можно и в обратный путь отправляться.

Сел Святослав на коня, и помчались они быстрее ветра. Проскакали опасные, далекие леса, но все напасти их миновали. Пересел Святослав на орла, и пролетели они над темными борами, и никакие беды не добрались до них. Вернулся Святослав домой - и сразу к Настеньке. Увидела Настенька алую розу с чудесного озера Тишь, обрадовалась.

- Пойдем, Святослав, посадим алую розу в нашем саду, а завтра можно и свадьбу справлять.

Посадили они розу. А на следующий день свадьбу веселую всем миром сыграли. Счастья, радости и детишек побольше желали молодым.

Много ли времени прошло, мало, получил Святослав приказ - снова на войну идти. Настенька со слезами прощалась с ним. Проводила его в поход и долго махала вслед голубым платком. А на следующий день рано утром к розе алой прибежала. Смотрит, а вокруг нее белая роза обвилась, красивая, нежная, лепестками прижалась, прильнула - не оторвешь. Загрустила Настенька - знала она, что белая роза печаль приносит и разлуку долгую. Но вдруг заговорила алая роза человеческим голосом:

- Не плачь, Настенька! Радости без печали не бывает! Да и как же знать, что такое радость, если горя никогда не видеть! Пока есть на земле войны, не исчезнет белая роза. Всегда будет с алой рядом. А ты, Настенька, жди мужа своего, Святослава, печалься светлой печалью. Время придет - вернется он с войны, и радость и счастье будут с вами вечно!

Так и получилось, как сказала алая роза. Вернулся Святослав с войны живым и невредимым. Встретила его Настенька с радостью безмерной, взяла за руку и

повела в сад. Показала алую и белую розы, как они растут вместе. Ничего не сказал Святослав, только погладил Настеньку ласково по голове. Взглянула на него Настенька и увидела, что в волосах у мужа пряди появились белые, как белая роза с чудесного озера Тишь.

Андрей поставил точку и долго сидел, перечитывая ровные строчки, выписанные на экране компьютера.

- Андрюша, иди же скорее обедать! Я тебя заждалась совсем! - услышал он как будто издали, из далекого детства, звонкий, молодой голос матери.

- Я сейчас, мам! Я мигом! Ты знаешь, у меня для тебя сюрприз! Ни за что не догадаешься! Такой чудесный, как в сказке!

